

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-9527

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ОБРАЗОВАНИИ**

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

T. 7 № 1 2025

Vol. 7 No. 1 2025

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-9527 (online)

psychinedu.ru

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1>

2025. Том 7, № 1

2025. Vol. 7, no. 1

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

PSIKHOLOGIYA CHELOVEKA V OBRAZOVANII

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 —
74247, выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 4 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 —
74247, issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

4 issues per year

16+

Редакционная коллегия

Главный редактор

Л. А. Цветкова (Российская академия образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

С. А. Безгодова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

А. В. Микляева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

А. Б. Веревкина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. Волкова (Психологический институт Российской академии образования, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия)

А. Н. Веракса (Российская академия образования, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

П. Дзюкколотти (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия)

С. Н. Ениколопов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Научный центр психического здоровья РАМН, Москва, Россия)

Ю. П. Зинченко (Российская академия образования, Российское психологическое общество, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

К. В. Карпинский (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь)

И. В. Королева (Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Board

Editor-in-chief

Larisa A. Tsvetkova (Russian Academy of Education, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Svetlana A. Bezgodova (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Executive Editor

Anastasia V. Miklyaeva (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Anna B. Verevkina (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Elena N. Volkova (Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia)

Alexander N. Veraksa (Russian Academy of Education, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Pierluigi Zoccolotti (Sapienza University of Rome, Rome, Italy)

Sergey N. Enikolopov (Lomonosov Moscow State University, Research Centre of the Russian Academy of Medical Sciences, Moscow, Russia)

Yuri P. Zinchenko (Russian Academy of Education, Russian Psychological Society, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Konstantin V. Karpinsky (Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus)

Inna V. Koroleva (Saint-Petersburg Research Institute of Ear, Throat, Nose and Speech (the Ministry of Health), Saint Petersburg, Russia)

Natalya N. Koroleva (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia)

Chiara V. Marinelli (University of Foggia, Foggia, Italy)

Timofey A. Nestik (Russian Academy of Sciences, International Association for Analytical Psychology, International Association of Facilitators, Moscow, Russia)

Н. Н. Королева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Малых (Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия)

К. В. Маринелли (Университет Фоджи, Фоджа, Италия)

Т. А. Нестик (Институт психологии РАН, Международная ассоциация прикладной психологии (IAAP), Международная ассоциация фасилитаторов (IAF), Москва, Россия)

Т. Н. Носкова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Реан (Российская академия образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)

Шихуэй Хан (Институт исследований мозга IDG/Макговерн в Пекинском университете, Пекин, Китай)

В. П. Шейнов (Международная академия информационных технологий, Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь)

В. А. Янчук (Академия последипломного образования, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Учредитель РГПУ им. А. И. Герцена
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 11,6 Мб

Подписано к использованию 31.03.2025

При использовании любых фрагментов ссылка на журнал «Психология человека в образовании» и на авторов материала обязательна.

Журнал «Психология человека в образовании» публикует результаты новых фундаментальных и прикладных научных исследований в области психологии, в фокусе внимания которых находится человек как субъект образования, независимо от возраста, ступени и формата образования. В современном мире образование — это неотъемлемый процесс в жизни любого человека, независимо от возраста и рода занятий. *Life-long* образование («образование длиной в жизнь») как один из основных трендов социального развития предполагает высокую степень субъектности человека, готовность к непрерывному приобретению новых знаний и навыков в избранных сферах жизни и, как следствие, формирование личностной образовательной системы, выходящей за пределы институционализированного образования.

Редактор *М. С. Огуренкова*

Корректор *М. С. Огуренкова*

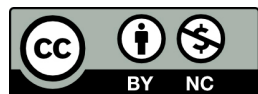
Редакторы английского текста *М. В. Городиский, И. А. Наговицына, К. Ю. Рыбачук*

Оформление обложки *О. В. Рудневой*

Верстка *Д. В. Романовой*

Индексация / Indexation:

- [Российский индекс научного цитирования \(РИНЦ\) / Russian Index of Science Citation](#)
- [DOAJ](#)
- [Ulrich's Periodicals Directory](#)
- «КиберЛенинка» / Online scientific library “CyberLeninka”
- [НТЦ «Информрегистр»](#)
- [ERIH PLUS](#)

Tatyana N. Noskova (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Artur A. Rean (Russian Academy of Education, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia)

Shihui Han (IDG Brain Research Institute/McGovern at Peking University, Beijing, China)

Viktor P. Sheynov (International Academy of Information Technologies, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus)

Vladimir A. Yanchuk (Academy of Postgraduate Education, Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Founded by Herzen State Pedagogical University of Russia
Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 31.03.2025

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the journal “Psychology in Education” and the author(s) of the material in question.

The journal *Psychology in Education* (alternative title *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*) publishes the results of original fundamental and applied research in psychology that focuses on an individual in an educational environment, regardless of their age, programme level or format of education. Lately, education has become an integral part of everyone's life, including people of all ages and professions. Indeed, life-long learning is now one of the key trends in social development. It involves a high degree of individual agency and readiness to constantly acquire new knowledge and skills in one's areas of interest, which requires an individual educational system beyond the educational institutions.

Санкт-Петербург, 2025

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья редакции	5
<i>Цветкова Л. А., Безгодова С. А., Микляева А. В.</i> Профессору Виктору Павловичу Шейнову — 85 лет!	5
Личность в процессах обучения и воспитания	7
<i>Одинцова О. Ю.</i> Триада «мать — отец — плод» и пренатальные триадные отношения в период ожидания ребенка: Pro et Contra	7
<i>Власихина Н. В.</i> Родительские установки у отцов в российских протестантских семьях ..	21
<i>Шошев М. Д.</i> Семейная когерентность. Психофизиология семейных отношений	32
<i>Карпинский К. В.</i> Дети как агенты психологического благополучия взрослых	40
<i>Виноградов П. Н., Сюй С.</i> Академический стресс и его преодоление китайскими студентами, обучающимися в России и Китае	59
Психология становления современного профессионала	79
<i>Ефимова В. Л., Дружинин О. А.</i> Время реакции и безопасность профессиональной деятельности (обзор зарубежных исследований)	79
<i>Мелетичев В. В., Шингаев С. М., Кирилова С. А.</i> Методологические и теоретические основания психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов в отечественной системе дополнительного профессионального образования	88
<i>Уманская Э. Э., Бонкало Т. И.</i> Особенности эмоциональных проявлений профессионального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам.	98
Клинические, образовательные и социальные аспекты психологии здоровья	109
<i>Беляков Н. А., Рассохин В. В., Боева Е. В., Книжникова А. А., Норка А. О., Халезова Н. Б., Кушнир Я. Б., Исаева Е. Р.</i> Отсроченные нейропсихологические и патопсихологические последствия, ассоциированные с COVID-19	109
Новости научной жизни	125
<i>Сирусети М., Датти Р. Ш., Сампатирао Р.</i> Краткое введение в индийскую психологию	125

CONTENTS

Introductory article by the Editorial	5
<i>Tsvetkova L. A., Bezgodova S. A., Miklyaeva A. V.</i> Professor Viktor Pavlovich Sheinov turning 85!	5
An individual's personality in teaching, learning and education.	7
<i>Odintsova O. Yu.</i> The mother — father — fetus triad and prenatal triad relationships in anticipation of a child: Pro et contra	7
<i>Vlasikhina N. V.</i> Parental attitudes among fathers in Russian Protestant families.	21
<i>Shoshev M. D.</i> Family coherence and the psychophysiology of family relationships	32
<i>Karpinski K. V.</i> Children as agents of adults' psychological well-being	40
<i>Vinogradov P. N., Xu X.</i> Academic stress and its management by Chinese students studying in Russia and China	59
Psychology of professionalism	79
<i>Efimova V. L., Druzhinin O. A.</i> Reaction time and occupational safety of professional activity: Review of foreign studies	79
<i>Meletichev V. V., Shingayev S. M., Kirilova S. A.</i> Methodological and theoretical foundations of psycho-pedagogical support for the professional and personal development of teachers through the system of additional professional education in Russia	88
<i>Umanskaya E. E., Bonkalo T. I.</i> Emotional manifestations of professional burnout among chess coaches	98
Clinical, educational, and social aspects of health psychology.	109
<i>Belyakov N. A., Rassokhin V. V., Boeva E. V., Knizhnikova A. A., Norka A. O., Khalezova N. B., Kushnir Ya. B., Isaeva E. R.</i> Long-term neuropsychological and pathopsychological consequences associated with COVID-19.	109
Academic news and updates	125
<i>Sirisety M., Datti R. S., Sampathirao R.</i> A Brief Introduction to Indian Psychology	125

Профессору Виктору Павловичу Шейнову — 85 лет!

Л. А. Цветкова^{✉1,2,3}, С. А. Безгодова¹, А. В. Микляева¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургский филиал, 190008, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

³ Российская академия образования, 119121, Россия, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8

Для цитирования: Цветкова, Л. А., Безгодова, С. А., Микляева, А. В. (2025) Профессору Виктору Павловичу Шейнову — 85 лет! *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 5–6.

Получена 26 февраля 2025; принята 27 февраля 2025.

Права: © Л. А. Цветкова, С. А. Безгодова, А. В. Микляева (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

For citation: Tsvetkova, L. A., Bezgodova, S. A., Miklyaeva, A. V. (2025) Professor Viktor Pavlovich Sheinov turning 85! *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 5–6.

Received 26 February 2025; accepted 27 February 2025.

Copyright: © L. A. Tsvetkova, S. A. Bezgodova, A. V. Miklyaeva (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](#).

3 мая 2025 г. исполняется 85 лет Виктору Павловичу Шейнову, исследователю с мировым именем, известному своими работами в различных областях науки, включая психологию.

Сфера научных интересов Виктора Павловича очень широка и включает изучение разнообразных проблем психологии личности, социальной и педагогической психологии. В научном сообществе широко известны исследования Виктора Павловича, посвященные актуальным вопросам психологии лидерства, конфликтов, межличностного влияния, манипуляций сознанием, ассертивного поведения, а также психологическим эффектам цифровизации повседневной жизни, изучению которых посвящены исследования последних лет. Результаты этих исследований, благодаря их филигранной вписанности в современный научный контекст, вносят существенный вклад не только в развитие психологического знания, но и в повышение авторитета постсоветской психологии в мировом научно-психологическом пространстве.

Разработанные Виктором Павловичем опросники — Опросник зависимости от социальных сетей, Опросник зависимости от смартфона, Опросник ассертивности, Опросник незащищенности от манипуляций и др. — отличаются тщательной психометрической выверенностью и широко используются для решения разнообразных исследовательских и практических задач. Своими разработками Виктор Павлович щедро делится с начинающими учеными, активно вовлекая их в исследовательскую работу, создавая тем самым условия для их профессионального становления.

Виктор Павлович известен не только как ученый-исследователь, но и как автор популярных книг по психологии, выполняющих просветительскую миссию по повышению психологической грамотности людей, не связанных с психологией. Им опубликовано более 40 книг в сериях «Библиотека практической психологии», «Психологический бестселлер», «Психология. Советы мастера» и др., которые востребованы читательской аудиторией и вызывают ее неизменный интерес.

Виктор Павлович является давним другом журнала «Психология человека в образовании», автором ярких и интересных статей, публикуемых на его страницах, строгим и справедливым рецензентом, а также активным и вовлеченным в жизнь журнала членом редакционной коллегии. В 2023 г. Виктор Павлович выступил в качестве приглашенного редактора тематического номера, посвященного психологическим проблемам цифровизации образовательного пространства

«Человек в цифровом образовательном пространстве: новые возможности развития психического и личностного потенциала», который стал одним из самых узнаваемых и цитируемых номеров журнала.

Сотрудничество с Виктором Павловичем — это возможность работать не только с профессионалом высочайшего уровня, заряжающим своей увлеченностью исследовательской работой и живым интересом к новейшим проблемам психологии, но и с внимательным, чутким и надежным человеком, на которого всегда можно положиться. Мы поздравляем Виктора Павловича с юбилеем и желаем доброго здоровья, неиссякаемого оптимизма, талантливых учеников, творческого вдохновения и новых научных свершений!

Сведения об авторах

Лариса Александровна Цветкова, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, и. о. вице-президента Российской академии образования, ведущий научный сотрудник института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заместитель директора по научной деятельности Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

SPIN-код: [2815-8700](#), Scopus AuthorID: [7006374015](#), ResearcherID: [J-4513-2013](#), ORCID: [0000-0002-4080-7103](#), e-mail: larac@mail.ru

Светлана Александровна Безгодова, заместитель главного редактора, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности и информационных технологий в образовании, директор института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

SPIN-код: [6644-6059](#), Scopus AuthorID: [57128588500](#), ORCID: [0000-0001-5425-7838](#), e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Анастасия Владимировна Микляева, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: [9471-8985](#), Scopus AuthorID: [53984860100](#), ResearcherID: [D-4700-2017](#), ORCID: [0000-0001-8389-2275](#), e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Authors

Larisa A. Tsvetkova, Editor-in-Chief, Full Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Acting Vice-President of the Russian Academy of Education, Senior Researcher at the Institute of Psychology at Herzen State Pedagogical University of Russia, Deputy Director for Research at Higher School of Economics in Saint Petersburg

SPIN: [2815-8700](#), Scopus AuthorID: [7006374015](#), ResearcherID: [J-4513-2013](#), ORCID: [0000-0002-4080-7103](#), e-mail: larac@mail.ru

Svetlana A. Bezgodova, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology of Professional Activity and Information Technology in Education, Director of the Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: [6644-6059](#), Scopus AuthorID: [57128588500](#), ORCID: [0000-0001-5425-7838](#), e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: [9471-8985](#), Scopus AuthorID: [53984860100](#), ResearcherID: [D-4700-2017](#), ORCID: [0000-0001-8389-2275](#), e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

УДК 159.922

EDN G SJPLT

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-7-20>

Научная статья

Триада «мать — отец — плод» и пренатальные триадные отношения в период ожидания ребенка: Pro et contra

О. Ю. Одинцова ✉¹

¹ Ярославский государственный медицинский университет,
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Революционная, д. 5

Для цитирования: Одинцова, О. Ю. (2025) Триада «мать — отец — плод» и пренатальные триадные отношения в период ожидания ребенка: Pro et contra. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 7–20. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-7-20> EDN G SJPLT

Получена 12 сентября 2024; прошла рецензирование 26 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © О. Ю. Одинцова (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. В статье представлен обзор отечественных и зарубежных исследований, подчеркивающих связь нескольких теоретических конструктов: центральным выступает конструкт «пренатальные триадные отношения», во взаимосвязи с которым раскрыто понятие «антиципированный образ ребенка» и приведены механизмы пренатальной привязанности и представлений о родительстве. **Материалы и методы.** Осуществлен анализ 87 источников, опубликованных в базах данных РИНЦ, Google Scholar, Scopus, PubMed, MedLine, Web of Science, Crossref, Science Direct, Taylor & Francis, в которых использованы ключевые слова, отражающие функционирование триады «мать — отец — плод» и специфику пренатальных триадных отношений. Из них 40 публикаций непосредственно цитируются в статье.

Результаты исследования. В обзоре последовательно фокусируется внимание на триаде «мать — отец — плод» и триадных отношениях ее участников. Обсуждается асимметричность, асинхронность и неравномерность вклада участников триады. В частности, женщина образует диаду с плодом раньше партнера, мужчина включается в нее со второй половины беременности, испытывая большее количество барьеров на пути установления связи «отец — плод». Будущий ребенок представлен субъективными ожиданиями и представлениями партнеров, включающими когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, сформированные на основе механизмов антиципации. Триггерами пренатальных триадных отношений выступают когнитивные схемы антиципированного образа ребенка и идеализированные представления о родительстве, имеющие связь с культурной, социальной и субъективно-личностной детерминацией. Развитие пренатальных триадных отношений объясняется теорией привязанности: будущие родители испытывают пренатальную привязанность к плоду и переносят ее в постнатальные отношения.

Заключение. Триадные отношения на этапе перехода к родительству встраиваются в систему «мать — отец — плод» на основе механизмов когнитивной антиципации и пренатальной привязанности. Предположительно, пренатальные триадные отношения предсказывают последующее постнатальное поведение партнеров. Эмпирическое изучение триадных отношений обогащает осмысление вопросов пренатального психического здоровья и психологического благополучия всех участников семейного взаимодействия.

Ключевые слова: триада, плод, пренатальные триадные отношения, антиципированный образ ребенка, представления о родительстве, пренатальная привязанность

Research article

The mother — father — fetus triad and prenatal triad relationships in anticipation of a child: Pro et contra

O. Yu. Odintsova ¹

¹ Yaroslavl State Medical University, 5 Revolutsionnaya Str., Yaroslavl 150000, Russia

For citation: Odintsova, O. Yu. (2025) The mother — father — fetus triad and prenatal triad relationships in anticipation of a child: Pro et contra. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 7–20. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-7-20> EDN GSIPLT

Received 12 September 2024; reviewed 26 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © O. Yu. Odintsova (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. This article presents an overview of domestic and foreign studies emphasizing the relationship between several theoretical constructs. At the core is the construct of ‘prenatal triad relationships’, which we used to reveal the concept of ‘anticipated image of a child’ and the mechanisms of prenatal attachment and ideas about parenting.

Materials and Methods. We analyzed 87 sources published in the RSCI, Google Scholar, Scopus, PubMed, MedLine, Web of Science, Crossref, Science Direct and Taylor & Francis databases whose keywords reflected the functioning of the mother — father — fetus triad and the specifics of prenatal triad relationships. Of these, 40 publications are directly cited in this article.

Results. Our review consistently focuses on the mother — father — fetus triad and the triad relationships of its participants. We also discuss the asymmetry, asynchrony and unevenness of the triad participants’ contribution. In particular, the woman forms a dyad with the fetus earlier than her partner, while the man is included in it from the second half of pregnancy, experiencing a greater number of barriers on the way to establishing the father — fetus connection. The future child is represented by the partners’ subjective expectations and ideas. Prenatal triadic relationships are triggered by cognitive schemes of the anticipated image of the child and idealized ideas about parenthood, tied to cultural, social and subjective-personal determination. The development of prenatal triad relationships is explained by attachment theory: future parents experience prenatal attachment to the fetus and transfer it to postnatal relationships.

Conclusions. Triad relationships at the stage of transition to parenthood are integrated into the mother — father — fetus system based on cognitive anticipation and prenatal attachment mechanisms. Prenatal triad relationships may predict partners’ postnatal behavior. Empirical study of triadic relationships serves to enrich our understanding of prenatal mental health and well-being.

Keywords: triad, fetus, prenatal triadic relationships, anticipatory image of the child, ideas about parenthood, prenatal attachment

Введение: от осмысления индивидуальных новообразований на этапе ожидания ребенка к триаде «мать — отец — плод»

Подготовка к родительству — этап, связанный с многообразными индивидуально-личностными и семейными трансформациями. Масштабные преобразования в жизни субъекта вследствие ожидания ребенка представлены на рисунке 1.

В отечественной психологической науке накоплено большое количество работ, сфокусированных на женщинах. В этих работах описываются *индивидуальные новообразования* субъектов в связи с онтогенезом родительской

сферы, такие как «внутренняя картина беременности» (Айвазян 2008), «психологический компонент гестационной доминанты» (Добряков 2010), «контроль материнского поведения» (Ковалева, Сергиенко 2007), «синдром беременности» (Боровикова 2005), «нормативная модель материнства» (Смирнова, Трушкина 2011), «внутренняя материнская позиция» (Чистякова 2021), «индивидуальный стиль переживания беременности», «психологическая готовность к материнству» (Филиппова 2020), «предвосхищаемая материнская идентичность» (Шаповаленко 2022), «психологическая готовность к отцовству», «стратегия отцовства» (Борисенко 2020) и другие. Исходя из разнообразия

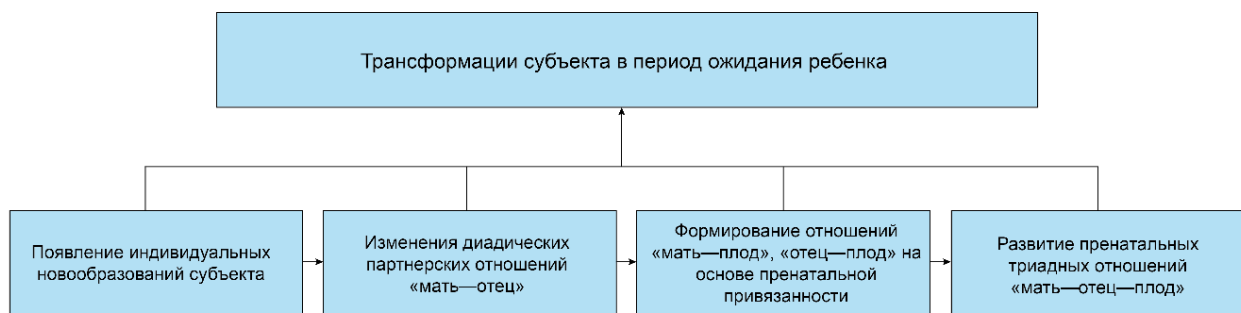

Рис. 1. Особенности индивидуально-личностных и внутрисемейных трансформаций на этапе ожидания ребенка

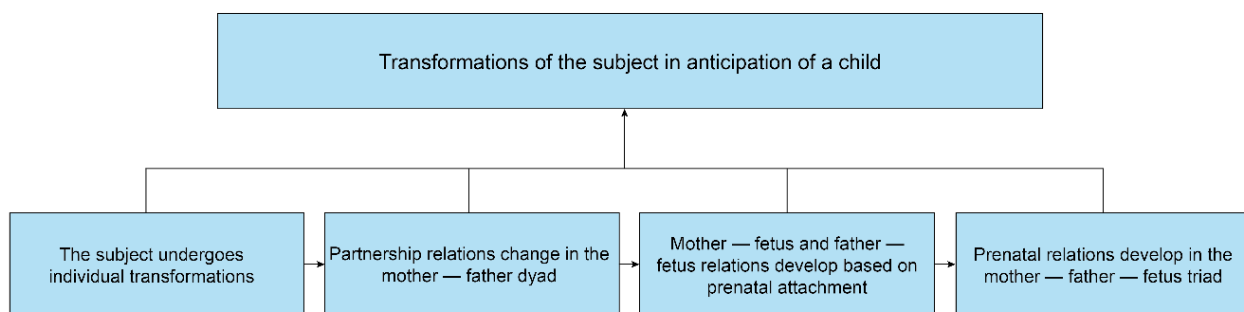

Fig. 1. Features of individual-personal and intra-family transformations in anticipation of a child

приведенных выше теоретических конструктов, очевидно, что проблематика индивидуальных изменений на этапе перехода к родительству является хорошо изученной областью в отечественном психологическом дискурсе.

Не менее активно исследуется диада «мать — плод» в разных контекстах: сквозь призму пренатальной привязанности матери к ребенку (Савеньшева и др. 2022); особенностей психологического контакта беременной женщины с плодом (Заманаева 2020); пренатальной психологической общности, состоящей и матери, и плода как единой системы (Шмурак 1994); взаимосвязей психологического компонента гестационной доминанты с отношениями в структуре «мать — плод» (Золотова 2021); эмоционального отношения женщины к шевелению плода, определяющего постнатальные отношения с ребенком (Филиппова 2020). У мужчин также формируется привязанность к плоду и диада «отец — плод» (Савеньшева, Савина 2018; Савеньшева и др. 2019; Condon 1993). Выявлено, что для мужчин характерна высокая значимость беременности и будущего ребенка, эмоциональный контакт с ним, установки на перспективу воспитания с ориентацией на последующую стимуляцию активности ребенка (Савина 2017). При этом в период ожидания ребенка качество пренатальной привязанности

мужчин к плоду выше среднего и высокое ($N = 117$) (Савеньшева и др. 2019). Интересно, что эмоциональная близость с партнершей выступает предиктором связи с ребенком ($N = 67$) (Савеньшева, Савина 2018).

Присутствуют работы, обсуждающие супружескую диаду «мать — отец» на этапе ожидания ребенка в связи с качеством партнерских отношений и их влиянием на текущую беременность. В частности, параметр удовлетворенности браком является ключевой детерминантой в формировании отношения к ребенку у обоих супругов до его рождения, а ценность партнера определяет значимость беременности и ребенка (Савеньшева, 2017). Интересны результаты о взаимосвязи функциональных супружеских отношений с уменьшением осложнений беременности и родоразрешения, снижением назначения медикаментозных обезболивающих средств во время родов и сокращением времени их длительности. Партнерская поддержка в родах также способствует естественному родоразрешению и уменьшает дистресс плода ($N = 232$ диады) (Сидоренко, Аринчина 2019). Также установлено взаимовлияние партнеров друг на друга во время беременности и их способность «переливать» свой стресс, тревогу и страх, провоцируя его возникновение у партнера ($N = 102$ диады) (Одинцова, Мисюк 2022).

В зарубежной психологии отношение партнеров к беременности и плоду зачастую осмысливается в ракурсе привязанности. Конструкт «пренатальная привязанность» отражает многоуровневые асимметричные связи как женщины, так и мужчины с плодом. Эти связи выступают основой постнатального взаимодействия с ребенком (Савенышева и др. 2022; Condon 1993).

Учитывая результаты многолетних авторитетных исследований в области перинатальной психологии, мы считаем возможным анализировать трансформации в семье, ожидающей появления ребенка, в контексте пренатальных триадных отношений «мать — отец — плод». Позиция целостности позволяет комплексно изучить микропроцессы, происходящие внутри семьи на этапе перехода к родительству, и в значительной степени обогащает обсуждение вопросов перинатального психического здоровья и психологического благополучия всех участников семейного взаимодействия.

Нами был осуществлен анализ отечественных и зарубежных публикаций, напрямую или косвенно связанных с данной тематикой и опубликованных в базах данных РИНЦ, Google Scholar, Scopus, PubMed, MedLine, Web of Science, Crossref, Science Direct, Taylor & Francis, с использованием ключевых слов для англоязычных баз — “prenatal triadic interacton”, “coparenting representations”, “prenatal family dynamics”, “parent-infant bonding”, “prenatal expectations”; для отечественных баз — «пренатальная привязанность», «пренатальная психологическая общность», «переход к родительству», «родительские ожидания», «антиципация». Изучены 87 публикаций: 46 отечественных и 41 зарубежных научно-исследовательских работ — из них 40 источников используются для цитирования и аргументации авторской позиции.

На основании проведенного анализа обсуждаются два гипотетических конструкта: «пренатальные триадные отношения» и «антиципированный образ ребенка» — которые нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке. Затрагивается проблематика пренатальной привязанности и представлений о родительстве.

Пренатальные триадные отношения: теоретическое обоснование и эмпирическое изучения феномена

Базовым теоретическим подходом в отечественной психологии, позволяющим обсуждать функционирование пренатальной триады «мать — отец — плод», выступает конструкт «пра-мы»,

выдвинутый А. С. Выготским в рамках культурно-исторической психологии развития. «Прамы» интерпретируется как субъективное переживание неразделенности, слитности психики ребенка со взрослым (Выготский 1984). «Прамы» — это исходный пункт дальнейшего развития сознания, самосознания и субъектности, образующийся во взаимосвязях со значимыми близкими (Трушкина 2023). Идея психологического единства субъектов и/или систем также представлена в социальной психологии понятиями «психологической общности» (Позняков, Соснин 1999), «совмещенной психологической системы» (Клочко 2005), «со-бытийной общности» (Слободчиков, Исаев 2005).

В пренатальной психологии на основе этих идей описан конструкт «пренатальная психологическая общность» (Шмурак 1994). В зарубежной психологии ключевой теорией, подкрепляющей обсуждаемый конструкт, выступает теория привязанности Дж. Боулби (Боулби 2003).

Пренатальные триадные отношения — это взаимодействие «мать — отец — плод», возникающее в период беременности и формирующееся на основе механизмов антиципации образа будущего ребенка и родительства в аспектах эмоциональной связи и перспектив постнатального воспитания и ухода (Kuersten-Hogan 2017).

Эмпирическое изучение пренатальных триадных отношений в отечественной науке встречается редко, а в зарубежной литературе отражается в работах, посвященных пренатальной привязанности (Condon 1993), пренатальным ожиданиям (Ammaniti et al. 2019; Diener et al. 1995; Van den Akker et al. 2022; и др.), установкам на родительство во время беременности и их постнатальной реализации (Altenburger et al. 2014; Darwiche et al. 2016; Favez et al. 2006; Kuersten-Hogan, McHale 2021 и т. д.).

Так, например, М. Амманити и коллеги полагают, что у будущих родителей присутствуют осознанные представления о ребенке, которые активируют процессы родительской привязанности. Авторы доказывают, что изображение плода на УЗИ переплетается с его воображаемым образом у матери и отца, позволяя родителям делиться осмысленными представлениями о будущем ребенке (N = 18 диад) (Ammaniti et al. 2019).

В свою очередь, А. Ван Ден Аккер выявила положительную взаимосвязь между пренатальными ожиданиями родителей специфики темперамента ребенка и его проявлениями у младенца (замеры через 4 и 12 месяцев после родов)

(N = 413). Помимо этого, обе переменные независимо друг от друга выступали предикторами родительского поведения: образ будущего ребенка формирует определенные родительские ожидания (каким будет ребенок после рождения) и детерминирует специфику родительского постнатального поведения. Родительское поведение по отношению к младенцу также является предиктором проявления его темперамента. «Как материнские, так и отцовские ожидания, по-видимому, переносятся в послеродовую реальность и обеспечивают контекст для формирования ранних взаимодействий между родителями и детьми», — заключает автор (Van den Akker et al. 2022, 14).

Подобные выводы встречаются в работе М. Динер и коллег (N = 70 диад), также изучающих ожидания респондентов в отношении темперамента будущего ребенка и их соответствие реальности и оценкам сторонних экспертов спустя 3 месяца после родов. Выяснилось, что матери и отцы разделяют пренатальные ожидания друг друга. При этом послеродовые родительские оценки темперамента оказались еще более схожими, чем их ожидания до родов. Между тем оценки темперамента младенца внешними экспертами слабо коррелируют с родительскими показателями. Исследователи резюмируют, что лучшими предикторами родительских оценок темперамента младенца выступают их пренатальные ожидания (Diener et al. 1995).

Таким образом, родительские ожидания и предвосхищение тех или иных личностных качеств будущего ребенка прогностичны, они способны выступать конструктором будущего. В этих ожиданиях еще не родившийся ребенок уже интегрирован в существующую семейную систему, он провоцирует изменения в супружеской диаде «здесь и сейчас», а не после рождения. Расхождение реальности с пренатальными родительскими ожиданиями может быть маркером депрессивной симптоматики и/или дисфункциональных партнерских отношений (Hagwood et al. 2007).

Заслуживает внимания и другой вывод, отражающийся в серии исследований совместного родительства, в том числе на этапе ожидания ребенка — практика совместного родительства развивается до рождения ребенка. Согласно работам Л. Альтенбургера и коллег, взгляды партнеров на их будущее родительство в пренатальный период (III триместр) и их родительскую практику воспитания спустя 9 месяцев (N = 182 диады), взаимосвязаны (Altenburger et al. 2014). Исследователи установили согласованность родительских позиций с последующим поведе-

нием. В частности, пары, характеризующиеся качественным пренатальным поведением (включенностью в беременность, поддержку, заботу, эмпатию), проявляли более поддерживающее родительское поведение после родов. «Склонность к тем или иным воспитательным практикам и “совместность” родительского воспитания развивается до рождения ребенка и характеризуется дальнейшей преемственностью», — резюмирует автор (Altenburger et al. 2014, 502).

Схожие результаты описаны в публикации Н. Фавез, где партнеры (женщины были на 5-м месяце беременности) разыгрывали первую встречу со своим будущим ребенком с помощью симуляционной куклы, имитирующей младенца. Смоделированная ситуация фиксировалась на видеозапись, а затем расшифровывалась и оценивалась по следующим критериям: (1) вовлеченность и участие партнеров, (2) роль партнера в текущей ситуации, (3) внимательность к выполняемой деятельности, (4) эмоциональный контакт с муляжом. Суммарный балл характеризовал качество триадных взаимодействий на этапе перехода диады к триаде (данный метод исследования отражается в публикациях как Лозаннская модель триады, “*Lausanne Triologue Play situation*”, (McHale et al. 2018)). Затем испытуемые принимали участие в исследованиях с собственным ребенком спустя 3, 9 и 18 месяцев после его рождения. Результаты продемонстрировали, что качество и специфика семейного взаимодействия одинаковы во всех точках измерения (N = 30 диад). Иными словами, какую внутрисемейную интеракцию партнеры представляют до рождения ребенка, такую они и воплощают после родов (Favez et al. 2006).

Разделяя эти идеи, Дж. Дарвич дополняет, что при взаимодействии с муляжом партнеры, ожидающие пополнение в семье (N = 33 диады), проявляют согласованные и направленные на будущего ребенка действия (например, мать использует детский лепет для общения с «ребенком», в то время как отец гладит «его» по голове). Дж. Дарвич заключает: «Мать и отец реализуют по отношению к будущему ребенку интуитивное совместное воспитание (“*prenatal intuitive co-parenting behavior*”), возникающее в пренатальный период и являющееся запрограммированным» (Darwiche et al. 2016, 1668).

В работах Р. Кюрстен-Хоган уточняется, что когнитивные и поведенческие аспекты совместного родительства проявляются во время беременности и, возможно, находятся за пределами осознания (Kuersten-Hogan 2017). Автор исследовала пренатальное совместное родительское поведение с куклой, затем делала замеры

с 3-месячным и годовалым ребенком (N = 55 триад). Пары, демонстрирующие гармоничное родительское взаимодействие с муляжом и выражающие теплоту, включенность, взаимное сотрудничество, проявляли те же качества спустя 3 и 12 месяцев после родов. В свою очередь, противоречия между родителями во время беременности, негативные прогнозы, пессимистичный настрой по поводу будущего родительства, пренебрежение и конкуренция, наблюдаемые в некоторых парах, фиксировались у тех же пар и после родов (Kuersten-Hogan 2017).

Таким образом, в обсуждаемых исследованиях подчеркивается идея воплощенности в субъективной реальности родителей еще не родившегося ребенка. Персонифицированное предвосхищение личности ребенка, основанное на механизмах антиципации, и выстраивание взаимоотношений с ним и партнером после деторождения является одним из показателей пренатального триадного взаимодействия.

Триггеры пренатальных триадных отношений: антиципированный образ ребенка и представления о родительстве

Использование конструкта «пренатальные триадные отношения» подразумевает, что партнеры, во-первых, имеют хотя бы поверхностный, предвосхищаемый образ младенца, во-вторых, обладают некими представлениями о родительстве. Представленность данных когнитив-

ных схем во внутреннем мире индивида позволяет действовать с упреждением в реальности (Altenburger et al. 2014; Diener et al. 1995; Favez et al. 2006; Van den Akker et al. 2022 и др.).

Антиципированный образ ребенка — это субъективные ожидания и представления будущего ребенка, содержащие когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, сформированные на основе механизмов предвосхищения. Наглядная структура развития представлений об антиципированном образе ребенка представлена на рисунке 2.

Когнитивная составляющая включает персонификацию будущего ребенка как отдельного существа на основе имеющейся информации о нем и представлений как о функционирующем и развивающемся субъекте. Источником когнитивного компонента выступает опыт физического контакта будущего родителя с плодом через шевеления во II и III триместре беременности (посредством различных характеристик движений плода, их интенсивности, продолжительности и характера), через поступающую информацию от врачей-специалистов, УЗИ, литературу на соответствующую тематику, школу будущих родителей, имеющуюся практику родительства.

Аффективная составляющая предвосхищаемого образа младенца подразумевает широкий спектр вариативных эмоциональных переживаний партнеров относительно беременности, вынашивания, появления ребенка и предстоящего родительства.

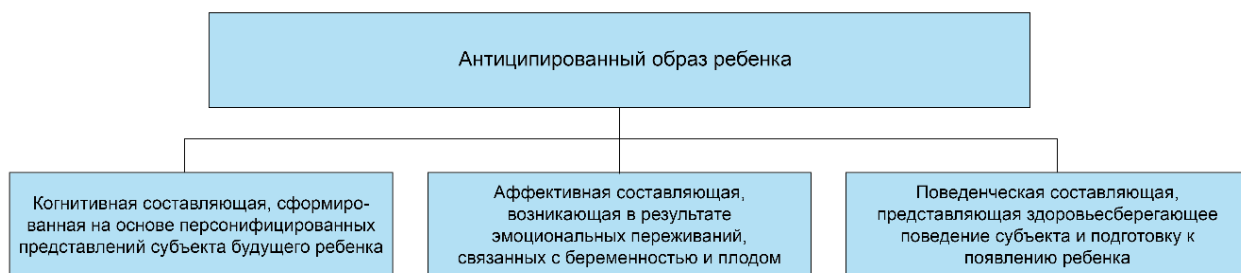

Рис. 2. Структура представлений об антиципированном образе ребенка

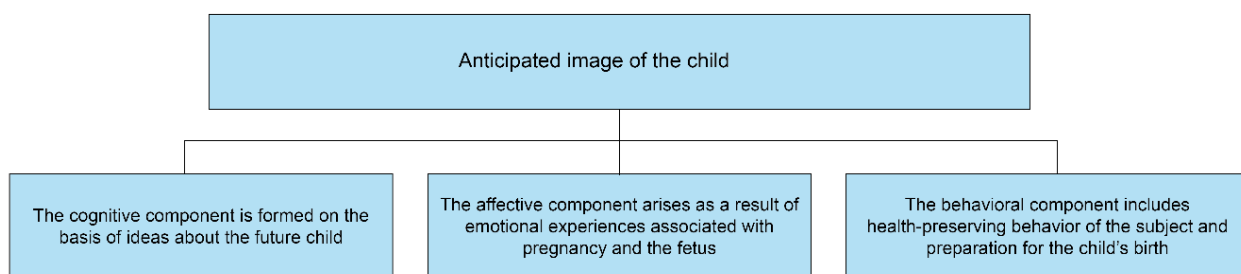

Fig. 2. The structure of ideas about the anticipated image of a child

Поведенческая составляющая реализуется через подготовку к появлению ребенка, заботу партнеров о благополучии плода. Поведенческий компонент антиципированных представлений о ребенке также может конструироваться через непосредственный контакт родителя с плодом. Так, например, в работах Ф. Дольто и К. Дольто популяризируются разработки в области гаптономии, предполагающие психотактильный контакт с плодом через определенную систему прикосновений (Дольто 2008). В отечественной психологии схожие идеи разрабатываются Ю. В. Заманаевой. Исследователь предлагает диагностическую методику для женщин «Пренатальный контакт», позволяющую определить качество психологического контакта женщины с будущим ребенком на поздних сроках беременности с помощью оценки шевелений плода (Заманаева 2020).

Ожидания, предвосхищение, мысли, эмоции и поведение в отношении будущего ребенка являются для родителей частью действительности, инициирующей изменения в супружеской

диаде в сторону триады. Репрезентативный образ ребенка встраивается в представления о триадном взаимодействии и обуславливает специфичность их функционирования.

Представления о родителстве — это обобщенные когнитивные схемы будущего родительства, включающие образ ребенка и отличающиеся идеализированным характером (Баринаова, Васягина 2021; Борисенко 2020; Филиппова 2020 и др.).

В научном психологическом пространстве присутствуют многочисленные исследования, затрагивающие проблему формирования представлений о родителстве. Зачастую авторы сходятся во мнении, что эти представления имеют мультифакториальную природу возникновения: макроуровневую (уровень культуры), мезоуровневую (уровень социума), микроуровневую (индивидуально-личностный опыт субъекта). Не претендуя на отображение исчерпывающих детерминант, инициирующих формирование пренатальных триадных отношений, мы отразили некоторые из них на рисунке 3.

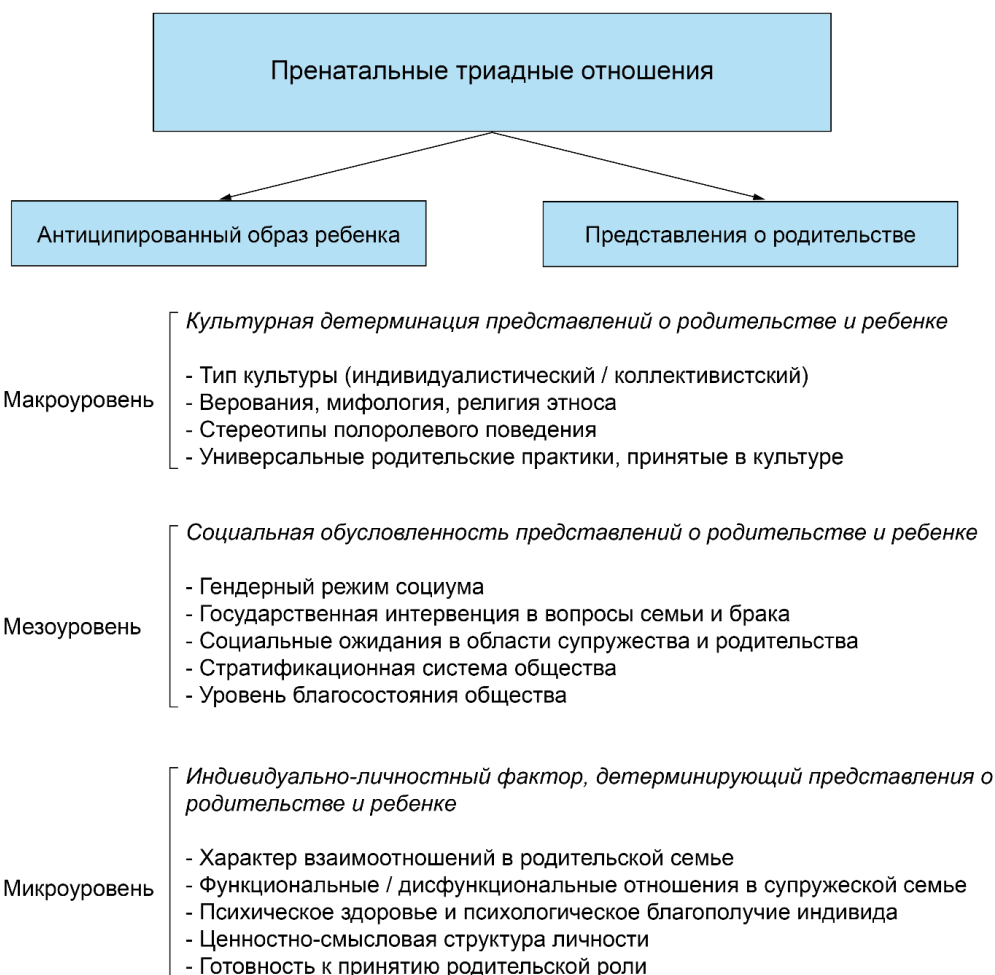

Рис. 3. Источники формирования представлений о пренатальных триадных отношениях

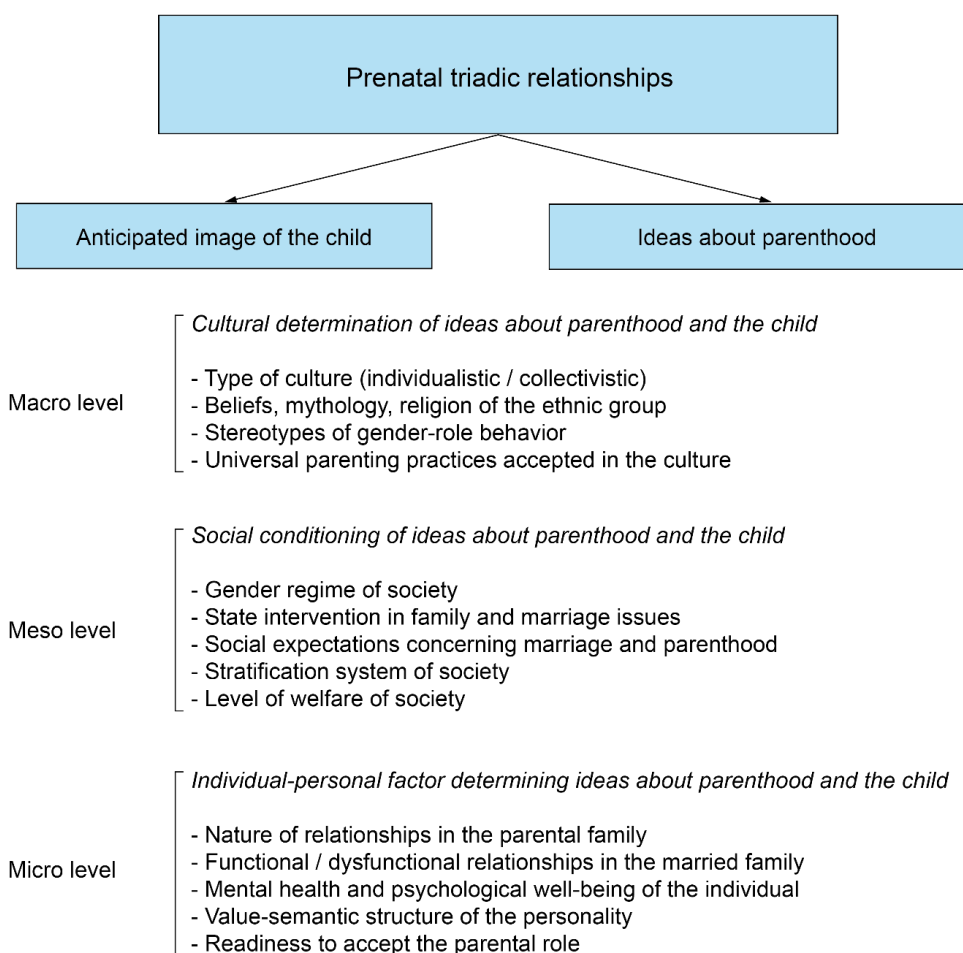

Fig. 3. Sources of ideas about prenatal triadic relationships

Антиципация будущего ребенка и предвосхищение представлений о родительстве — стержневые аспекты в формировании пренатальных триадных отношений, которые претерпевают культурную, социальную и субъективно-личностную обусловленность. Сформированные когнитивные схемы ребенка и совместного родительства отличаются идеализированностью и поверхностностью, однако они встраиваются в транслируемое субъектом постнатальное поведение и в значительной степени руководят им на этапе перехода к родительству, проявляясь в виде определенной родительской практики и качестве выполнения родительских и партнерских функций.

Обсуждение

Специфика триады «мать — отец — плод»

В настоящей статье обсуждается возможность и перспектива изучения триады «мать — отец — плод» в противовес распространенно-

му подходу, анализирующему пару «мать — плод» в качестве первичной диады на этапе ожидания ребенка (Абдулаева, Коргожа 2024). Именно триадный подход отражает глубину понимания факторов, связанных с качеством функционирования всех ее участников и каждым элементом в отдельности на этапе перехода к родительству.

Стоит отметить, что пренатальная триада имеет определенные особенности.

Во-первых, она образуется асимметрично и асинхронно, так как изначально будущая мать и плод объединены в единую закрытую систему, состоящую из двух элементов, к которой отец подключается со II–III триместра беременности партнерши. Это связывается с шевелениями плода, его увеличившимся размером и большей материализацией, реальностью перспективы появления ребенка (Борисенко 2020). Однако сами отношения отца к плоду имеют особенности: в отличие от непосредственного контакта женщины с плодом, отцу доступно только косвенное взаимодействие

с будущим ребенком через беременную партнершу. Следовательно, важная роль для формирования пренатальной триады отводится взаимоотношениям партнеров, степени их эмоциональной близости и открытости как залогоу состоятельности триады «мать — отец — плод».

Даже присутствующий в семье отец может остаться безучастным, не встраиваясь в пренатальные отношения в силу разных обстоятельств. Барьеры, препятствующие включенности мужчин в пренатальную привязанность на когнитивном уровне и в деятельностную подготовку к рождению ребенка на поведенческом уровне, многообразны. Помимо индивидуальных, социальных и культурных детерминант, отстраненность мужчин в период ожидания ребенка обусловлена спецификой функционирования системы здравоохранения: неподготовленностью кабинетов врачей к пребыванию обоих партнеров на родовых визитах, негативным отношением медицинского персонала к мужчинам при совместном посещении женской консультации, необходимостью в специалистах, обучающих будущего отца к встрече с новорожденным, уходу за ним и воспитанию (Одинцова, Миссюк 2022).

Соответственно, в формировании пренатальных триадных отношений особая роль отводится мужчине. Интересно, что будущий отец имеет определенный социальный портрет в отечественных и зарубежных эмпирических работах: это «...белые мужчины среднего класса, хорошо образованные, работающие профессионалы» (Шаповаленко 2022, 61). Используемые в данной работе зарубежные исследования проведены в американско-европейской выборке белых мужчин с хорошим уровнем среднегодового дохода. Не изученным остается вопрос о том, какие пренатальные динамические процессы могут наблюдаться у представителей других социальных слоев населения. Связь мужчины с плодом хрупка и зависима от его отношений с партнершей. В случае отталкивающего, избегающего поведения женщины, дисфункциональных отношений в паре, формирование привязанности к будущему ребенку затруднено.

Помимо этого, пренатальная триада отличается неравномерным вкладом ее участников, поскольку будущий ребенок является не отдельным субъектом, а плодом. Краеугольным камнем остается вопрос о том, может ли еще не родившийся ребенок быть участником существующей семейной системы, интегрированным в нее? Положительный ответ базируется на идее материальности плода. Плод — это не эфемер-

ная сущность, не продукт воображения, с ним доступен физический контакт, он шевелится, растет и развивается, а через 9 месяцев предстанет новорожденным. На протяжении беременности у субъектов присутствует антиципированный образ ребенка, к которому они испытывают пренатальную привязанность. Также партнеры имеют представления о предстоящем родителстве, отличающиеся сложной детерминацией. Ожидания и представления в отношении будущего ребенка являются для родителей частью осознанной фактической действительности, инициирующей изменения в семейной системе.

Однако позиция физического присутствия «третьего» для инициации триадных отношений в диадическом взаимодействии партнеров ставит под сомнение обсуждение данного конструкта.

Динамика триадных отношений: от пренатальной триады к постнатальному взаимодействию

В эмпирических работах на соответствующую тематику зачастую затрагивается вопрос о связи пренатальных триадных отношений с постнатальным поведением субъектов (Altenburger et al. 2014; Diener et al. 1995; Favez et al. 2006; Van den Akker et al. 2022 и др.).

Объяснение подобных результатов находится в русле разных теорий. Например, теории социального научения А. Бандуры, в соответствии с которой представления о ребенке и родителстве (когниции) должны быть связаны с поведением (Бандура 2000). Следовательно, родительские ожидания относительно ребенка, материнства/отцовства и супружества влияют на триадные отношения, а опыт, который партнеры в них получают, формирует ожидания и контекст восприятия постнатальных отношений (Kuersten-Hogan 2017). Соответственно, обсуждение когнитивных представлений и ожиданий субъекта выступает неотъемлемой частью тематики пренатальных триадных отношений.

Другим подходом, интерпретирующим преемственность триадных отношений после рождения ребенка, является теория привязанности Дж. Боулби: будущие матери и отцы испытывают пренатальную привязанность к плоду и переносят ее в постнатальные отношения (Боулби 2003). В структуре пренатальной привязанности также выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Когнитивный уровень содержит репрезентации плода, представление о плоде

как о личности, желании получить информацию о ребенке; эмоциональный уровень включает привязанность, позитивные чувства по отношению к ребенку; поведенческий уровень подразумевает здоровый образ жизни как проявление заботы и защиты будущего ребенка, желание ухаживать за ним (Савенышева 2017; Савенышева и др. 2022; Condon 1993). Теория привязанности утверждает, что субъект воссоздает эмоциональные связи, сформированные в раннем детстве, во многих социальных отношениях (Боулби 2003). Будущие родители проявляют к плоду уже имеющуюся и многократно апробированную «рабочую модель» привязанности. Значит, привязанность к плоду является не новообразованием, а воспроизведением имеющегося опыта.

Несмотря на многообещающий ракурс осмысления семьи в русле триадных отношений на этапе ожидания ребенка, данные идеи имеют ограничения. Во-первых, функционирование пренатальных триадных отношений базируется на допущении, что представления и ожидания обладают достаточным потенциалом, чтобы оказывать влияние на текущую действительность. Однако эмпирическое изучение данного вопроса весьма затруднительно, а выдвигаемое предположение остается гипотезой: обладают ли представления и ожидания, связанные с ребенком, столь существенной силой, что способны инициировать реорганизацию в структуре семьи? Во-вторых, сопоставить результаты изысканий зарубежных коллег с российской действительностью пока не представляется возможным, поскольку единственным стандартизированным инструментарием для изучения триады на этапе ожидания ребенка является аппарат УЗИ в кабинете специалиста.

Тем не менее, мы смеем предположить, что конструкт «пренатальные триадные отношения» фиксирует часть реальности, обогащая видение проблематики семьи на этапе перехода к родительству.

Выводы

1. Триада «мать — отец — плод» формируется в период ожидания ребенка и обладает спецификой: она асимметрична, асинхронна и характеризуется неравномерностью вклада ее участников. Первичной выступает диада «мать — плод», отец становится соучастником триады во второй половине беременности партнерши. Центральным

допущением в функционировании пренатальной триады выступает предположение, что ожидания и представления субъектов являются частью реальности, оказывающей влияние на трансформацию супружеской диады в триаду.

2. Триггерами пренатальных триадных отношений выступают антиципированный образ ребенка и представления о родительстве, имеющиеся у партнеров. Оба конструкта являются обобщенными когнитивными схемами и отличаются идеализированностью. Антиципированный образ ребенка содержит когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Становление этих представлений связаны с культурной, социальной и субъективно-личностной обусловленностью. Вероятно, данные схемы встраиваются в пренатальное поведение субъекта и влияют на постнатальное.
3. Теоретическим обоснованием триады «мать — отец — плод» и триадных отношений выступают отечественные и зарубежные концепции, однако чаще всего в литературе упоминается теория привязанности: будущие родители испытывают пренатальную привязанность к плоду и переносят ее в постнатальные отношения. В пренатальной привязанности субъекты воспроизводят привычные модели эмоциональных связей.
4. Учитывая разноуровневые трансформации, с которыми сталкивается семья на этапе перехода к родительству, изучение пренатальной триады и триадных отношений позволяет комплексно исследовать микропроцессы, происходящие внутри семейной общности в период ожидания ребенка. Позиция целостности триады обогащает осмысление вопросов пренатального психического здоровья и психологического благополучия всех участников семейного взаимодействия, а также позволяет предсказать трудности послеродовой адаптации.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Абдулаева, А. М., Коргожа, М. А. (2024) Материнская позиция женщин, воспитывающих одного ребенка и двойню раннего возраста: обзор отечественных и зарубежных исследований. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 1, с. 18–32. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-1-18-32>
- Айвазян, Е. Б. (2008) Развитие телесного и эмоционального опыта женщины в период беременности. *Перинатальная психология и психология родительства*, № 2, с. 93–110.
- Бандура, А. (2000) *Теория социального научения*. СПб.: Евразия, 320 с.
- Барина, Е. С., Васягина, Н. Н. (2021) *Семейное самосознание мужчины: структурно-содержательный контекст*. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 206 с.
- Борисенко, Ю. В. (2020) *Становление психологической готовности к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 632 с.
- Боровикова, Н. В. (2005) Синдром беременности. В кн.: А. Н. Васина (ред.). *Хрестоматия по перинатальной психологии: психология беременности, родов и послеродового периода*. М.: Изд-во Университета Российской академии образования, с. 6–11.
- Боулби, Д. (2003) *Привязанность*. М.: Гардарики, 447 с.
- Выготский, Л. С. (1984) *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология*. М.: Педагогика, 432 с.
- Добряков, И. В. (2010) *Перинатальная психология*. СПб.: Питер, 272 с.
- Дольто, К. (2008) *На путях рождения: о гомеостатическом сопровождении человека*. 3-е изд. Ижевск: ERGO, 187 с.
- Заманаева, Ю. В. (2020) Психодиагностическая методика «Пренатальный контакт»: структура, психодиагностические возможности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, т. 10, вып. 3, с. 303–322. EDN: [HNXIRC](#)
- Золотова, И. А. (2021) Исследование особенностей психологического компонента гестационной доминанты как индикатора формирования дисфункциональных отношений в системе «мать — дитя» у женщин различных возрастных категорий. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, т. 27, № 2, с. 135–142. EDN: [ONDZLJ](#)
- Клочко, В. Е. (2005) *Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности*. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 174 с.
- Ковалева, Ю. В. Сергиенко, Е. А. (2007) Контроль поведения при различном течении беременности. *Психологический журнал*, т. 28, № 1, с. 70–82. EDN: [НУКЮОZ](#)
- Одинцова, О. Ю., Миссюк, Ю. В. (2022) *Трансформации современного родительства: психологические аспекты*. Кострома: Костромской государственный университет, 240 с.
- Позняков, В. П., Соснин, В. А. (1999) Психология малых групп. В кн.: В. Н. Дружинин (ред.). *Современная психология: справочное руководство*. М.: Инфра-М, с. 524–539.
- Савеньшева, С. С. (2017) Факторы удовлетворенности браком в период после рождения ребенка: анализ зарубежных исследований. *Психологические исследования*, т. 10, № 51, с. 6–12. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.405>
- Савеньшева, С. С., Савина, Е. М. (2018) Отношение к ребенку в пренатальный период его развития у мужчин в связи с супружескими отношениями. *Проблемы современного педагогического образования*, № 58-3, с. 343–346. EDN: [YSTYXF](#)
- Савеньшева, С. С., Аникина, В. О., Блох, М. Е. (2022) Перевод и адаптация методики «Пренатальная привязанность матери к ребенку» (MAAS). *Консультативная психология и психотерапия*, т. 30, № 3, с. 92–111. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300306>
- Савеньшева, С. С., Шумик, А. Р., Иманалиева, Г. Ф. (2019) Привязанность отца к ребенку до и после его рождения. *Проблемы современного педагогического образования*, № 62-3, с. 300–302. EDN: [YUJLCP](#)
- Савина, Е. М. (2017) Система значимых отношений в семьях, ожидающих рождения ребенка. *Мир науки*, т. 5, № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/19PSMN617.pdf> (дата обращения 20.07.2024).
- Сидоренко, В. Н., Аринчина, Н. Г. (2019) Партнерская поддержка как профилактика осложнений во время беременности и в родах. *Медицинские новости*, № 4 (295), с. 17–20. EDN: [MONHWV](#)
- Слободчиков, В. И., Исаев, Е. И. (1995) *Психология человека: введение в психологию субъективности*. М.: Школа-Пресс, 384 с.
- Смирнова, Е. О., Трушкина, С. В. (2011) Варианты нормативных моделей материнства у современных женщин. В кн.: В. С. Собкин (ред.). *Социология образования. Труды по социологии образования. Серия «Социокультурные проблемы современного образования»*. Т. 15. Вып. 26. М.: Институт социологии образования РАО, с. 122–134.
- Трушкина, С. В. (2023) Сравнительный анализ подходов Л. С. Выготского и Дж. Боулби к развитию ребенка на первом году жизни. *Культурно-историческая психология*, т. 19, № 3, с. 39–46. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190305>
- Филиппова, Г. Г. (2020) *Психология материнства*. 2-е изд. М.: Юрайт, 212 с.

- Чистякова, Ю. С. (2021) Аксиологические основания формирования внутренней материнской позиции. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 199, с. 181–188. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2021-199-181-188>
- Шаповаленко, И. В. (2022) Современное родительство: новые исследовательские подходы. *Современная зарубежная психология*, т. 11, № 1, с. 58–67. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110106>
- Шмурак, Ю. Б. (1994) Пренатальная психологическая общность. *Человек*, № 6, с. 24–37.
- Altenburger, L. E., Schoppe-Sullivan, S. J., Lang, S. N. et al. (2014) Associations between prenatal coparenting behavior and observed coparenting behavior at 9-months postpartum. *Journal of Family Psychology*, vol. 28, no. 4, pp. 495–504. <https://doi.org/10.1037/fam0000012>
- Ammaniti, M., Trentini, C., Menozzi, F., Tambelli, R. (2019) Transition to parenthood: Studies of intersubjectivity in mothers and fathers. In: R. N. Emde (ed.). *Early parenting and prevention of disorder: Psychoanalytic research at interdisciplinary frontiers*. London: Routledge Publ., pp. 129–164. <https://doi.org/10.4324/9780429474064>
- Condon, J. T. (1993) The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument. *British Journal of Medical Psychology*, vol. 66, no. 2, pp. 167–183. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8341.1993.tb01739.x>
- Darwiche, J., Fivaz-Depeursinge, E., Corboz-Warnery, A. (2016) Prenatal intuitive coparenting behaviors. *Frontiers in Psychology*, vol. 7, article 1662. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01662>
- Diener, M. L., Goldstein, L. H., Mangelsdorf, S. C. (1995) The role of prenatal expectations in parents' reports of infant temperament. *Merrill-Palmer Quarterly*, vol. 41, no. 2, pp. 172–190.
- Favez, N., Frascarolo, E., Fivaz-Depeursinge, E. (2006) Family alliance stability and change from pregnancy to toddlerhood and marital correlates. *Swiss Journal of Psychology*, vol. 65, no. 4, pp. 213–220. <https://doi.org/10.1024/1421-0185.65.4.213>
- Harwood, K., McLean, N., Durkin, K. (2007) First-time mothers' expectations of parenthood: What happens when optimistic expectations are not matched by later experiences? *Developmental Psychology*, vol. 43, no. 1, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.1.1>
- Kuersten-Hogan, R. (2017) Bridging the gap across the transition to coparenthood: Triadic interactions and coparenting representations from pregnancy through 12 months postpartum. *Frontiers in Psychology*, vol. 8, article 475. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00475>
- Kuersten-Hogan, R., McHale, J. P. (eds.). (2021) *Prenatal family dynamics: Couple and coparenting relationships during and postpregnancy*. Cham: Springer Publ., 393 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-51988-9>
- McHale, J. P., Favez, N., Fivaz-Depeursinge, E. (2018) The lausanne trilogue play paradigm: Breaking discoveries in family process and therapy. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 27, no. 10, pp. 3063–3072. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1209-y>
- Van den Akker, A. L., Majdandzic, M., de Vente, W. et al. (2022) Just as they expected: How parents' expectations about their unborn child's characteristics provide a context for early transactions between parenting and child temperament. *Frontiers in Psychology*, vol. 13, article 942392. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.942392>

References

- Abdulaeva, A. M., Korgozha, M. A. (2024) Materinskaya pozitsiya zhenshchin, vospityvayushchikh odnogo rebenka i dvoynyu rannego vozrasta: obzor otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy [The maternal position of women raising single or twin infants: A review of Russian and foreign studies]. *Psihologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 6, no. 1, pp. 18–32. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-1-18-32> (In Russian)
- Ajvazyan, E. B. (2008) Razvitie telesnogo i emotsional'nogo opyta zhenshchiny v period beremennosti [Development of physical and emotional experience of a woman during pregnancy]. *Perinatal'naya psikhologiya i psikhologiya roditel'stva*, no. 2, pp. 93–110. (In Russian)
- Altenburger, L. E., Schoppe-Sullivan, S. J., Lang, S. N. et al. (2014) Associations between prenatal coparenting behavior and observed coparenting behavior at 9-months postpartum. *Journal of Family Psychology*, vol. 28, no. 4, pp. 495–504. <https://doi.org/10.1037/fam0000012> (In English)
- Ammaniti, M., Trentini, C., Menozzi, F., Tambelli, R. (2019) Transition to parenthood: Studies of intersubjectivity in mothers and fathers. In: R. N. Emde (ed.). *Early parenting and prevention of disorder: Psychoanalytic research at interdisciplinary frontiers*. London: Routledge Publ., pp. 129–164. <https://doi.org/10.4324/9780429474064> (In English)
- Bandura, A. (2000) *Teoriya sotsial'nogo naucheniya [Social Learning Theory]*. Saint Petersburg: Eurasia Publ., 320 p. (In Russian)
- Barinova, E. S., Vasyagina, N. N. (2021) *Semejnoe samosoznanie muzhchiny: strukturno-soderzhatel'nyj kontekst [Family self-awareness of a man: Structural and substantive context]*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 206 p. (In Russian)
- Borisenko, Yu. V. (2020) *Stanovlenie psikhologicheskoy gotovnosti k ottsovstvu: psikhologo-pedagogicheskij kontekst i tekhnologii soprovozhdeniya [Formation of psychological readiness for fatherhood: Psychological and pedagogical context and support technologies]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 632 p. (In Russian)

- Borovikova, N. V. (2005) Sindrom beremennosti [Pregnancy syndrome]. In: A. N. Vasina (ed.). *Khrestomatiya po perinatal'noj psikhologii: psikhologiya beremennosti, rodov i poslerodovogo perioda [Perinatal psychology reader: Psychology of pregnancy, childbirth and the postpartum period]*. Moscow: University of Russian Academy of Education Publ., pp. 6–11. (In Russian)
- Bowlby, J. (2003) *Privyazannost' [Attachment]*. Moscow: Gardariki Publ., 477 p. (In Russian)
- Chistyakova, Yu. S. (2021) Aksiologicheskie osnovaniya formirovaniya vnutrennej materinskoj pozitsii [Axiological bases for the formation of internal maternal position]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 199, pp. 181–188. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2021-199-181-188> (In Russian)
- Condon, J. T. (1993) The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument. *British Journal of Medical Psychology*, vol. 66, no. 2, pp. 167–183. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8341.1993.tb01739.x> (In English)
- Darwiche, J., Fivaz-Depeursinge, E., Corboz-Warnery, A. (2016) Prenatal intuitive coparenting behaviors. *Frontiers in Psychology*, vol. 7, article 1662. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01662> (In English)
- Diener, M. L., Goldstein, L. H., Mangelsdorf, S. C. (1995) The role of prenatal expectations in parents' reports of infant temperament. *Merrill-Palmer Quarterly*, vol. 41, no. 2, pp. 172–190. (In English)
- Dobryakov, I. V. (2010) *Perinatal'naya psikhologiya [Perinatal psychology]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 272 p. (In Russian)
- Dolto, C. (2008) *Na putyakh rozhdeniya: o gaptonomicheskom soprovozhdenii cheloveka [On the paths of birth: On the haptic accompaniment of man]*. 3rd ed. Izhevsk: ERGO Publ., 187 p. (In Russian)
- Favez, N., Frascarolo, F., Fivaz-Depeursinge, E. (2006) Family alliance stability and change from pregnancy to toddlerhood and marital correlates. *Swiss Journal of Psychology*, vol. 65, no. 4, pp. 213–220. <https://doi.org/10.1024/1421-0185.65.4.213> (In English)
- Filippova, G. G. (2020) *Psikhologiya materinstva [The psychology of motherhood]*. 2nd ed. Moscow: Yurajt Publ., 212 p. (In Russian)
- Harwood, K., McLean, N., Durkin, K. (2007) First-time mothers' expectations of parenthood: What happens when optimistic expectations are not matched by later experiences? *Developmental Psychology*, vol. 43, no. 1, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.1.1> (In English)
- Klochko, V. E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti [Self-organization in psychological systems: Problems of formation of the mental space of the individual]*. Tomsk: Tomsk State University Publ., 174 p. (In Russian)
- Kovaleva, Yu. V., Sergienko, E. A. (2007) Kontrol' povedeniya pri razlichnom techenii beremennosti [Control of behavior under different flow of pregnancy]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 28, no. 1, pp. 70–82. (In Russian)
- Kuersten-Hogan, R. (2017) Bridging the gap across the transition to coparenthood: Triadic interactions and coparenting representations from pregnancy through 12 months postpartum. *Frontiers in Psychology*, vol. 8, article 475. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00475> (In English)
- Kuersten-Hogan, R., McHale, J. P. (eds.). (2021) *Prenatal family dynamics: Couple and coparenting relationships during and postpregnancy*. Cham: Springer Publ., 393 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-51988-9> (In English)
- McHale, J. P., Favez, N., Fivaz-Depeursinge, E. (2018) The lausanne trilogy play paradigm: Breaking discoveries in family process and therapy. *Journal of Child and Family Studies*, vol. 27, no. 10, pp. 3063–3072. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1209-y> (In English)
- Odintsova, O. Yu., Misiyuk, Yu. V. (2022) *Transformatsii sovremennogo roditel'stva: psikhologicheskie aspekty [Transformations of modern parenting: Psychological aspects]*. Kostroma: Kostroma State University Publ., 240 p. (In Russian)
- Poznyakov, V. P., Sosnin, V. A. (1999) Psikhologiya malykh grupp [Psychology of small groups]. In: V. N. Druzhinin (ed.). *Sovremennaya psikhologiya: spravochnoe rukovodstvo [Modern psychology: A reference guide]*. Moscow: Infra-M Publ., pp. 524–539. (In Russian)
- Savenysheva, S. S. (2017) Faktory udovletvorennosti brakom v period posle rozhdeniya rebenka: analiz zarubezhnykh issledovaniy [Marriage satisfaction factors during the period after childbirth: analysis of foreign studies]. *Psikhologicheskie issledovaniya — Psychological Research*, vol. 10, no. 51, pp. 6–12. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.405> (In Russian)
- Savenysheva, S. S., Savina, E. M. (2018) Otnoshenie k rebenku v prenatal'nyj period ego razvitiya u muzhchin v svyazi s supruzheskimi otnosheniyami [Attitude to the child in the prenatal period of its development in men in connection with the marital relations]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya — Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 58-3, pp. 343–346. (In Russian)
- Savenysheva, S. S., Anikina, V. O., Blokh, M. E. (2022) Perevod i adaptatsiya metodiki "Prenatal'naya privyazannost' materi k rebenku" (MAAS) [Translation and adaptation of the inventory "Maternal antenatal attachment scale" (MAAS)]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 30, no. 3, pp. 92–111. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300306> (In Russian)

- Savenysheva, S. S., Shumik, A. R., Imanaliyeva, G. F. (2019) Privyazannost' ottsa k rebenku do i posle ego rozhdeniya [The influence of paternal prenatal attachment on attachment to the child in the infancy]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya — Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 62-3, pp. 300–302. (In Russian)
- Savina, E. M. (2017) Sistema znachimykh otnoshenij v sem'yakh, ozhidayushchikh rozhdeniya rebenka [The system of significant relationships in the family expected birth of a child]. *Mir nauki*, vol. 5, no. 6. [Online]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/19PSMN617.pdf> (accessed 20.07.2024). (In Russian)
- Shapovalenko, I. V. (2022) Sovremennoe roditel'stvo: novye issledovatel'skie podkhody [Modern parenthood: New research approaches]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 11, no. 1, pp. 58–67. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110106> (In Russian)
- Shmurak, Yu. B. (1994) Prenatal'naya psikhologicheskaya obshchnost' [Prenatal psychological community]. *Chelovek*, no. 6, pp. 24–37. (In Russian)
- Sidorenko, V. N., Arinchina, N. G. (2019) Partnerskaya podderzhka kak profilaktika oslozhenij vo vremya beremennosti i v rodakh [Birth partnership as prevention of pregnancy and labour complications]. *Meditsinskie novosti*, no. 4 (295), pp. 17–20. (In Russian)
- Slobodchikov, V. I., Isaev, E. I. (1995) *Psikhologiya cheloveka: vvedenie v psikhologiyu sub'ektivnosti [Human psychology: Introduction to the psychology of subjectivity]*. Moscow: Shkola-Press Publ., 384 p. (In Russian)
- Smirnova, E. O., Trushkina, S. V. (2011) Varianty normativnykh modelej materinstva u sovremennykh zhenshchin [Variants of normative models of motherhood in modern women]. In: V. S. Sobkin (ed.). *Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. Seriya "Sotsiokul'turnye problemy sovremennogo obrazovaniya". T. 15. Vyp. 26 [Sociology of education. Works on the sociology of education. The series "Socio-cultural problems of modern education". Vol. 15. Iss. 26]*. Moscow: Institute for Sociology of Education of the Russian Academy of Education Publ., pp. 122–134. (In Russian)
- Trushkina, S. V. (2023) Sravnitel'nyj analiz podkhodov L. S. Vygotskogo i Dzh. Boulbi k razvitiyu rebenka na pervom godu zhizni [Comparative analysis of approaches to child development by L. S. Vygotsky and G. Bowlby]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya — Cultural-Historical Psychology*, vol. 19, no. 3, pp. 39–46. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190305> (In Russian)
- Van den Akker, A. L., Majdandzic, M., de Vente, W. et al. (2022) Just as they expected: How parents' expectations about their unborn child's characteristics provide a context for early transactions between parenting and child temperament. *Frontiers in Psychology*, vol. 13, article 942392. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.942392> (In English)
- Vygotsky, L. S. (1984) *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya [The collected works L. S. Vygotsky: In 6 vols. Vol. 4. Child psychology]*. Moscow: Pedagogika Publ., 432 p. (In Russian)
- Zamanaeva, Ju. V. (2020) Psikhodiagnosticheskaya metodika "Prenatal'nyj kontakt": struktura, psikhodiagnosticheskie vozmozhnosti [Psychodiagnostic method "Prenatal contact": Structure, psychodiagnostic opportunities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya — Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 10, no. 3, pp. 303–322. (In Russian)
- Zolotova, I. A. (2021) Issledovanie osobennostej psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoj dominanty kak indikatora formirovaniya disfunktsional'nykh otnoshenij v sisteme "mat' — ditya" u zhenshchin razlichnykh vozrastnykh kategorij [The study of the features of the psychological component of gestational dominance as an indicator of the formation of dysfunctional relationships in the "mother — child" system in women of different age categories]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika — Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 27, no. 2, pp. 135–142. (In Russian)

Сведения об авторе

Оксана Юрьевна Одинцова, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, Ярославский государственный медицинский университет
SPIN-код: 1757-8524, ResearcherID: IQV-0428-2023, ORCID: 0000-0002-8513-9305, e-mail: odintcova@ysmu.ru

Author

Oksana Yu. Odintsova, Candidate of Sciences (Psychology), Senior Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy, Yaroslavl State Medical University
SPIN: 1757-8524, ResearcherID: IQV-0428-2023, ORCID: 0000-0002-8513-9305, e-mail: odintcova@ysmu.ru

Check for updates

Личность в процессах обучения и воспитания

УДК 316.37

EDN НОЈЕРХ

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-21-31>

Научная статья

Родительские установки у отцов в российских протестантских семьях

Н. В. Власихина ¹

¹ Санкт-Петербургский Христианский университет,
190020, Россия, г. Санкт-Петербург, Нарвский пр-т, д. 13, лит. Б

Для цитирования: Власихина, Н. В. (2025) Родительские установки у отцов в российских протестантских семьях. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 21–31. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-21-31>
EDN НОЈЕРХ

Получена 13 сентября 2024; прошла рецензирование 26 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Н. В. Власихина (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей родительских установок современных отцов-протестантов в российских семьях, а также трансформации содержания родительских установок отцов как в религиозных, так и светских семьях. Кроме того, возникает необходимость изучения детско-родительских отношений отцов в современных семьях и поиска закономерностей для использования при оказании психологической помощи семье.

Материалы и методы. Методами исследования выступили метод опроса, методы статистического анализа (сравнительный, факторный и корреляционный анализы). Нами были использованы следующие методики: «Опросник родительского отношения» (ОРО) (А. Я. Варга, В. В. Столин), опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» (РОП, А. Н. Волковой), цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева. В исследовании приняли участие 190 отцов (64 мужчины протестантских семей, 62 мужчины из православных семей и 64 отца из светских семей).

Результаты исследования. В результате исследования выявлено три вида родительских установок отцов-протестантов: установки на реализацию ответственного отцовства (демократический стиль), традиционные установки (авторитарный стиль) и установки по типу доминирующей гиперпротекции (симбиотический стиль).

Для мужчин-протестантов с высокой интериоризацией моральных и культурных норм протестантизма характерен демократический стиль в общении с собственными детьми, для них более значима бытовая устроенность семьи. Отцы-протестанты с авторитарным стилем взаимодействия с детьми склонны больше делегировать активность в воспитании детей своим женам, реализуя стратегию родительского отношения к ребенку как к объекту воспитательного воздействия, они отличаются невысокой степенью активности и заинтересованности. Для отцов-протестантов с более низкой значимостью терминальной ценности «Свобода» и ценности «Домашнее хозяйство, быт» характерен симбиотический стиль отношений с детьми, такая установка отцов-протестантов реализуется в том, что они не дают возможности детям разумно пользоваться свободой, не приучают к самостоятельности, воздействуя на детей с помощью запретов и ограничений.

Заключение. Полученные в результате исследования данные позволяют определить мишени для оказания консультативной помощи, как в индивидуальной работе, так и в работе с семьей.

Ключевые слова: протестантизм, родительские установки, семья, отцы, религиозность, воспитание

Research article

Parental attitudes among fathers in Russian Protestant families

N. V. Vlasikhina ¹

¹ Saint Petersburg Christian University, Letter B, 13 Narvsky Ave., Saint Petersburg 190020, Russia

For citation: Vlasikhina, N. V. (2025) Parental attitudes among fathers in Russian Protestant families. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 21–31. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-21-31> EDN HOJEPX

Received 13 September 2024; reviewed 26 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © N. V. Vlasikhina (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The relevance of this study stems from the need to examine parental attitudes among contemporary Protestant fathers in Russia, focusing on the transformation of these attitudes in both religious and secular families. The study also addresses the growing importance of understanding father-child relationships in modern families, aiming to identify patterns that can inform psychological support and counselling for families. The study involved 190 fathers, including 64 Protestant, 62 Orthodox, and 64 secular participants.

Materials and Methods. The research is based on surveys and statistical methods, including comparative, factor, and correlation analyses. In particular, the instruments employed in the study included the Parental Attitude Questionnaire (PAQ) by A. Ya. Varga and V. V. Stolin, the Role Expectations and Claims in Marriage Questionnaire (REC) by A. N. Volkova, and A. M. Parachev's Color-Associative Method.

Results. The study identified three types of parental attitudes among Protestant fathers: democratic (responsible), authoritarian (traditional), and symbiotic (hyperprotective). Protestant fathers with a high internalization of Protestant moral and cultural norms tend to adopt a democratic style, emphasizing the household stability and active involvement in child-rearing. In contrast, those with an authoritarian style typically delegate more child-rearing responsibilities to their wives, maintaining a primarily educational role with limited engagement. Fathers exhibiting a symbiotic style, often placing less importance on such values as freedom and family life, impose greater restrictions on their children's autonomy, employing prohibitions and limitations.

Conclusions. The findings of this study offer valuable insights into the identification of psychotherapeutic targets in individual therapy and family counseling to ensure more effective consultative assistance.

Keywords: Protestantism, parental attitudes, family, fatherhood, religiosity, child-rearing

Введение

С середины прошлого века в связи с развитием технологий происходят изменения в социальных ролях мужчин и женщин. С одной стороны, изменения наиболее существенно затронули социальную жизнь женщин, как образование, экономическое обеспечение, так и ее статус: женщины реализуют себя профессионально наравне с мужчинами, занимают руководящие должности, обладают высоким уровнем образования и совмещают профессиональные и семейные обязанности. С другой стороны, роль мужчин также изменилась: мужчины более активно принимают участие в уходе за детьми, ориентированы на более равноправное распределение бытовых обязанностей; общение и построение отношений с детьми все больше является значимой ценностью для современных

мужчин. Изменение социальных ролей приводит как к возможности индивидуального и автономного построения отношений в каждой конкретной семье с ориентацией на партнерство, так и к напряжению, неустойчивости в отношениях, большому количеству конфликтов и разводов из-за ролевой неопределенности.

Характеризуя современные российские семьи, многие исследователи отмечают тенденции перехода от авторитарной к демократической системе отношений, в рамках которой происходит увеличение участия мужа в ведении хозяйства и воспитании детей (Задворнова 2013; Нуруллина 2016). Традиционные роли отца в настоящее время претерпевают серьезные изменения. От отцов ожидают не только обеспечения материального существования семьи, но и эмоциональной поддержки, мягкой и активной заботы о детях (Мильдзихова, Павловец

2017). Таким образом, появляются новые ценности и новые пространства для самореализации в рамках отцовской роли. Кроме того, целый комплекс современных социальных проблем связан с так называемым «кризисом отцовства», выражающемся в отстранении мужчин от воспитания молодого поколения (Поливанова 2015).

Роль отца в жизни ребенка сложно переоценить. И отечественные психологи, например, И. С. Кон (Кон 2009), и западные специалисты, изучающие роль отца в социальном развитии ребенка, приходят к выводу о решающей роли отца в социализации и формировании ценностей у ребенка.

Соответственно, разрабатываются и различные классификации отцовства, основанные, в частности, на критерии вовлеченности отцов в воспитательный процесс. На основании этого критерия определили негативные и позитивные типы отцовства относительно развития ребенка. К негативным типам относятся отцы, функционально или психологически отсутствующие, эмоционально отвергающие ребенка, властные, с попустительским, или потворствующим стилем отношения. К позитивным относятся отцы с ответственным, обучающим, доверяющим, эмпатичным и сотрудничающим отношением к ребенку (Нуруллина 2016).

Различные типы отцовства опираются и на разные типы маскулинности. Если говорим о патриархальном типе маскулинности, то отцовство характеризуется такими чертами, как строгость, властность, авторитарность, эмоциональная дистанция с детьми, суровость в оценке их поступков и не включенность в их дела. В рамках «новой маскулинности» отцовство приобретает как маскулинные, так и фемининные черты в связи с тем, что отец заботится о ребенке, не только обеспечивая его материально, но и выстраивая с ним близкие, эмоциональные отношения (Клецина 2009). В этом случае мы говорим о современном типе отцовства («ответственное отцовство»), который определяется характеристиками, связанными не только с физической заботой о ребенке, материальном и финансовом обеспечении, но и с эмоциональной вовлеченностью в жизнь ребенка, совместной деятельностью и прямыми контактами с ребенком, заботой о его потребностях, интересах и образовании. Ответственное отцовство — это понятие на основе сформированной и принятой новой модели маскулинности, которая включает ответственность, игры и общение с ребенком, непосредственный уход за ним, эмоциональную близость (Кон 2009).

В современных исследованиях родительские установки определяют как систему или совокупность эмоционального отношения к ребенку, восприятия ребенка родителем и способов поведения с ним (Перегудина 2022). На родительскую установку отца влияют такие факторы, как убеждения, связанные с отцовством, взаимоотношения в семье, а именно взаимоотношения с матерью ребенка, взаимоотношения в его родительской семье, мотивация мужчины иметь детей, ответственность и место отцовства в структуре идентичности мужчины, религиозность и его система ценностей. (Горбачева, Мальцева 2011). На наш взгляд, стили детско-родительских отношений у мужчин-протестантов и их взаимосвязи с ценностями и ролевыми супружескими установками описывают не что иное, как «реализованные» родительские установки отцов в протестантских семьях.

Взаимоотношения между родителями и детьми в религиозных семьях являются важной областью исследований, охватывающей множество аспектов. В рамках диссертационного исследования И. А. Кузнецовой (Кузнецова 2007) были рассмотрены влияние духовно-нравственных ценностей родителей на детско-родительские отношения и особенности семейного воспитания в семьях как верующих, так и неверующих. Исследование показало, что православные родители более требовательны к себе и своим детям и чаще используют авторитетный стиль воспитания.

В исследовании Д. М. Чумаковой (Чумакова 2014), изучавшей влияние религиозности родителей в православных семьях на выбор воспитательных стратегий и отношение к наказаниям, сделан вывод о том, что личностные качества родителей с высоким уровнем религиозности в основном способствуют позитивному социальному взаимодействию внутри семьи. Изучая влияние родительского отношения на формирование религиозности у детей, С. С. Малявина (Малявина 2016) делает акцент на том, как взгляды родителей влияют на религиозные убеждения и поведение ребенка. Предпринималось изучение взаимосвязи религиозности и локуса контроля и в контексте семейных отношений (Мишин 2019)

Интересно также исследование Э. И. Муртазиной и А. Ф. Миннулиной (Муртазина, Миннулина 2014), которые рассмотрели установки отцов в исламских семьях в контексте воспитания детей, выявив ряд особенностей, присущих этому социокультурному контексту. Кроме того, А. К. Карасева (Карасева 2021) проводила исследование, касающееся ценностных ориентаций

и родительского отношения к детям в семьях православных, иудейских и мусульманских верующих. Е. И. Уфимцева (Уфимцева 2014) изучала роль семьи в религиозном формировании и воспитании мусульманской молодежи.

Вместе с тем семьи, принадлежащие к протестантскому направлению христианства в России, остаются малоизученными, но делаются определенные попытки изучения отдельных аспектов и представлений о семье в протестантских церквях (Ежова 2022). Важно отметить, что дальнейшие исследования должны уделить внимание этой группе, чтобы расширить представление о вариативности детско-родительских отношений в религиозных семьях.

В зарубежных исследованиях более широко изучается влияние различных форм религиозности родителей на детско-родительские отношения. Так, Б. Вилкокс рассматривает влияние консервативных религиозных взглядов родителей в контексте протестантизма на принятие и позитивное отношение к ребенку (Wilcox 1998); Р. Петс изучает влияние религиозности на различные аспекты детско-родительских отношений, например, на поведение детей в раннем возрасте, на психологическое благополучие детей в подростковом возрасте (Petts 2014). Также изучается влияние религиозности на формирование представлений об идеальном отце (Furrow 1998).

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей родительских установок современных отцов-протестантов в российских семьях, трансформации родительских установок отцов и их содержания как в религиозных, так и светских семьях. Кроме того, возникает необходимость изучения детско-отцовских отношений в современных семьях и поиска закономерностей для использования при оказании психологической помощи семье.

Материалы и методы

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что существует определенная специфика родительских установок у отцов в протестантских семьях, обусловленная принадлежностью к конфессии протестантов, и религиозными ценностями, проявляющихся в укладе жизни семьи.

Задачей нашего исследования стало установление особенностей родительских установок у отцов-протестантов.

В данном исследовании приняли участие 190 отцов, (64 мужчины из протестантских

семей, 62 мужчины из православных семей и 64 отца из светских семей со стажем супружеской жизни в среднем 10,2 года, возраст в среднем 36,2 лет, имеющие в среднем 2 детей в возрасте до 18 лет), проживающих в различных городах России, таких как Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Москва, Челябинск, Казань, Ростов-на-Дону. Методы исследования включали в себя опрос и статистические методы анализа данных: сравнительный анализ с использованием критерия Крускала — Уоллиса, а также факторный и корреляционный анализ, основанный на коэффициенте ранговой корреляции Спирмена. Для обработки данных использовалась программа SPSS 23.0 для Windows.

Для изучения различных аспектов родительских установок и детско-родительских отношений были применены следующие методики:

1. «Опросник родительского отношения» (ОРО) (А. Я. Варга, В. В. Столин) — методика, направленная на исследование родительских установок и характера взаимодействия родителей с детьми.
2. Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) (А. Н. Волкова) — инструмент, предназначенный для выявления ролевой структуры в семье и степени удовлетворенности этими ролями.
3. Цвето-ассоциативная методика А. М. Парачева (ЦАМ) — модифицированный вариант Цветового теста отношений, относящийся к психосемантическим методам диагностики, с помощью которого оценивались семейные ценности, а также терминальные и инструментальные ценности.

Эти методы позволили исследовать как когнитивные, так и эмоциональные аспекты семейных отношений и родительских установок.

Результаты

Результаты сравнения характеристик детско-родительских отношений у мужчин-отцов из протестантских, православных и светских семей с использованием критерия Крускала — Уоллиса представлены в таблице.

Между отцами в протестантских, православных и светских семьях существуют достоверные различия почти по всем представленным в методике характеристикам детско-родительских отношений за исключением показателя «Контроль». Для отцов из протестантских семей характерны наиболее высокие показатели по шкалам «Принятие ребенка», «Кооперация», «Симбиоз» и самые низкие показатели по шкале «Отношение к неудачам ребенка» (низкие

Табл. Различия по степени выраженности показателей характеристик детско-родительских отношений между мужчинами группы 1 (светские), группы 2 (православные) и группы 3 (протестанты)

Характеристики отношений	Статистические данные	Средние ранги		
		светские	православные	протестанты
Принятие / отвержение ребенка	H = 53,964 p = 0,000	60,34	93,98	131,21
Кооперация	H = 31,532 p = 0,000	66,64	100,45	118,44
Симбиоз	H = 20,956 p = 0,000	74,45	93,02	117,83
Отношение к неудачам	H = 15,704 p = 0,000	113,77	91,71	79,17

Table. Differences in the degree of expressiveness of indicators of parent-child relationship characteristics among fathers in secular, Orthodox, and Protestant groups

Relationship characteristic	Statistical data	Average ranks		
		Secular	Orthodox	Protestants
Child acceptance / Child rejection	H = 53.964 p = 0.000	60.34	93.98	131.21
Cooperation	H = 31.532 p = 0.000	66.64	100.45	118.44
Symbiosis	H = 20.956 p = 0.000	74.45	93.02	117.83
Attitude towards failure	H = 15.704 p = 0.000	113.77	91.71	79.17

значения по этой шкале соответствуют восприятию ребенка как соответствующего своему возрасту). Так отцы-протестанты характеризуются в целом более принимающим, положительным отношением к детям, они в большей степени склонны демонстрировать социально-желательный образ родительского отношения, чем родители в православных и светских семьях.

Использование факторного анализа позволило выделить три стиля детско-родительских отношений у мужчин в протестантских семьях (факторный анализ описал 78% дисперсии): авторитарные с опорой на традиционные каноны, демократические и симбиотические.

1. «Авторитарные с опорой на традиционные каноны» или «Авторитарные с элементами социальной инвалидизации ребенка» (28,7%). Положительный полюс фактора представлен переменными: «Контроль» (0,836) и «Отношение к неудачам ребенка» (0,774). Этот фактор отражает доминирование отца над ребенком, обесценивание позиции ребенка, его возможностей, а также игнорирование его реальных потребностей и жесткий контроль за его поведением. В основе инвалидизации, скорее всего, лежит скрытое отвержение ребенка, о чем свидетельствует достаточно высокий вес переменной «Принятие / отвержение ребенка» (-0,322)

с отрицательным значением. Авторитарные отцы-протестанты в воспитании придерживаются традиционного канона: авторитет, власть родителей, безоговорочное послушание детей.

2. «Демократические» (26,4%) или «Партнерские с опорой на безусловное принятие». Фактор представлен двумя показателями «Кооперация» (0,884) и «Принятие / отвержение ребенка» (0,729). Фактор характеризует стремление отцов к сотрудничеству с детьми и искреннюю заинтересованность ими и их деятельностью, выстраивание равноправных отношений с ребенком, а также позитивное эмоциональное отношение к ребенку.

3. «Симбиотические» (22,9%). Фактор представлен единственной переменной «Симбиоз» (0,966). Фактор отражает тип детско-родительских отношений по типу гиперпротекции в игнорировании реальных потребностей ребенка и чрезмерной опеки. Важно отметить, что в данном факторе достаточный вес имеет переменная «Контроль» (0,325). Это позволяет сделать вывод о том, что фактор характеризует стиль отношений по типу доминирующей гиперпротекции, когда родитель не дает возможности ребенку учиться на собственном опыте, разумно пользоваться свободой, не приучает к самостоятельности.

Проявление авторитарного стиля в детско-родительских отношениях у отцов-протестантов согласуется со значимостью ценностно-ориентационного единства с супругой («Личностная идентификация» $r = 0,295$ при $p = 0,038$), согласованностью с ней относительно значимости внесемейных интересов (профессиональной реализации, общественной деятельности («Социальная активность — ролевая адекватность», $r = -0,485$ при $p = 0,000$ (низкие значения по этой шкале соответствуют высокой ролевой адекватности)), а также с ожиданиями от супруги активной родительской позиции ($r = 0,316$ при $p = 0,025$). Проявление авторитарного стиля согласуется со значимостью ценностей «Счастливая семейная жизнь» ($r = -0,289$ при $p = 0,042$) и «Друзья» ($r = -0,380$ при $p = 0,020$), «Развлечения, необременительное времяпровождение, отсутствие обязанностей» ($r = -0,338$ при $p = 0,016$).

Демократический стиль детско-родительских отношений у мужчин-протестантов наиболее значимо коррелирует с показателем «Религиозная идентификация» ($r = 0,370$, при $p = 0,008$), что свидетельствует о том, что чем более выражена у мужчин-протестантов интериоризация моральных и культурных норм протестантизма, тем у них более выражен демократический стиль детско-родительских отношений. Также выявлены взаимосвязи с показателями бытовая организация семьи («Хозяйственно-бытовые — общий», $r = 0,281$ при $p = 0,042$) и согласованность с женами по значимости внесемейных интересов (низкие значения соответствуют высоким значениям) («Социальная активность», «Согласованность семейных ценностей», $r = -0,299$ при $p = 0,030$).

Проявление симбиотического стиля детско-родительских отношениях у отцов-протестантов согласуется с низкой значимостью терминальной ценности «Свобода» ($r = 0,388$ при $p = 0,003$) и низкой значимостью ценности «Домашнее хозяйство, быт» ($r = 0,428$ при $p = 0,002$), (высокие значения соответствуют меньшей значимости ценностей), а также с согласованными с супругой установками относительно значимости внешней социальной активности (профессиональной, общественной) для стабильности брачно-семейных отношений («Социальная активность», «Согласованность семейных ценностей», $r = -0,369$ при $p = 0,009$).

Факторный анализ позволил выделить два фактора, описывающих стили детско-родительских отношений мужчин в православных семьях (факторный анализ описал 72 % дисперсии):

1. «Демократические» (43,3 %). Фактор представлен тремя переменными: «Кооперация» (0,841), «Принятие / отвержение ребенка» (0,716), отрицательный полюс фактора представлен переменной «Отношение к неудачам ребенка» (-0,805).

2. «Авторитарно-симбиотические» (26,5 %). Все характеристики фактора сосредоточены на положительном полюсе: «Симбиоз» (0,943), «Контроль» (0,614), «Отношение к неудачам ребенка» (0,340). Фактор отражает детско-родительские отношения по типу гиперпротекции и тотального контроля поведения психической жизни ребенка. В данном случае гиперпротекция проявляется в виде доминирования родителя над ребенком, в игнорировании его реальных потребностей, чрезмерной опеке и жестком контроле за его поведением.

Демократический стиль детско-родительских отношений у православных мужчин имеет взаимосвязи лишь с переменными: «Деньги» ($r = 0,385$ при $p = 0,008$), «Счастливая семейная жизнь» ($r = 0,274$ при $p = 0,031$), «Непримиримость к недостаткам в себе и других» ($r = 0,273$ при $p = 0,032$) (высокие значения соответствуют низкой значимости ценностей).

Авторитарно-симбиотический стиль детско-родительских отношений у православных мужчин имеет взаимосвязи с переменными «Широта взглядов» ($r = 0,299$ при $p = 0,018$) и «Познание» ($r = 0,255$ при $p = 0,045$) (высокие значения соответствуют низкой значимости ценностей).

Результаты факторного анализа позволили выделить два стиля детско-родительских отношений у мужчин в светских семьях (факторный анализ описал 74 % дисперсии):

1. «Авторитарные с элементами инфантилизации и социальной инвалидизации ребенка» (38,0%). Положительный полюс фактора представлен переменными: «Контроль» (0,865), «Отношение к неудачам ребенка» (0,764). В основе инвалидизации, скорее всего, лежит скрытое отвержение ребенка, о чем свидетельствует достаточно высокий вес переменных «Принятие / отвержение ребенка» (-0,495), «Кооперация» (-0,589) в данном факторе с отрицательными значениями. Авторитарные отцы в светских семьях требуют безоговорочного послушания детей, склонны обесценивать, негативно оценивать индивидуально-характерологические свойства ребенка.

Выраженность авторитарного стиля в детско-родительских отношениях у отцов в светских семьях согласуется со значимостью ценностно-ориентационного единства с супругой

(«Личностная идентификация» $r = 0,295$ при $p = 0,038$), значимостью ценности «Общественное признание» ($r = -0,289$ при $p = 0,042$).

2. «Опекающие или симбиотические» (35,8%). Все характеристики фактора сосредоточены на положительном полюсе: «Симбиоз» (0,942), «Кооперация» (0,655), «Принятие / отвержение ребенка» (0,613). Этот стиль характеризуется гиперопекой, концентрацией внимания на ребенке, стремлением решать проблемы за ребенка или активно участвовать в их разрешении, склонность к сотрудничеству с ребенком.

Проявление симбиотического стиля детско-родительских отношений у отцов из светских семей согласуется с высокой значимостью терминальной ценности «Наличие хороших и верных друзей» ($r = -0,356$ при $p = 0,013$) и высокой значимостью ценности-средства «Воспитанность» ($r = -0,351$ при $p = 0,011$), а также высокой значимостью «Любовь к супруге» ($r = -0,335$ при $p = 0,020$) (низкие значения соответствуют высокой значимости ценностей), а также с уровнем образования ($r = -0,358$ при $p = 0,012$).

Обсуждение

По результатам исследования родительских установок отцов-протестантов, реализованных в стилях детско-родительских отношений, мы выявили три типа установок: установки на реализацию ответственного отцовства (демократический стиль), традиционные установки (авторитарный стиль) и установки по типу доминирующей гиперпротекции (симбиотический стиль).

Результаты нашего исследования не подтвердили распространенного представления о том, что консервативные протестанты-мужчины (с высокой религиозной идентификацией) больше придерживаются традиционного подхода к воспитанию. Более того, протестантизм делает особый акцент на выполнение должным образом родительских обязанностей отцов. Как отмечает У. Уилкоккс, для практикующих и консервативных верующих свойственны более тесные социальные отношения внутри семьи и в общине, они чаще других поощряют своих детей, оказывают им эмоциональную поддержку и более вовлечены в их жизнь (Wilcox 2007).

Результаты нашего исследования подтверждают, что для мужчин-протестантов с высокой интериоризацией моральных и культурных норм протестантизма характерен демократический стиль в общении с собственными детьми. Для них более значима бытовая устроенность семьи, а также характерна более высокая согласован-

ность с женами по значимости вне семейных интересов. Отцы-протестанты с высокой религиозной идентификацией относятся с уважением к позиции ребенка, создают условия для сотрудничества, партнерства, в том числе и в процессе освоения ребенком религиозного мира. Такая установка на ответственное отцовство отцов-протестантов отличается повышенной активностью и высоким уровнем субъектности и внутреннего локуса контроля (Мишин 2019). Основными показателями такого отцовства являются эмоциональная близость с детьми, вовлеченность в непосредственный уход, общение и игры с ребенком, забота о детях, ответственность за их физическое и личностное развитие.

Отцы-протестанты с авторитарным стилем взаимодействия с детьми склонны больше делегировать активность в воспитании детей своим женам, с которыми они согласны в вопросах внесемейной активности. Кроме того, для них более значимы такие терминальные ценности, как «Счастливая семейная жизнь» и «Друзья», однако в качестве средств-инструментов преобладают «Развлечения, необременительное времяпровождение, отсутствие обязанностей». Таким образом, авторитарные отцы-протестанты реализуют стратегию родительского отношения к ребенку как к объекту воспитательного воздействия, при этом отличаются невысокой степенью активности и заинтересованности.

Для отцов-протестантов с более низкой значимостью терминальной ценности «Свобода» и ценности «Домашнее хозяйство, быт» характерен симбиотический стиль отношений с детьми, больше по типу доминирующей гиперпротекции. Такая установка отцов-протестантов реализуется в том, что при положительном эмоциональном отношении к детям они не дают им возможности учиться на собственном опыте, разумно пользоваться свободой, не приучают к самостоятельности, так как для них самих самостоятельность и независимость менее ценны. Нежелание углубляться в вопросы организации семейного быта провоцирует их действовать с помощью запретов и ограничений.

Полученные в данном исследовании результаты отражают тенденцию к реализации ответственного отцовства и воспитание детей в религиозном контексте как одной из значимых ценностей протестантизма. Эта тенденция обнаруживается также в других исследованиях, например в исследовании представлений о семье молодых последователей религиозной организации евангельских христиан «Московская Церковь Христа» (Ежова 2022).

В западных исследованиях в контексте протестантизма происходит попытка осмысления разных моделей «идеального отцовства».

Христианское мужское движение предложило свою модель, основанную на религиозных ценностях и языке. Это теория идентичности, которая предоставляет способ для определения систем ценностей, присущих личному выражению отцовства, психологические теории религиозных образов, которые используются для иллюстрации влияния религиозных убеждений на ролевую идентичность, и религиозные нарративы, являющиеся важным инструментом для оценки того, как религиозные ценности формируют идеал отцовства. Эти подходы необходимы для углубленного понимания того, какую роль религиозные ценности играют в социальной конструкции идеального отца (Furrow 1998).

По результатам исследования родительских установок православных мужчин, реализованных в стилях детско-родительских отношений, мы выявили два типа установок: установки на реализацию ответственного отцовства (демократический стиль), и установки по типу доминирующей гиперпротекции (авторитарно-симбиотические).

Для православных мужчин с более низкой значимостью денег и счастливой семейной жизни, а также готовых смириться как с собственными недостатками, так и с недостатками окружающих, характерно проявление демократического стиля в детско-родительских отношениях. Несмотря на то что мы не обнаружили достоверных взаимосвязей с религиозной идентификацией демократического стиля у православных мужчин, мы можем говорить о том, что ценности отцов из православных семей, взаимосвязанные с проявлением демократического стиля воспитания, в определенной степени отражают ценности православия, такие как аскетизм, смирение перед судьбой. Как известно, православная традиция способствует формированию терпимости в поведении.

Для православных мужчин без стремления к возможности расширения своего образования, интеллектуального развития, неготовых понимать и принимать чужую точку зрения характерно более выраженное проявление авторитарно-симбиотического стиля в детско-родительских отношениях. Гиперпротекция отцов из православных семей проявляется в виде доминирования над ребенком, чрезмерной опеки и жестком контроле за его поведением.

Авторитарно-симбиотический стиль воспитания как у отцов протестантов, так и у православных отцов может свидетельствовать

о высоком уровне ответственности в семье, а также о высоком уровне значимости передачи религиозных ценностей детям в семье, как основного источника религиозной социализации (Уфимцева 2014).

По результатам исследования родительских установок светских мужчин, реализованных в стилях детско-родительских отношений, мы выявили два типа установок: «опекающие» установки (симбиотический стиль), и авторитарные установки (авторитарные с элементами инфантилизации и социальной инвалидизации).

Для светских мужчин, которые взаимно ориентированы со своими супругами на ожидание общности интересов, потребностей, времяпровождения, и для которых значимо уважение окружающих и общественное признание, характерно более выраженное проявление авторитарного стиля в детско-родительских отношениях. Таким образом, превалирование внесемейных (социальных и сугубо личностных) ценностей у отцов из светских семей способствуют реализации родительского отношения к ребенку как к объекту воспитательного воздействия, основанного на собственных мировоззренческих представлениях и идеалах.

Для отцов из светских семей с более низким уровнем образования и с более высокой значимостью ценностей межличностных отношений в семье и близком кругу, характерно более выраженное проявление опекающего стиля в детско-родительских отношениях, характеризующегося концентрацией внимания на ребенке, стремлением решать проблемы за ребенка или активно участвовать в их разрешении.

Заключение

Таким образом, была доказана основная гипотеза исследования о том, что существует определенная специфика родительских установок у отцов в протестантских семьях, обусловленная принадлежностью к конфессии протестантов и проявляющаяся в укладе жизни семьи. Так, для мужчин-протестантов с высоким уровнем религиозной идентификации и ценностью бытовой устроенности семьи характерны установки на реализацию ответственного отцовства.

В итоге можно говорить о наличии противоречивых тенденций в области построения и содержания детско-родительских отношений отцов-протестантов, связанных с протеканием двух параллельных процессов: с одной стороны, трансформации этих отношений за счет большего включения отцов в процесс воспитания

ребенка, а с другой стороны, сохранением в воспитании традиционных канонов — авторитет, власть родителей, безоговорочное послушание детей. Мужчины-протестанты, не принимающие «традиционную» роль отца, как и социальные стереотипы «нового» отцовства, более склонны к опекающему стилю во взаимодействии с детьми.

Полученные в результате исследования данные позволяют определить мишени для оказания консультативной помощи, как в индивидуальной работе, так и с семьей, особенно в связи с пониманием процесса сепарации у детей, снижением уровня тревожности и конфликтности в семьях.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, преду-

смотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data are available upon request submitted to the corresponding author.

Благодарности

Автор благодарит руководство всех поместных церквей и приходов, чьи прихожане приняли участие в исследовании.

Acknowledgements

The author expresses gratitude to the leadership of all local churches whose congregants participated in the study.

Литература

- Горбачева, В. И., Мальцева, Д. В. (2011) Методологические основания теоретического изучения отцовства. *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*, № 3 (65), с. 216–230. EDN: [NAAAID](#)
- Ежова, М. А. (2022) Семья в дискурсе молодежи Московской Церкви Христа. *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*, № 4, с. 111–125. EDN: [XCSTRXO](#)
- Задворнова, Ю. С. (2013) Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье. *Женщина в российском обществе*, № 2 (67), с. 32–40. EDN: [RAGHWH](#)
- Карасева, А. К. (2021) Ценностные ориентации и родительское отношение к детям в семьях разного вероисповедания. *Власть*, т. 29, № 3, с. 226–235. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8186>
- Клецина, И. С. (2009) Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности. *Женщина в российском обществе*, № 3 (52), с. 29–41. EDN: [KXMWAR](#)
- Кон, И. С. (2009) *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время, 496 с.
- Кузнецова, И. А. (2007) *Духовно-нравственные ценности православия как фактор семейного воспитания детей. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. СПб., Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 23 с.
- Малявина, С. С. (2016) Родительское отношение как фактор формирования религиозности личности. *Сибирский психологический журнал*, № 61, с. 109–122. <https://doi.org/10.17223/17267080/61/8>
- Мильдзихова, Б. Р., Павловец, Г. Г. (2017) Отцовство как этнокультурный компонент в современном североосетинском обществе. В кн.: В. Л. Ситников, С. А. Буркова, Э. Б. Дунаевская (ред.). *Семья и современный социум. Серия: семья и дети в современном мире*. СПб.: Социально-гуманитарное знание, с. 83–89.
- Мишин, Ю. В. (2019) Особенности локус контроля личности с внешним типом религиозности. *Инновационная наука*, № 2, с. 153–155. EDN: [YXRVMT](#)
- Муртазина, Э. И., Минулина, А. Ф. (2014) Установки на воспитание и семейную роль у отцов в Исламе. *Современные проблемы науки и образования*, № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13817> (дата обращения 28.08.2024).

- Нуруллина, Э. Р. (2016) Модели и детерминирующие факторы отцовства в современном российском обществе. *Вестник экономики, права и социологии*, № 1, с. 292–294. EDN: [VSCZHV](#)
- Перегудина, В. А. (2022) Исследование особенностей родительских установок отцов и матерей, воспитывающих детей дошкольного и младшего школьного возраста. *Мир науки. Педагогика и психология*, т. 10, № 4, статья 26PSMN422. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN422.pdf> (дата обращения 28.08.2024).
- Поливанова, К. Н. (2015) Современное родительство как предмет исследования. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, т. 7, № 3, с. 1–11. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301> (дата обращения 28.08.2024).
- Уфимцева, Е. И. (2014) Роль семьи в религиозном воспитании в оценках мусульманской молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, т. 14, № 1, с. 15–22. EDN: [SXVSYF](#)
- Чумакова, Д. М. (2014) *Взаимосвязь религиозности личности и социального взаимодействия в семье. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 26 с.
- Furrow, J. L. (1998) The ideal father: Religious narratives and the role of fatherhood. *The Journal of Men's Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 17–32. <https://doi.org/10.3149/jms.0701.17>
- Petts, R. J. (2014) Family, religious attendance, and trajectories of psychological well-being among youth. *Journal of Family Psychology*, vol. 28, no. 6, pp. 759–768. <https://doi.org/10.1037/a0036892>
- Wilcox, B. W. (1998) Conservative Protestant childrearing: Authoritarian or authoritative? *American Sociological Review*, vol. 63, no. 6, pp. 796–809.
- Wilcox, W. B. (2007) Focused on their families: Religion, parenting and child well-being. In: K. K. Kline (ed.). *Authoritative communities. The Search Institute series on developmentally attentive community and society. Vol. 5*. New York: Springer Publ., pp. 227–244. https://doi.org/10.1007/978-0-387-72721-9_10

References

- Chumakova, D. M. (2014) *Vzaimosvyaz' religioznosti lichnosti i sotsial'nogo vzaimodejstviya v sem'e [The relationship of religiosity of personality and social interaction in the family]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 26 p. (In Russian)
- Ezhova, M. A. (2022) Sem'ya v diskurse molodezhi Moskovskoj Tserkvi Khrista [Family in the discourse of the youth in the Moscow Church of Christ]. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyj zhurnal o religii — Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 4, pp. 111–125. (In Russian)
- Furrow, J. L. (1998) The ideal father: Religious narratives and the role of fatherhood. *The Journal of Men's Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 17–32. <https://doi.org/10.3149/jms.0701.17> (In English)
- Gorbatcheva, V. I., Maltseva, D. V. (2011) Metodologicheskie osnovaniya teoreticheskogo izucheniya ottsovstva [Methodological grounds of theoretical fatherhood studying]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie — RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, no. 3 (65), pp. 216–230. (In Russian)
- Karaseva, A. K. (2021) Tsennostnye orientatsii i roditel'skoe otnoshenie k detyam v sem'yakh raznogo veroispovedaniya [Value-based orientations and parental attitude to children in families of different confessions]. *Vlast' — Vlast' (The Authority)*, vol. 29, no. 3, pp. 226–235. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8186> (In Russian)
- Kletsina, I. S. (2009) Ottsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniyu maskulinnosti [Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 3 (52), pp. 29–41. (In Russian)
- Kon, I. S. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire [Man in a changing world]*. Moscow: Vremya Publ., 496 p. (In Russian)
- Kuznetsova, I. A. (2007) *Dukhovno-nravstvennye tsennosti pravoslaviya kak faktor semejnogo vospitaniya detej [Spiritual and moral values of Orthodoxy as a factor in family upbringing of children]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Pushkin Leningrad State University, 23 p. (In Russian)
- Malyavina, S. S. (2016) Roditel'skoe otnoshenie kak faktor formirovaniya religioznosti lichnosti [Parent relation as a factor in the formation of religious identity]. *Sibirskij psikhologicheskij zhurnal — Siberian Psychological Journal*, no. 61, pp. 109–122. <https://doi.org/10.17223/17267080/61/8> (In Russian)
- Mil'dzikhova, B. R., Pavlovets, G. G. (2017) Ottsovstvo kak etnokul'turnyj komponent v sovremennom severoosetinskom obshchestve [Fatherhood as an ethnocultural component in contemporary North Ossetian society]. In: V. L. Sitnikov, S. A. Burkova, E. B. Dunaevskaya (eds.). *Sem'ya i sovremennyy sotsium. Seriya: sem'ya i deti v sovremennom mire [Family and modern society. Series: Family and children in the modern world]*. Saint Petersburg: Sotsial'no-gumanitarnoe znanie Publ., pp. 83–89. (In Russian)
- Mishin, Yu. V. (2019) Osobennosti lokus kontrolya lichnosti s vneshnim tipom religioznosti [Characteristics of the locus of control in individuals with an external type of religiosity]. *Innovatsionnaya nauka — Innovation Science*, no. 2, pp. 153–155. (In Russian)

- Murtazina, E. I., Minullina, A. F. (2014) Ustanovki na vospitanie i semejnuyu rol' u ottsov v Islame [Educational and paternal assumptions of fathers in Islam]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya — Modern Problems of Science and Education*, no. 3. [Online]. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13817> (accessed 28.08.2024). (In Russian)
- Nurullina, E. R. (2016) Modeli i determiniruyushchie faktory ottsovstva v sovremennom rossijskom obshchestve [Models and determining paternity factors in modern Russian society]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii — The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 1, pp. 292–294. (In Russian)
- Peregudina, V. A. (2022) Issledovanie osobennostej roditel'skikh ustanovok ottsov i materej, vospityvayushchikh detej doskol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta [Study of the characteristics of parental attitudes of fathers and mothers raising children of preschool and primary school age]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 10, no. 4, article 26PSMN422. [Online]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN422.pdf> (accessed 28.08.2024). (In Russian)
- Petts, R. J. (2014) Family, religious attendance, and trajectories of psychological well-being among youth. *Journal of Family Psychology*, vol. 28, no. 6, pp. 759–768. <https://doi.org/10.1037/a0036892> (In English)
- Polivanova, K. N. (2015) Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniya [Parenting and parenthood as research domains]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru — Psychological Science and Education psyedu.ru*, vol. 7, no. 3, pp. 1–11. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301> (accessed 28.08.2024). (In Russian)
- Ufimtseva, E. I. (2014) Rol' sem'i v religioznom vospitanii v otsenkakh musul'manskoj molodezhi [The role of the family in religious upbringing in assessments of Muslim youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya — Izvestiya of Saratov University. New Series: Sociology. Politology*, vol. 14, no. 1, pp. 15–22. (In Russian)
- Wilcox, B. W. (1998) Conservative Protestant childrearing: Authoritarian or authoritative? *American Sociological Review*, vol. 63, no. 6, pp. 796–809. (In English)
- Wilcox, W. B. (2007) Focused on their families: Religion, parenting and child well-being. In: K. K. Kline (ed.). *Authoritative communities. The Search Institute series on developmentally attentive community and society. Vol. 5*. New York: Springer Publ., pp. 227–244. https://doi.org/10.1007/978-0-387-72721-9_10 (In English)
- Zadvornova, Yu. S. (2013) Tendentsii transformatsii gendernykh rolej v sovremennoj rossijskoj sem'e [Tendencies of transformation of gender roles in modern Russian family]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 2 (67), pp. 32–40. (In Russian)

Сведения об авторе

Наталья Вячеславовна Власихина, старший преподаватель кафедры теологии, Санкт-Петербургский Христианский Университет
SPIN-код: 7299-9051, ORCID: 0000-0003-0393-0847, e-mail: natavlas@mail.ru

Author

Natalia V. Vlasikhina, Senior Lecturer, Department of Theology, Saint Petersburg Christian University
SPIN: 7299-9051, ORCID: 0000-0003-0393-0847, e-mail: natavlas@mail.ru

УДК 159.9

EDN FEDXDP

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-32-39>

Дискуссионная статья

Семейная когерентность. Психофизиология семейных отношений

М. Д. Шошев ¹

¹ Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 4027, Болгария, г. Пловдив, б-р Болгария, д. 236

Для цитирования: Шошев, М. Д. (2025) Семейная когерентность. Психофизиология семейных отношений. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 32–39. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-32-39>
EDN FEDXDP

Получена 27 декабря 2024; прошла рецензирование 21 января 2025; принята 24 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М. Д. Шошев (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются возможности современной психофизиологии в работе психолога с семьями, в которых имеются трудности в установлении гармоничных отношений между родителями и детьми. Семейная когерентность представляет собой частный случай социальной когерентности. Этот термин уже несколько лет широко используется при изучении межличностных отношений в контексте характеристики гармоничности взаимодействия между людьми. Среди показателей социальной когерентности в последние годы активно изучается вариабельность сердечного ритма, на которую, согласно эмпирическим данным, влияют многие факторы, в том числе эмоциональные состояния взаимодействующих людей, звук их голоса и его различные характеристики и т. д. Это дает основания рассматривать вариабельность сердечного ритма в качестве надежного индикатора качества отношений в семье, в том числе детско-родительских отношений.

Материалы и методы. Опираясь на достижения в изучении вариабельности сердечного ритма, автор предлагает свою методику, которая является вариантом методики исследования социальной когерентности и может успешно применяться в работе семейного психолога, благодаря своей простоте и удобству.

Результаты. Семейная когерентность может оцениваться на основе анализа параметров вариабельности сердечного ритма у членов одной семьи (как между родителями, так и между родителями и детьми). Оценка семейной когерентности осуществляется путем прямого наблюдения или видеонаблюдения и одновременной регистрации вариабельности сердечного ритма членов семьи во время общения (в различных коммуникативных ситуациях и в разных условиях взаимодействия) с помощью электрокардиографических датчиков (ЭКГ) с беспроводным соединением.

Заключение. Предложенная методика может использоваться как надежный инструмент оценки семейной сплоченности, основанный на объективно измеряемых данных. Методика позволяет очень быстро и точно определить состояние отношений в семье, а также влияние этих отношений и семейной среды в целом на психическое здоровье ее членов.

Ключевые слова: семейная когерентность, социальная когерентность, вариабельности сердечного ритма, психофизиология семьи, дети, родители

Family coherence and the psychophysiology of family relationships

M. D. Shoshev ¹

¹ Paisii Hilendarski University of Plovdiv, 236 Bulgaria Blvd, Plovdiv 4027, Bulgaria

For citation: Shoshev, M. D. (2025) Family coherence and the psychophysiology of family relationships. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 32–39. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-32-39> EDN FEDXDP

Received 27 December 2024; reviewed 21 January 2025; accepted 24 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. D. Shoshev (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. This article explores the application of modern psychophysiology in addressing challenges within families, particularly when families find it difficult to establish harmonious parent-child relationships. Family coherence, a specific form of social coherence, has become a key concept in understanding interpersonal dynamics and the harmony of interactions. Recent research has highlighted heart rate variability (HRV) as a critical indicator of social coherence, influenced by factors such as emotional states, vocal characteristics, etc. This makes HRV a valuable measure for assessing the quality of family relationships, including those between parents and children.

Materials and Methods. Building on advancements in the study of HRV, the author proposes a methodology adapted from social coherence research. It can be effectively applied in family psychology practice. The method involves the simultaneous recording of HRV data from family members during interactions in various communicative contexts using wireless electrocardiographic sensors (ECG).

Results. Family coherence can be evaluated by analyzing HRV parameters in family members, both within parent-parent and parent-child interactions.

Conclusions. The proposed methodology offers a reliable and objective tool for assessing family cohesion based on measurable data. It provides an efficient means of determining the state of family relationships and the impact of these dynamics on the mental health and well-being of family members.

Keywords: family coherence, social coherence, heart rate variability, family psychophysiology, children, parents

Развитое динамичное общество XXI века неизбежно ставит каждую семью перед огромными испытаниями. Стресс, связанный с рабочим местом, в дальнейшем переносится на семейную среду, что приводит, в первую очередь, к ухудшению отношений внутри семьи, к возникновению различных патологических отклонений в общении между супругами и между родителями и детьми.

Гармоничное психическое развитие ребенка требует обеспечения оптимальной микро- и макро-социальной среды как основного влияющего фактора. Различные стрессогенные воздействия приводят к увеличению риска развития различных отклонений в психофизическом развитии ребенка, которые могут проявляться тревогой и депрессией, все чаще наблюдаемыми у детей, отклонениями в поведении, успехах в школе и т. д. По мнению П. Петрова, «под-ростковый возраст — период важнейшего зна-

чения в развитии каждого человека, в течение которого усваиваются эмоциональные закономерности и социальные навыки, имеющие решающее значение для психического здоровья. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), каждый седьмой ребенок и подросток в возрасте от 10 до 19 лет страдает каким-либо психическим расстройством, что составляет 13% всей заболеваемости в этой возрастной группе. Большая часть этих расстройств до сих пор остается нераспознанной и не подвергается лечению» (Петров 2022, 1284).

Эти проявления представляют собой основной фактор риска «отчуждения» между поколениями в семье, что также служит основной предпосылкой отсутствия общения в семейной среде, перехода роли авторитета от родителя к неформальной группе вне семьи, последующим отклонениям в общем социальном развитии ребенка.

В уже упоминавшейся статье П. Петрова отмечается, что «теория привязанности дает новый взгляд на тревожащие и депрессивные симптомы в детском и подростковом возрасте в отличие от психоаналитических теорий и теории социального научения. Определенный тип поведения не обязательно должен рассматриваться как более (или менее) связанный с привязанностью. Привязанность можно представить как систему, которая на длительных интервалах периода развития берет на себя контроль над системами близости и исследовательскими системами и координирует их таким образом, чтобы обеспечить безопасность» (Петров 2022, 1285).

В то же время работа с семейным психологом и психотерапевтом приобретает все большую популярность, что повышает ответственность специалиста за содействие улучшению семейных отношений и работу с тревогой и депрессией у детей.

Можно утверждать, что тревога — это нормальная реакция на стресс и стрессовые ситуации, а в определенных ситуациях она носит адаптивный характер. Однако при высоких уровнях и длительных проявлениях тревоги, ее становится трудно освоить и контролировать, она начинает нарушать повседневное функционирование, и тогда возможно появление различных психосоматических нарушений и даже заболеваний.

Патологическую тревогу сейчас связывают с нарушениями функционирования частей лимбической системы, отвечающих за регуляцию эмоций и реакцию на стресс и страх.

Можно также утверждать, что основное состояние наших физиологических процессов определяет качество и стабильность чувств и эмоций, которые мы испытываем, и верно обратное: чувства и эмоции, которые мы испытываем, влияют на наши физиологические процессы. По мнению А. Дамасио, «положительные чувства на самом деле отражают состояния организма, при которых регуляция жизненных процессов становится эффективной или даже оптимальной, свободной и легкой» (Damasio 2003, 131).

В практике психолога используется множество тестов и методов диагностики тревожности. Однако любая методология, независимо от того, включает ли она шкалу достоверности или нет, является субъективным методом, результаты применения которого зависят от множества факторов.

Тогда логично возникает вопрос: можно ли использовать методику, стремящуюся устранить

влияние субъективных факторов, с помощью которой можно быстро и легко определить влияние общения в семейной среде и семейных отношений на общее психоэмоциональное состояние ребенка?

Фактически оказывается, что синхронизированная активность между эмоциями, чувствами и физиологическими процессами лежит в основе самого сознательного опыта. Такая деятельность названа терминами «когерентность», «слаженная деятельность».

В болгарском языке термин «когерентность» почти всегда используется как синоним термина «связность».

В 1996 году Тиллер с соавторами ввел концепцию физиологической когерентности, «чтобы описать степень порядка, гармонии и стабильности различных ритмических действий в живых системах в течение определенного периода времени. Этот гармоничный порядок означает согласованную систему, эффективную или оптимальную функцию, которая напрямую связана с легкостью и течением жизненных процессов... В частности, сердечную когерентность можно измерить по вариабельности сердечного ритма, при которой сердечный ритм становится более упорядоченным и синусоидальным» (Tiller et al. 1996, 52).

Одно из удачных определений этого термина можно найти в «Словаре колледжа Рэндом Хаус» Дж. Штейна, вышедшем в 1975 году. Он определяет когерентность как качество логически интегрированного, последовательного и понятного (Stein 1975).

Связность или согласованность всегда подразумевают взаимодействие, взаимосвязь, причинность, логический порядок или даже наличие «эстетически последовательной» связи между частями (McCarty, Childre 2010).

Исследователи МакКрети и Чайлдр, будучи одними из главных исследователей и авторами термина «социальная когерентность», пишут: «Когерентность также используется для описания связи и степени синхронизации между различными колебательными системами. В некоторых случаях, когда две или более колебательные системы работают на одной и той же основной частоте, они могут синхронизироваться по фазе или частоте, как это происходит между фотонами в лазере. Этот тип согласованности называется перекрестной согласованностью, и это тот тип согласованности, о котором думает большинство ученых, когда используют этот термин. В физиологии перекрестная когерентность возникает, когда одна или несколько колебательных систем организма, таких как

дыхание и частота сердечных сокращений, под-ключаются и работают на одной и той же частоте» (McCraty, Childre 2010, 11). Таким образом, термином «социальная когерентность» обозначают состояние полной согласованности психических и физиологических процессов между двумя или более индивидами в социальной среде.

В работе Р. Брэдли утверждается, что «социальная согласованность включает в себя те же принципы организации и регуляции, которые применимы к личной, физиологической и психофизиологической согласованности, но в контексте установления отношений между двумя или более людьми и управления этими отношениями. В сплоченной группе каждый член имеет свободу вносить свой вклад в совместный процесс установления сплоченности, чтобы поддерживать единство и положительный резонансный эффект. Неспособность сохранять социальную сплоченность влияет не только на чувства лиц, участвующих во взаимодействии, но и на психофизиологические процессы в их организме. Социальная когерентность — это стабильная организация отношений между людьми, которая обеспечивает эффективный поток и использование энергии, необходимой для общения, коллективной сплоченности и действий» (Bradley 1987, 365),

Еще один интересный факт говорит о взаимосвязи физиологической (сердечной), психофизиологической (личностной) и социальной когерентности. Как отмечают МакКрэйти и Чайлдере, «...некоторые исследования показали, что согласованность сердечного ритма действительно связана со значительным улучшением когнитивных функций. Значительные результаты наблюдались в экспериментах по распознаванию и времени реакции, а также в более сложных областях когнитивных функций, включая память и успеваемость» (McCraty, Childre 2010, 13).

Это утверждение подтверждается другим исследованием, проведенным Институтом математики сердца, в котором исследовательская группа заявила, что «социальная сплоченность относится к парам, семейным единицам, группам или более крупным организациям, в которых существует сеть отношений между людьми, имеющими общие интересы и цели. Социальная сплоченность отражается как стабильное, гармоничное выравнивание отношений, которое обеспечивает эффективный поток и использование энергии и общения, необходимых для оптимального коллективного сплочения и действий» (McCraty et al. 2003).

В исследовании 2015 года, проведенном Уэйном П. Уильямсом, Клаудией Кэш, Кэмероном Ранкином, Энтони Бернарди, Джулианом Кенигом и Джулианом Ф. Тайером в США, изучалась модель нейро-висцеральной интеграции. Исследователи сформулировали предположение, что вариабельность сердечного ритма представляет собой психофизиологический показатель тормозного контроля со стороны парасимпатического отдела вегетативной нервной системы и, следовательно, она связана со способностью регулировать эмоции (Williams et al. 2015).

В другом исследовании, посвященном той же проблеме, которое было проведено в 2014 году в США Роллином МакКрэйти и Марией Зайас (McCraty, Zayas 2014), изучалась связь между функционированием сердечно-сосудистой и нервной систем, а также когнитивными функциями, функциями эмоционального реагирования и способностью к саморегуляции. Авторы тестировали гипотезу о том, что самогенерируемые положительные эмоции способствуют повышению слаженности процессов функционирования организма в целом и сердечно-сосудистой системы в частности, что проявляется, в том числе, в характере сердечного ритма. Изменения сердечного ритма, в свою очередь, играют важную роль в контроле над телом и, помимо этого, повышают продуктивность высших когнитивных функций, способствуют снижению напряжения и достижению эмоциональной стабильности. Достигаемое таким образом состояние внутреннего равновесия способствует согласованности работы имплицитной памяти, восприятия, чувств и поведения.

Логично, что следует задать еще один вопрос. Существует ли надежный объективный показатель, с помощью которого можно неинвазивным путем определить состояние тонуса вегетативной нервной системы и, соответственно, изменения психоэмоционального состояния человека?

По мнению А. В. Ковалевой, Е. Н. Пановой и А. К. Горбачевой, «показатели вариабельности сердечного ритма являются надежными и объективными показателями тонуса вегетативной нервной системы (ее симпатического и парасимпатического отделов), что в свою очередь отражает изменения психоэмоционального состояния человека, развитие стресса или какого-либо напряжения» (Ковалева и др. 2013, 35).

Становится очевидным, что существуют очевидные преимущества взаимодействия с людьми, имеющими высокий уровень соответствия между своими эмоциями, эмоциональным

состоянием и физиологическим состоянием, которые выражаются в повышении вариабельности сердечного ритма.

Опять же, по мнению тех же авторов, показатели вариабельности сердечного ритма являются надежными индикаторами активности вегетативной нервной системы, и, как следствие, степени напряженности человека, выраженности стресса, в результате чего их можно применять для прогнозирования психических реакций. Авторы также ссылаются на исследование Д. Кинтаны и соавторов (Quintana et al. 2012), согласно которому «показатели вариабельности сердечного ритма оказались тесно связаны со способностью к социальному общению, в частности со способностью распознавать эмоции. Существует теория, что вариабельность частоты сердечных сокращений может служить маркером способности распознавать социальные сигналы, подаваемые другими людьми. Более высокая вариабельность сердечного ритма связана с лучшей способностью распознавания эмоций» (Ковалева и др. 2013, 42).

Из перечисленного можно сделать вывод, что при наличии естественной тенденции к хорошему общению между людьми, хорошо понимающими друг друга, их психофизиологические состояния, благодаря психофизиологической связности, будут иметь примерно одинаковое значение.

Это утверждение практически является ответом на определение социальной согласованности: «социальная согласованность — это стабильная организация отношений между людьми, которая обеспечивает эффективный поток и использование энергии, необходимой для общения, коллективной сплоченности и действий» (McCarty, Childre 2010, 169).

Можно отметить, что социальная когерентность функционирует по тем же принципам, что и личная когерентность, однако, в отличие от личной согласованности, социальная когерентность проявляется в установлении отношений между двумя или более людьми и управлении этими отношениями. В группе, внутри которой разворачивается взаимодействие людей, каждый участник делает уникальный вклад в развитие сплоченности. Вклады отдельных участников, объединяясь, имеют выраженный суммарный резонансный эффект, оказывая положительное влияние как на их психическое, так и на физиологическое состояние. В свою очередь, неспособность поддерживать групповую сплоченность связана с обратными психическими и физиологическими эффектами. Таким образом, со-

циальная когерентность отражает гармоничное и стабильное развитие отношений между людьми, которые обеспечивают эффективный обмен информацией и эмоциями, а также поддержание стремлений к укреплению сплоченности и повышению интенсивности взаимодействия.

В 2017 году в Болгарии было опубликовано исследование о медико-биологических основах социальной согласованности во взаимодействии клиента и социального работника (Shoshev et al. 2017).

В 2019 году предложена авторская методика исследования социальной когерентности в межличностных системах школьников и студентов. Проведенные исследования показали многообещающие результаты, а сами исследования продолжаются (Шошев 2019).

Феномен социальной когерентности отражает связь физического, духовного и социального миров. Изучение этого явления предполагает активное взаимодействие психологии с другими науками и открывает возможности и перспективы для очень тесного сотрудничества между ними. Глубокое понимание сути позволит также детально разобраться во многих явлениях, связанных с межличностными отношениями в различных сферах жизни.

Семья — основная структурная ячейка общества. Отношения в гармоничной и здоровой семье — главный показатель правильной интеграции детей в общество. Это говорит о том, что в гармоничной семье можно изучать психофизиологические взаимоотношения между родителями и детьми и «сплоченность семьи». Это явление представляет собой частный случай социальной согласованности и возникает во взаимоотношениях внутри семейной среды.

Семейную когерентность можно определить как эффективное взаимодействие в семье на психофизиологическом уровне, посредством которого достигается согласованность физиологических, психических и эмоциональных состояний между членами семьи.

Следуя логике научных исследований, посвященных социальной когерентности, семейную сплоченность можно определить, исследуя параметры вариабельности сердечного ритма у членов одной семьи (как между родителями, так и между родителями и детьми).

На параметры вариабельности сердечного ритма влияют многие факторы, которые также можно динамически определять и фиксировать. Такими факторами могут быть шум и звуковая обстановка (Ксенофонтова и др. 2018), освещение в жилище (Королева и др. 2008), запахи и ароматы тела человека и в доме в целом

(Иванова и др. 2020), тип и объем музыки, которую обычно слушают дома (Суботялова, Суботялов 2024) и не в последнюю очередь сила, высота и тембр голоса матери и отца во время общения между ними, а также в процессе общения с ребенком (Димитриев и др. 2022; Куличенко и др. 2016) и эмоциональный интеллект родителей (Добрин 2017).

С учетом логики методики проведения исследования социальной согласованности, аналогичная методика может быть использована и при исследовании семейной когерентности. Сама методика осуществляется путем прямого наблюдения или видеонаблюдения и одновременной регистрации вариабельности сердечного ритма членов семьи во время общения с помощью датчиков ЭКГ с беспроводным соединением. Полученные результаты обрабатывают извест-

ными видами математического анализа, сравниваются в хронологическом порядке с полученной видеозаписью.

Представленная методика позволяет очень быстро и точно определить состояние отношений в семье, а также влияние этих отношений и семейной среды в целом на психическое здоровье ее членов.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Димитриев, Д. А., Индейкина, О. С., Батаев, Х. М. (2022) Влияние эмоций, индуцированных звуками, на вариабельность сердечного ритма. *Медико-фармацевтический журнал «Пульс»*, т. 24, № 11, с. 95–100. <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-11-95-100>
- Добрин, А. В. (2017) Особенности влияния эмоционального интеллекта на показатели кардиоритма младших школьников. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, т. 7, № 5, с. 94–111. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1705.07>
- Иванова, С. В., Сковронская, С. А., Гошин, М. Е. и др. (2020) Влияние запаха на физиологические, эмоциональные и когнитивные аспекты здоровья человека в экспериментальных условиях (обзор литературы). *Гигиена и санитария*, т. 99, № 12, с. 1370–1375. <https://dx.doi.org/10.47470/0016-9900-2020-99-12-1370-1375>
- Ковалева, А. В., Панова, Е. Н., Горбачева, А. К. (2013) Анализ вариабельности ритма сердца и возможности его применения в психологии и психофизиологии. *Современная зарубежная психология*, т. 2, № 1, с. 35–50. EDN: PZOPLI
- Королева, М. А., Воронин, И. М., Шутова, С. В. (2008) Вариабельность сердечного ритма при воздействии интенсивного света в зависимости от индивидуальных особенностей организма человека. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки*, т. 13, № 2-3, с. 184–187. EDN: IQQCGP
- Ксенофонтова, В. К., Левина, Е. А., Левин, С. В., Храмов, А. В. (2018) Влияние высокочастотного шума (4000Гц) на показатели вариабельности сердечного ритма. *Noise Theory and Practice*, т. 4, № 3 (13), с. 10–14. EDN: XZKYMX
- Куличенко, А. М., Михайлова, А. А., Дягилева, Ю. О. и др. (2016) Особенности вариабельности сердечного ритма детей возрастом 1,5–3,5 года, воспитывающихся в детском доме. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия*, т. 2 (68), № 2, с. 31–46. EDN: XROZKZ
- Петров, П. М. (2022) Тревожные и депрессивные симптомы в юношеском возрасте. *E-Journal VFU. Психология и социальные действия*, № 18, с. 1283–1296. [Электронный ресурс]. URL: <https://ejournal.vfu.bg/pdfs/%D0%B4%D0%BE%D1%86.%20%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%8A%D1%80%20%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2.%20%D0%A2%D0%A0%D0%95%D0%92%D0%9E%D0%96%D0%9D%D0%98%20%D0%98%20%D0%94%D0%95%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%A1%D0%98%D0%92%D0%9D%D0%98.pdf> (дата обращения 27.08.2024).
- Суботялова, А. М., Суботялов, М. А. (2024) Влияние музыки на сердечно-сосудистую систему (обзор). *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия*, т. 10 (76), № 2, с. 174–184. EDN: DOWKLN
- Шошев, М. Д. (2019) Методология исследования социальной когерентности у учеников и студентов: теоретические аспекты. В кн.: А. М. Митина (ред.). *Наука — образование — профессия: системный личностно-развивающий подход. Сборник статей XV Международной юбилейной научной конференции*. М.: Перо, с. 406–409.
- Bradley, R. T. (1987) *Charisma and social structure: A study of love and power, wholeness and transformation*. New York: Paragon House Publ., 365 p.

- Damasio, A. R. (2003) *Looking for Spinoza: Joy, sorrow, and the feeling brain*. Orlando: Harcourt Publ., 355 p.
- McCraty, R., Childre, D. (2010) Coherence: Bridging personal, social and global health. *Alternative Therapies in Health and Medicine*, vol. 16, no. 4, pp. 10–24. PMID: [20653292](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/20653292/)
- McCraty, R., Zayas, M. A. (2014) Cardiac coherence, self-regulation, autonomic stability, and psychosocial well-being. *Frontiers in Psychology*, vol. 5, article 1090. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01090>
- McCraty, R., Atkinson, M., Lipsenthal, L., Arguelles, L. (2003) *Impact of the power to change performance program on stress and health risks in correctional officers*. Boulder Creek: HeartMath Institute Publ. [Online]. Available at: https://www.heartmathbenelux.com/doc/Stress_and_correctional_officers_.pdf (accessed 27.08.2024).
- Quintana, D. S., Guastella, A. J., Outhred, T. et al. (2012) Heart rate variability is associated with emotion recognition: Direct evidence for a relationship between the autonomic nervous system and social cognition. *International Journal of Psychophysiology*, vol. 86, no. 2, pp. 168–172. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2012.08.012>
- Shoshev, M., Stoykov, A., Ilieva, M. (2017) Medico-biological grounds of the social coherence in the social worker — client interaction. *Trakia Journal of Sciences*, vol. 15, no. 4, pp. 351–353. <https://doi.org/10.15547/tjs.2017.04.015>
- Stein, J. (ed.). (1975) *The random house college dictionary*. New York: Random House Publ., 1568 p.
- Tiller, W. A., McCraty, R., Atkinson, M. (1996) Cardiac coherence: A new, noninvasive measure of autonomic nervous system order. *Alternative Therapies in Health and Medicine*, vol. 2, no. 1, pp. 52–65. PMID: [8795873](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/8795873/)
- Williams, D. P., Cash, C., Rankin, C. et al. (2015) Resting heart rate variability predicts self-reported difficulties in emotion regulation: A focus on different facets of emotion regulation. *Frontiers in Psychology*, vol. 6, article 261. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00261>

References

- Bradley, R. T. (1987) *Charisma and social structure: A study of love and power, wholeness and transformation*. New York: Paragon House Publ., 365 p. (In English)
- Damasio, A. R. (2003) *Looking for Spinoza: Joy, sorrow, and the feeling brain*. Orlando: Harcourt Publ., 355 p. (In English)
- Dimitriev, D. A., Indeykina, O. S., Bataev, Kh. M. (2022) Vliyanie emotsij, indutsirovannykh zvukami, na variabel'nost' serdechnogo ritma [Effect of emotions induced by sounds on heart rate variability]. *Mediko-farmatsevticheskij zhurnal "Puls" — Medical and Pharmaceutical Journal "Pulse"*, vol. 24, no. 11, pp. 95–100. <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-11-95-100> (In Russian)
- Dobrin, A. V. (2017) Osobennosti vliyaniya emotsional'nogo intellekta na pokazateli kardioritma mladshikh shkol'nikov [Peculiarities of influence of emotional intelligence on the heart rate indicators of primary schoolchildren]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, vol. 7, no. 5, pp. 94–111. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1705.07> (In Russian)
- Ivanova, S. V., Skovronskaya, S. A., Goshin, M. E. et al. (2020) Vliyanie zapakha na fiziologicheskie, emotsional'nye i kognitivnye aspekty zdorov'ya cheloveka v eksperimental'nykh usloviyakh (obzor literatury) [The study of the odour impact on physiological, emotional, and cognitive aspects of human health under experimental conditions (literature review)]. *Gigiya i sanitariya — Hygiene and Sanitation*, vol. 99, no. 12, pp. 1370–1375. <https://dx.doi.org/10.47470/0016-9900-2020-99-12-1370-1375> (In Russian)
- Koroleva, M. A., Voronin, I. M., Shutova, S. V. (2008) Variabel'nost' serdechnogo ritma pri vozdejstvii intensivnogo sveta v zavisimosti ot individual'nykh osobennostej organizma cheloveka [Heart rate variability in conditions of intensive light influence depending on specific features of a human organism]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki — Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences*, vol. 13, no. 2-3, pp. 184–187. (In Russian)
- Kovaleva, A. V., Panova, E. N., Gorbachova, A. K. (2013) Analiz variabel'nosti ritma serdtsa i vozmozhnosti ego primeneniya v psikhologii i psikhofiziologii [Analysis of heart rate variability and possibility of its utilization in psychology and psycho-physiology]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 2, no. 1, pp. 35–50. (In Russian)
- Ksenofontova, V. K., Levina, E. A., Levin, S. V., Khramov, A. V. (2018) Vliyanie vysokochastotnogo shuma (4000Gts) na pokazateli variabel'nosti serdechnogo ritma [High-frequency noise impact (4000 Hz) on heart rate variability]. *Noise Theory and Practice*, vol. 4, no. 3 (13), pp. 10–14. (In Russian)
- Kulichenko, A. M., Mikhailova, A. A., Dyagileva, Yu. O. et al. (2016) Osobennosti variabel'nosti serdechnogo ritma detej vozrastom 1,5–3,5 goda, vospityvayushchikhsya v detskom dome [Peculiarities of indexes of heart rate variability institutionalization children in the period from 1.5 to 3.5 years]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Biologiya. Khimiya — Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Biology. Chemistry*, vol. 2 (68), no. 2, pp. 31–46. (In Russian)
- McCraty, R., Childre, D. (2010) Coherence: Bridging personal, social and global health. *Alternative Therapies in Health and Medicine*, vol. 16, no. 4, pp. 10–24. PMID: [20653292](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/20653292/) (In English)
- McCraty, R., Zayas, M. A. (2014) Cardiac coherence, self-regulation, autonomic stability, and psychosocial well-being. *Frontiers in Psychology*, vol. 5, article 1090. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01090> (In English)

- McCraty, R., Atkinson, M., Lipsenthal, L., Arguelles, L. (2003) *Impact of the power to change performance program on stress and health risks in correctional officers*. Boulder Creek: HeartMath Institute Publ. [Online]. Available at: [https://www.heartmathbenelux.com/doc/Stress and correctional officers .pdf](https://www.heartmathbenelux.com/doc/Stress_and_correctional_officers_.pdf) (accessed 27.08.2024). (In English)
- Petrov, P. M. (2022) Trevozhni i depresivni simptomi v yunosheska v'zrast [Anxiety and depressive symptoms in adolescence]. *E-Journal VFU. Psihologiya i sotsialni dejnosti — E-Journal VFU. Psychology and Social Activities*, no. 18, pp. 1283–1296. [Online]. Available at: <https://ejournal.vfu.bg/pdfs/%D0%B4%D0%BE%D1%86.%20%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%8A%D1%80%20%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2.%20%D0%A2%D0%A0%D0%95%D0%92%D0%9E%D0%96%D0%9D%D0%98%20%D0%98%20%D0%94%D0%95%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%A1%D0%98%D0%92%D0%9D%D0%98.pdf> (accessed 27.08.2024). (In Bulgarian)
- Quintana, D. S., Guastella, A. J., Outhred, T. et al. (2012) Heart rate variability is associated with emotion recognition: Direct evidence for a relationship between the autonomic nervous system and social cognition. *International Journal of Psychophysiology*, vol. 86, no. 2, pp. 168–172. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2012.08.012> (In English)
- Shoshev, M. D. (2019) Metodologiya issledovaniya sotsial'noj kogerentnosti u uchenikov i studentov: teoreticheskie aspekty [Methodology of the study of social coherence in school and university students: Theoretical aspects]. In: L. M. Mitina (ed.). *Nauka — obrazovanie — professiya: sistemnyj lichnostno-razvivayushchij podkhod. Sbornik statej XV Mezhdunarodnoj yubilejnoj nauchnoj konferentsii [Science — education — profession: A systematic personality-developing approach. Collection of articles of the XV International anniversary scientific conference]*. Moscow: Pero Publ., pp. 406–409. (In Russian)
- Shoshev, M., Stoykov, A., Ilieva, M. (2017) Medico-biological grounds of the social coherence in the social worker — client interaction. *Trakia Journal of Sciences*, vol. 15, no. 4, pp. 351–353. <https://doi.org/10.15547/tjs.2017.04.015> (In English)
- Stein, J. (ed.). (1975) *The random house college dictionary*. New York: Random House Publ., 1568 p. (In English)
- Subotyalova, A. M., Subotyalov, M. A. (2024) Vliyanie muzyki na serdechno-sosudistuyu sistemu (obzor) [Influence of music on the cardiovascular system (review)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Biologiya. Khimiya — Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Biology. Chemistry*, vol. 10 (76), no. 2, pp. 174–184. (In Russian)
- Tiller, W. A., McCraty, R., Atkinson, M. (1996) Cardiac coherence: A new, noninvasive measure of autonomic nervous system order. *Alternative Therapies in Health and Medicine*, vol. 2, no. 1, pp. 52–65. PMID: [8795873](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/8795873/) (In English)
- Williams, D. P., Cash, C., Rankin, C. et al. (2015) Resting heart rate variability predicts self-reported difficulties in emotion regulation: A focus on different facets of emotion regulation. *Frontiers in Psychology*, vol. 6, article 261. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00261> (In English)

Сведения об авторе

Митко Димитров Шошев, кандидат психологических наук, доцент, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
ORCID: [0000-0001-8874-0350](https://orcid.org/0000-0001-8874-0350), e-mail: mitkosh@uni-plovdiv.bg

Author

Mitko D. Shoshev, PhD, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv
ORCID: [0000-0001-8874-0350](https://orcid.org/0000-0001-8874-0350), e-mail: mitkosh@uni-plovdiv.bg

УДК 159.9

EDN EGMFLV

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58>

Научная статья

Дети как агенты психологического благополучия взрослых

К. В. Карпинский ^{✉1, 2}

¹Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
230023, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22

²Мамун университет, 220900, Узбекистан, г. Хива, ул. Болхавуз, д. 2

Для цитирования: Карпинский, К. В. (2025) Дети как агенты психологического благополучия взрослых. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 40–58. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58>
EDN EGMFLV

Получена 27 декабря 2024; прошла рецензирование 23 января 2025; принята 23 января 2025.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект Г23УЗБ-053

Права: © К. В. Карпинский (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Представлены результаты теоретико-эмпирического анализа места и роли ребенка в контексте индивидуальной жизнедеятельности, личностного развития и функционирования, а также психологического благополучия взрослого. Формой психического отражения объективных детерминационных связей, в которых ребенок находится к процессу и результатам реализации личностных интенций взрослого, выступает личностный смысл ребенка для взрослого. Основываясь на том, что психологическое благополучие-неблагополучие производно от прогресса практической реализации личностно значимых интенций, этот личностный смысл рассматривается как субъективный индикатор воздаяния ребенка на благополучие взрослого.

Материалы и методы. Общая гипотеза о взаимосвязи личностного смысла ребенка с психологическим благополучием взрослого тестировалась в цикле эмпирических исследований, охвативших родительскую (взрослые люди, воспитывающие ребенка/детей, N = 1965), клиническую (пациенты репродуктологического профиля с диагностированным бесплодием, N = 165) и профессиональную (специалисты педономического труда, N = 240) выборки. Диагностика личностного смысла ребенка осуществлялась методиками «Шкала ценностного отношения к детям» и «Смыслометрический психобиографический анализ». Психологическое благополучие взрослых, выполняющих родительские функции, оценивалось «Шкалой удовлетворенности жизнью», «Шкалой субъективного счастья», «Кратким опросником смысложизненного кризиса», «Шкалой позитивного и негативного аффекта», «Шкалой родительского стресса», «Опросником родительского выгорания», «Опросником родительского самоотношения», методикой «Диагностика переживаний в деятельности». Психологическое благополучие взрослых, проходящих лечение от бесплодия, определялось на основе «Шкалы совладания с бесплодием». Психологическое благополучие работников педономического труда измерялось посредством «Шкалы удовлетворенности карьерой», «Опросника переживаний в профессиональной деятельности», «Утрехтской шкалы увлеченности работой».

Результаты. Полученные данные свидетельствуют, что личностный смысл ребенка для взрослого является валидным эмпирическим маркером силы и направленности влияния первого на психологическое благополучие второго. Психологические типы личностного смысла ребенка высвечивают особенные функции, которые он выполняет в контексте индивидуальной жизнедеятельности и психологического благополучия взрослого. Позитивный смысл сигнализирует о том, что ребенок в жизни взрослого выступает условием психологического благополучия, тогда как негативный смысл указывает на то, что ребенок обуславливает психологическое неблагополучие взрослого на глобальном и доменном уровнях, в частности, в сферах репродукции, родительства и профессиональной педономической деятельности.

Заключение. Результаты исследования позволяют заключить, что дети являются активными со-субъектами жизни и влиятельными агентами психологического благополучия взрослых.

Ключевые слова: психологическое благополучие, гедония, эвдемония, экзистенция, личностный смысл ребенка, терминальный смысл ребенка, прагматический смысл ребенка, ценностное отношение к детям

Children as agents of adults' psychological well-being

K. V. Karpinski ^{1,2}

¹ Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus

² Mamun University, 2 Bolhovuz Str., Khiva 220900, Uzbekistan

For citation: Karpinski, K. V. (2025) Children as agents of adults' psychological well-being. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 40–58. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-40-58> EDN EGMFLV

Received 27 December 2024; reviewed 23 January 2025; accepted 23 January 2025.

Funding: The study was carried out with financial support of The Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project Г23УЗБ-053.

Copyright: © K. V. Karpinski (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The article presents the results of theoretical and empirical analysis of the role and significance of children in the context of individual life, personal development, and adults' psychological well-being. It argues that children exert an influence on daily lives and well-being of adults, both as an objective life circumstance and as active co-agents in the life process.

Materials and Methods. The hypothesis concerning the relationship between the personal meaning of a child and the psychological well-being of an adult was tested through empirical studies. The studies involved three participant groups: parents (N = 1965), infertility patients (N = 165), and pedagogical professionals (N = 240). The personal meaning of a child was assessed using the Value of Children Scale and the Semantic Psychobiographic Analysis. The psychological well-being of adults performing parental functions was measured using a variety of scales, including the Life Satisfaction Scale, the Subjective Happiness Scale, the Concise Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, the Positive and Negative Affect Scale, the Parental Stress Scale, the Parental Burnout Questionnaire, the Parental Self-Attitude Questionnaire, and the Diagnosis of Activity Experiences. For infertility patients, the Infertility Management Scale was used, while the psychological well-being of pedagogical professionals was measured using the Satisfaction with Career Scale, the Experiences in Vocational Activity Questionnaire, and the Utrecht Work Engagement Scale.

Results. The personal meaning of a child for an adult serves as a valid empirical marker of the strength and direction of its impact on psychological well-being. Distinct psychological types of personal meaning highlight the specific roles children play in the lives of adults. A positive meaning indicates that a child is a condition for adult psychological well-being, while a negative meaning reflects that a child contributes to psychological distress in areas such as reproduction, parenthood, and professional pedagogical work.

Conclusions. The findings suggest that children are active co-subjects of life and significant agents in the psychological well-being of adults.

Keywords: psychological well-being, hedonia, eudaimonia, existence, personal meaning of a child, terminal meaning of a child, pragmatic meaning of a child, value of children

Онтология взрослой жизни как со-бытия с детьми

Дети неизбежно сопровождают взрослых в разные периоды и в разных сферах жизни. Несмотря на то что онтология взрослой жизни — это онтология совместного бытия (со-бытия) не только с другими взрослыми, но и с детьми, психологические эффекты, механизмы и закономерности влияния детей на жизнедеятельность взрослых еще относительно слабо изучены современной психологией. В психологии, педагогике и многих других науках, изучающих взаимоотношения взрослых и детей, прослеживается тенденция переоценивать роль

взрослого в психологической судьбе ребенка и недооценивать воздействие ребенка на психическое развитие и функционирование, здоровье и благополучие взрослого.

Эта научная тенденция уходит корнями в социальные представления, стереотипы, установки обыденного сознания и в повседневные практики социального взаимодействия, которые фиксируют и воспроизводят неравенство статусов взрослого и ребенка в контексте межвозрастных отношений (Карпинский 2023; Микляева 2014). Если обратиться к результатам социально-психологических исследований межличностной значимости (субъективной значимости человека для человека), то окажется, что

для детей значимыми и сверхзначимыми другими являются взрослые, тогда как для взрослых значимыми персонами выступают преимущественно их сверстники и более старшие люди, а дети, как правило, не относятся к значимым фигурам (за исключением выросших, повзрослевших детей) (Кондратьев 2011; Кроник, Кроник 1989; Blyth et al. 1982; Buhl 2009; Garbarino et al. 1978).

Естественная причина такого положения дел — ведущая и доминирующая роль взрослых во многих видах, формах и сферах взаимодействия с детьми. Между тем объективно существующая и неизбежная «асимметрия» интеракций «взрослый — ребенок» не должна вести к игнорированию или приуменьшению вкладов и влияний детей на жизнедеятельность взрослых. Ребенок может занимать разные позиции, играть разные роли, выполнять разные функции, но в любом случае он выступает не пассивным фоном, а действующим агентом в жизни взрослого.

Употребляя применительно к ребенку слово «агент», мы присоединяемся к междисциплинарной теоретической перспективе. Согласно ей, дети в разнообразных жизненных отношениях со взрослыми рассматриваются в качестве инициативных деятелей и активных продуцентов собственного развития, а не только лишь пассивных реципиентов и контролируемых подопечных (Green, Nixon 2020; Lerner 1982; Levison et al. 2021). В меру своих возрастных (биологических, социальных и психологических) возможностей они выступают субъектами собственного жизненного мира и жизненного пути, конструируя его в том же пространстве и времени, в котором разворачивается жизнедеятельность взрослых, и утверждают собственные детские потребности, мотивы и ценности, которые довольно часто не совпадают и расходятся с интересами взрослых. В силу свойственной детям имманентной активности, они становятся агентами в контексте жизнедеятельности взрослых, воздействуют на нее различными способами.

Ребенок оказывает влияние на жизнедеятельность взрослого двояко. Во-первых, объективным фактом своего появления и присутствия он заставляет взрослого считаться с ним как с предметным жизненным обстоятельством (в этом случае слово «агент» применимо к ребенку как к любому другому, неодушевленному или одушевленному, «действующему фактору»). Во-вторых, по мере физического, социального и психического созревания ребенок превращается в самостоятельного субъекта, который

собственными решениями и действиями активно вмешивается в жизнедеятельность взрослого, а значит, выступает для него жизненным партнером и со-субъектом жизни (в данном случае слово «агент» применимо к ребенку как «действующему лицу»). Как бы то ни было — и в качестве предметного обстоятельства, и в качестве активного субъекта — ребенок «агентивен» в отношении жизнедеятельности взрослого, т. е. существенно детерминирует ее процесс и результаты.

В современной психологии одно из направлений исследования места и роли ребенка в жизнедеятельности взрослого — анализ зависимости психологического благополучия взрослого от его родительского статуса и числа рожденных и воспитываемых детей. Это межотраслевое научное направление сформировалось на стыке психологии репродукции, психологии родительства, психологии всевозрастного развития и позитивной психологии. Оно возникло более 40 лет назад и по сей день не теряет своей актуальности. Во многом это обусловлено тем, что за многие десятилетия исследований ученым так и не удалось достичь консенсуса в понимании психологической феноменологии, механизмов и закономерностей влияния детей и родительской роли на различные компоненты (когнитивные, аффективные, мотивационные), уровни (субдоменные, доменные и глобальный) и виды (гедонистическое, эвдемоническое, экзистенциальное) психологического благополучия взрослых. Результаты отдельных теоретико-эмпирических исследований, а также систематических и метааналитических обзоров позволяют выделить очень немногочисленные генеральные закономерности. В большинстве случаев выявляются многовариантные, разнонаправленные и разнопорядковые эффекты влияния детей на психологическое благополучие взрослых (Gupta 2022; McLanahan, Adams 1989; Nelson et al. 2014; Nelson-Coffey, Stewart 2019; Nomaguchi, Milkie 2020; Umberson et al. 2010).

Критическая оценка методологии, теории, методики и результатов исследований в данной предметной области свидетельствует о том, что противоречивость эмпирических фактов и непоследовательность их теоретического объяснения вызваны недоучетом ключевого фактора, опосредующего (в качестве переменной-медиатора и переменной-модератора) влияние детей и родительского статуса взрослого на его психологическое благополучие. Таким принципиальным фактором, образующим центральное (связующее и передаточное) структурно-функциональное звено в психологическом механиз-

ме влияния детей на развитие, функционирование, благополучие и здоровье взрослых, служит личностный смысл ребенка (Карпинский 2024a; 2024b).

Психологическое благополучие взрослого: гедония, эвдемония, экзистенция

Чтобы прояснить взаимосвязь личностного смысла ребенка и психологического благополучия взрослого, необходимо ясно понимать природу и сущность, механизмы и закономерности самого благополучия. В самом общем понимании психологическое благополучие (well-being, flourishing, mental health) — это состояние, которое характеризуется позитивным самочувствием, оптимальным функционированием и прогрессивным развитием человека. Если обобщить представления, сложившиеся в различных научных подходах, концепциях и моделях, то *психологическое благополучие — это интегральное, длящееся и динамическое психическое состояние, которое возникает при условии удовлетворенности (или, по меньшей мере, потенциальной удовлетворимости) индивидуальных потребностей, реализованности (или, по крайней мере, потенциальной реализуемости) личностных ценностей, решенности (или, как минимум, потенциальной разрешимости) экзистенциальных дилемм человека.*

Интегральность как признак психологического благополучия означает, что его субъективная феноменология интегрирует широкий круг психических явлений когнитивной, аффективной и мотивационной природы, а также их поведенческих проявлений. Этот признак также означает, что в благополучии конвергируют разноуровневые и разнопорядковые психические явления, зарождающиеся и функционирующие в контексте различных сфер жизнедеятельности (профессиональной, брачно-семейной, досугово-рекреационной и т. д.) и многих частных видов деятельности человека. В конечном счете, психологическое благополучие является сложносоставным, разномодальным и многоуровневым феноменом.

Несмотря на собирательно-интегративный характер понятия «психологическое благополучие», в настоящее время его содержание и объем достаточно точно очерчены. В частности, достигнута высокая согласованность различных дефиниций в вопросе о составе и структуре психических явлений и поведенческих проявлений, которые выступают индикаторами благополучия (well-being) и неблагопо-

лучия (ill-being). Различные теории расходятся в составе конкретных компонентов («индикаторов», «ингредиентов», «маркеров») психологического благополучия, но едины в том, что это сложносоставной, многомерный феномен (Diener et al. 2018; Huppert, So 2013; Iasiello et al. 2024).

В аспекте постоянства — изменчивости во времени жизни психологическое благополучие относится к классу психических состояний, которые релевантны не дискретным, краткосрочным жизненным ситуациям, а продолжительным отрезкам жизненного пути и длительным периодам развития человека. Стабильность во времени не исключает ситуативных колебаний и сиюминутных флуктуаций данного состояния, но, как показывают результаты исследований, психологическое благополучие колеблется вокруг индивидуально определенного базового уровня, к которому возвращается и на котором стабилизируется после тех или иных отклонений. Эту особенность специально акцентируют две теории — set-point theory, или концепция базового уровня счастья (Fujita, Diener 2005) и dynamic equilibrium theory, или концепция динамического равновесия (Headey, Wearing 1989).

Динамичность психологического благополучия является следствием того, что данное состояние отражает непрерывную динамику реальных жизненных отношений человека с действительностью, а именно изменчивую меру соответствия его внутренних потребностей (потребностей и ценностей) объективным возможностям и способностям их осуществления. Общая для всех научно-психологических подходов идея состоит в том, что благополучие обусловлено прогрессом (успехом) реализации личностно значимых интенций (побуждений и стремлений) человека, в то время как благополучие есть следствие их нереализованности или нереализуемости, т. е. невозможности или неспособности их реализовать (Карпинский 2016; Леонтьев, Сучков 2015; Klug, Maier 2015; Ng et al. 2012). Например, Э. Деси и Р. Райан по этому поводу отмечают следующее: «Удовлетворение потребностей приводит к психологическому благополучию, тогда как неудовлетворенность связана с дефицитом благополучия» (Deci, Ryan 2000, 233). С этой точки зрения, психологическое благополучие в целом и отдельные его проявления выступают как побочные «продукты» и непреднамеренные следствия успешного осуществления каких-либо внутренних потребностей и личностно значимых интенций человека во взаимодействии с окружающим миром.

Ввиду полимотивации (разнородности движущих интенций) индивидуальной жизнедеятельности человека его психологическое благополучие — неблагополучие также приобретает внутреннюю неоднородность. Целесообразно выделять, как минимум, три вида психологического благополучия: гедонистическое, эвдемоническое и экзистенциальное, — а за критерий их различия принять разнокачественные источники человеческой мотивации. При таком подходе гедонистическое благополучие — это состояние, отражающее степень удовлетворенности или принципиальной удовлетворимости индивидуальных потребностей; эвдемоническое благополучие — это состояние, сигнализирующее о степени реализованности или принципиальной реализуемости личностных ценностей; экзистенциальное благополучие — это состояние, извещающее о степени решенности или принципиальной решаемости экзистенциальных дилемм человека. В данном случае индивидуальные потребности, личностные ценности и экзистенциальные дилеммы служат разнородными основаниями для качественно различных видов психологического благополучия — гедонии, эвдемонии и экзистенции.

Из сказанного следует, что для описания феноменологии, объяснения механизмов и закономерностей влияния детей на психологическое благополучие взрослых необходимо раскрыть объективную зависимость от ребенка потребностей, ценностей, мотивов, целей, задач и других личностно значимых интенций взрослого. Эта зависимость и есть то объективное отношение, которое субъективно отражается в личностном смысле ребенка для взрослого. Личностный смысл в этой связи оказывается ключом к пониманию тех эффектов, которые ребенок оказывает на психологическое благополучие взрослого.

Личностный смысл ребенка: сущность и понятие

Поставленная научно-практическая проблема получила систематическую теоретическую, психометрическую и эмпирическую проработку в концепции личностного смысла ребенка (Карпинский 2023). Эта концепция позволяет устранить некоторые пробелы и разрешить ряд противоречий в научных представлениях о месте и роли детей в психическом развитии и функционировании взрослых, в том числе в представлениях об их влиянии на психологическое благополучие.

С позиций названной концепции личностный смысл ребенка, как и всякое личностно-смысловое образование человеческой психики, выполняет специфические функции: отражательную и регуляторную. В аспекте первой функции личностный смысл выступает как психическое отражение объективного места и роли ребенка в контексте жизнедеятельности взрослого, а точнее — объективных отношений, в которых ребенок находится в процессе и результате реализации личностно значимых интенций взрослого. В аспекте второй функции личностный смысл выступает психическим регулятором общения, познавательного и практического взаимодействия взрослого с ребенком. Конкретно он обеспечивает мотивационно-смысловую регуляцию всевозможных видов активности взрослого: познавательной (например, социальной перцепции ребенка), коммуникативной (например, формально-делового и межличностного общения с ребенком) и предметно-практической (например, бытовой уход, обучение и лечение ребенка) — в самых разных сферах и ситуациях жизни, в которых взрослый сталкивается с детьми.

Личностный смысл ребенка — это, прежде всего, субъективное понимание и переживание объективных детерминационных (причинно-следственных и целесредственных) отношений между реализацией личностно значимых интенций взрослого и ребенком как актуальным (уже фактически существующим) или потенциальным (еще только планируемым и прогнозируемым) жизненным обстоятельством. Личностный смысл в субъективно превращенной форме отражает объективное место и роль ребенка в контексте индивидуальной жизнедеятельности взрослого. Другими словами, объективное значение ребенка заключается в удовлетворении потребностей, воплощении ценностей, осуществлении мотивов, достижении целей и решении задач взрослого. Тем самым взрослый фиксирует функциональную значимость ребенка как объективного жизненного обстоятельства, от которого зависит процесс и результаты, ход и исход жизнедеятельности взрослого. Объективным основанием для личностного смысла служит жизненное отношение между взрослым как субъектом жизни и ребенком как условием жизни. Сущность данного отношения заключается в том, что ребенок своим пассивным присутствием и/или активной деятельностью значительно обуславливает продуктивность (успешность) реализации жизненного замысла взрослого (смысл жизни, а также производные от него жизненные цели, планы

и программы). В связи с этим личностный смысл выступает как «содержание» субъективного (пристрастно-оценочного) отношения к ребенку или внутренней (личностной) позиции взрослого в отношении ребенка.

Личностный смысл также можно определить как *индивидуализированное и контекстуализированное значение ребенка для взрослого*. Любой личностный смысл характеризуется тремя атрибутивными признаками: *предметностью* (это всегда смысл чего-то, т. е. определенного объекта), *субъектностью* (это всегда смысл для кого-то, т. е. для определенного субъекта) и *контекстуальностью* (это всегда смысл в определенном контексте, т. е. в конкретных пространственно-временных условиях взаимодействия субъекта с объектом). Своеобразие объекта, субъекта и контекста смыслообразования детерминирует психологическую сущность личностного смысла как индивидуализированного и контекстуализированного значения.

В случае осмысления взрослым ребенка психологическая характеристика личностного смысла определяется несколькими факторами. Во-первых, индивидуальность взрослого, присущие ему личностные побуждения и стремления (потребности, ценности, мотивы, цели и задачи) служат источниками смыслообразования. Во-вторых, характеристика личностного смысла определяется уникальностью ребенка, в первую очередь, совокупностью свойственных ему физических, социальных и психологических особенностей. В-третьих, важную роль играет неповторимость жизненного контекста, в котором разворачивается взаимодействие взрослого с ребенком, в том числе совершается акт смыслообразования. Личностный смысл ребенка формируется как его персонализированное значение для взрослого, которое существенно индивидуализировано (с учетом индивидуальных особенностей ребенка как объекта и взрослого как субъекта осмысления) и контекстуализировано (с учетом неповторимой жизненной ситуации, в которой «встречаются» взрослый и ребенок). В итоге, в личностном смысле в субъективно преломленном и превращенном виде запечатлены существенные особенности взрослого как субъекта жизни, ребенка как жизненного обстоятельства и жизненной ситуации как комплекса разноуровневых (макро- и микро-) условий, в котором протекает реальное или идеаторное взаимодействие «взрослый — ребенок».

Личностный смысл регулирует межличностное познание, общение и обращение взрослого с ребенком во всех жизненных доменах и ситуа-

циях, где ребенок представляет важный элемент структуры или значимое условие деятельности взрослого. Дети могут занимать различное место в структуре и контексте взрослой деятельности: совпадать с ее мотивом, составлять конечный предмет и основной результат, служить промежуточной целью или задачей, использоваться в качестве вспомогательного средства или способа, фигурировать в качестве внешнего сопутствующего (благоприятного или неблагоприятного) условия, а также быть со-субъектом деятельности взрослого. Объективная включенность ребенка во внутреннюю структуру и/или его причастность как внешнего условия к процессу и результату деятельности взрослого приводит к тому, что к психической регуляции данной деятельности подключается личностный смысл ребенка. При этом важно учитывать, что личностный смысл ребенка является феноменом смысловой природы, который отвечает за мотивационную (побудительную) регуляцию. В зависимости от своих психологических свойств — топологии, интенсивности и модальности — личностный смысл ребенка способен обеспечивать внутреннюю или внешнюю мотивацию, а также амотивацию либо демотивацию деятельности взрослого. Сообразно личностному смыслу ребенка формируется сила побуждения (в зависимости от топологических и интенсивностных свойств этого смысла) и вектор направленности (в зависимости от модальностных свойств этого смысла) данной деятельности.

Существуют особые виды поведения и деятельности взрослых, в которых дети являются непосредственным объектом и/или основным продуктом деятельности, а цель заключается в их рождении и социализации (обучении и воспитании), а также в лечении, социально-правовой защите, психологической поддержке и создании прочих условий для их полноценного и всестороннего развития. К видам произвольной активности взрослых, имеющим подобную «детоцентрическую» ориентацию, относятся репродуктивное (прокреационное) и родительское (социализационное) поведение, а также различные профессии и специальности педономического труда (воспитатель, учитель, педиатр, детский психолог и т. д.). В таких доменах взрослой жизни, как репродукция, родительство и педономическая профессия, личностный смысл ребенка для взрослого приобретает наивысшую функциональную значимость. Он выполняет функцию ведущего регулятора (мотиватора / амотиватора / демотиватора) деятельности и, следовательно, служит ключевой детерминантой

психологического благополучия — благополучия взрослого. Другими словами, отношение к конкретному ребенку и детям вообще в наибольшей степени обуславливает продуктивность развития и успешность функционирования, психологическое благополучие и здоровье взрослого в качестве субъекта репродукции, родительства и профессиональной педономической деятельности.

Следует подчеркнуть, что регулирующая функция личностного смысла ребенка распространяется не только на специальные виды поведения и деятельности взрослых, непосредственным объектом и главным продуктом которых являются дети. Вполне естественно, что в мотивационной регуляции таких видов поведения и деятельности роль личностного смысла ребенка особенно заметна, так как ребенок, как правило, входит во внутреннюю структуру деятельности, приобретая для взрослого личностный смысл самостоятельной ценности, конечного мотива, промежуточной цели или задачи. Вместе с тем существует необозримо широкий круг деятельностей взрослого, в которых ребенок выступает внешним сопутствующим условием, объективно способствуя (содействуя) или препятствуя (противодействуя) реализации собственных мотивов, целей и задач этих деятельностей. В этом случае личностный смысл ребенка не является узловым фактором мотивации, но его регулирующая функция простирается на каждую такую деятельность в жизни взрослого.

Таким образом, личностный смысл ребенка для взрослого — это, во-первых, специфическая форма психического отражения объективных детерминационных (каузальных и телеологических) связей ребенка как актуального или потенциального жизненного обстоятельства с процессом и результатами реализации личностно значимых интенций (побуждений и стремлений) взрослого; во-вторых, специфическая форма мотивационно-смысловой регуляции межличностного познания, общения и взаимодействия взрослого с ребенком в разных сферах и ситуациях жизнедеятельности, в особенности в русле тех видов поведения и деятельности взрослого, непосредственным объектом которых выступают дети.

Психологическая типология личностного смысла ребенка

Несмотря на то что личностный смысл является индивидуализированным «для-меня-значением», все богатство и многообразие лич-

ностных смыслов детей для взрослых поддается упорядочиванию в формах научно-психологических классификаций и типологии. Такой сущностный признак, как индивидуализация, относится преимущественно к содержанию (семантике) личностного смысла, хотя у него имеется ряд формальных психологических свойств (топологических, интенсивностных, модальностных, темпоральных и т. д.). Эти свойства также предполагают широкую индивидуальную изменчивость и межиндивидуальную вариативность личностного смысла, но при этом допускают выделение его типологических инвариантов. Если в содержательном аспекте личностный смысл определенного ребенка для конкретного взрослого всегда единичен (индивидуален), то в аспекте формальных свойств он несет в себе особенные и всеобщие черты смыслового отношения взрослых к детям (типичен).

В разрабатываемой нами психологической концепции в качестве критериев классификации и типологизации личностного смысла ребенка для взрослого приняты такие функционально значимые свойства:

- *топологический критерий* — место ребенка в психологической структуре отдельной деятельности / целостной жизнедеятельности взрослого, на основании чего подразделяются *терминальный смысл* (ребенок как конечный мотив деятельности / предельная ценность жизнедеятельности взрослого) и *прагматический смысл* (ребенок как сопутствующее обстоятельство, обуславливающее процессуальную и результативную сторону деятельности / жизнедеятельности взрослого);
- *модальностный критерий* — направленность влияния ребенка на отдельную деятельность / целостную жизнедеятельность взрослого, на основании чего подразделяются *позитивный смысл* (ребенок выступает положительным мотивом / ценностью или обстоятельством, сопутствующим успеху деятельности / жизнедеятельности взрослого) и *негативный смысл* (ребенок выступает отрицательным мотивом / антиценностью или обстоятельством, сопутствующим неудаче деятельности / жизнедеятельности взрослого).

На пересечении топологического и модальностного критериев дифференцируются четыре психологических типа личностного смысла ребенка для взрослого: 1) позитивный терминальный (*ценностный*) смысл; 2) позитивный прагматический (*инструментальный*) смысл; 3) негативный прагматический (*преградный*)

смысла; 4) негативный терминальный (*антиценностный*) смысл (Карпинский 2023).

Выделенные типы личностного смысла существенно различаются в функциональном аспекте, т. е. при разных типах осмысления ребенок не только занимает различное место в структуре индивидуальной жизнедеятельности, но и выполняет разнотипные функции в личностном развитии и функционировании взрослого. Каждый психологический тип личностного смысла отражает особое место ребенка в жизнедеятельности взрослого, а, значит, и специфические функции, которые он выполняет в отношении его психологического благополучия. Тем самым личностный смысл — это понимание и переживание субъективной значимости («значения для меня»), которое определяется объективной функциональной значимостью ребенка в жизнедеятельности взрослого.

Полифункциональность ребенка в жизнедеятельности взрослого

Ребенок в контексте жизнедеятельности взрослого — это многофункциональное жизненное обстоятельство. Психологический тип личностного смысла ребенка сигнализирует о выполняемых им разнотипных функциях в процессах личностного развития и функционирования взрослого как субъекта отдельных видов деятельности и субъекта жизни в целом.

Позитивный терминальный смысл указывает на то, что ребенок выступает в качестве высшей личностной ценности, венчающей мотивационную иерархию взрослого. Ввиду приобретения такого смысла на ребенка «ложатся» специфические функции, выполняемые личностными ценностями в человеческой деятельности и жизнедеятельности. К уникальным функциям ценностной регуляции, которые «принимает» на себя ребенок в жизнедеятельности взрослого, относятся:

- *смыслообразующая функция* (ребенок и родительство как источники смысла и осмысленности жизни);
- *субординационная функция* (ребенок как ведущий жизненный ориентир, ключевой ценностный приоритет и главный смысловой аргумент в процессах жизненного выбора и принятия жизненных решений);
- *развивающая функция* (деторождение и родительство как генеральные задачи личностного развития);
- *идентификационная функция* (ребенок и родительство как «идентификаторы» взрослости и зрелости — основания со-

циальной и личностной идентичности, а также личностной автономии);

- *гедонистическая функция* (ребенок и родительство как «генераторы» позитивного аффекта, субъективные стандарты «хорошей жизни», основания удовлетворенности жизнью и счастья);
- *эвдемоническая функция* (ребенок и родительство как субъективные критерии жизненной продуктивности, самореализации и жизненного успеха, источники жизненных притязаний, предпосылки самоуважения и самоэффективности);
- *функции персонализации и самотрансценденции* (ребенок и родительство как условия личностного «инобытия», символического бессмертия и совладания с танатической тревогой).

Совершенно очевидно, что при таком типе личностного смысла ребенок оказывает комплексное воздействие не только на гедонистическое и эвдемоническое, но и на экзистенциальное благополучие взрослого (избавляя его от бессмысленности, несвободы, одиночества, страха смерти). Также следует отметить, что в данном случае индивидуальный смысл жизни опредмечивается в ребенке и ассоциируется с ним, поэтому на последнего дополнительно переходит целый комплекс эксклюзивных функций, присущих смыслу жизни как регулятору индивидуальной жизнедеятельности и личностного развития взрослого. Многие функции смысло-жизненной регуляции, в частности, *защитная (антистрессорная), эмансипирующая (волевая), оценочная* и т. д., обеспечивают существенные преимущества для гедонистического, эвдемонического и экзистенциального благополучия взрослого (Карпинский 2019).

Позитивный прагматический смысл свидетельствует о том, что ребенок выполняет важные *инструментальные и ресурсные функции* в жизнедеятельности взрослого: он выступает как условие, способствующее полноценному удовлетворению некоторых потребностей и продуктивной реализации определенных ценностей взрослого. Однако данная функция ребенка не ограничивается «технической» ролью инструмента, средства или способа осуществления личностно значимых побуждений и стремлений взрослого. С определенного возраста ребенок фигурирует в жизнедеятельности взрослого в качестве уже не столько пассивного условия, сколько активного со-субъекта (партнера, помощника, соратника и т. д.), который собственными решениями и поступками оказывает разностороннюю социальную

поддержку взрослому, чем содействует его жизненному успеху и процветанию.

Негативный прагматический смысл говорит о том, что ребенок в жизнедеятельности взрослого выполняет *преградные и барьерные функции*. Это значит, что уже самим фактом своего существования он осложняет и затрудняет процессы удовлетворения индивидуальных потребностей и воплощения личностных ценностей взрослого. По мере становления индивидуальной субъектности ребенок приобретает способность не просто «вещно» препятствовать, но и «агентивно» противодействовать взрослому в ситуациях взаимодействия, где наличествует противоречие их потребностей и конфликт их ценностей. Тем самым в качестве пассивного жизненного обстоятельства и/или активного субъекта собственной жизни ребенок становится помехой для адаптации и самореализации взрослого, чем снижает его гедонистическое, эвдемоническое и экзистенциальное благополучие.

Наконец, *негативный терминальный смысл* означает, что ребенок является жизненным обстоятельством, принципиально несовместимым с удовлетворением базовых потребностей и реализацией высших ценностей взрослого. В этом случае наличие или появление детей создает критическую или даже экстремальную жизненную ситуацию — ситуацию невозможности нормальной жизни, которая предполагает полноценное удовлетворение потребностей, интенсивное саморазвитие и продуктивную реализацию ценностей. При таком типе личностного смысла ребенок представляет антиценность для взрослого — доминирующий отрицательный мотив, побуждающий избегать, сторониться детей и дистанцироваться от всяческих взаимодействий с ними, начиная от их рождения и воспитания и заканчивая выбором профессии, мест проживания и отдыха, круга бытового, делового и личного общения, при котором исключены контакты с детьми. Будучи антиценностью, ребенок выполняет те же самые функции в жизнедеятельности взрослого, как и при ценностном отношении к нему, но делает это по принципу «от противного»: уже не наличие, а отсутствие детей составляет субъективный стандарт «хорошей жизни», критерий жизненного успеха, условие самореализации, кардинальную задачу личностного развития взрослого и т. д.

Резюмируя, можно утверждать, что разные типы личностного смысла раскрывают разнонаправленные влияния ребенка на три основных вида психологического благополучия взрослого: гедоническое, эвдемоническое и экзистенциальное. При позитивном терминальном смысле ребенок в силу своей многофункциональности

в жизни взрослого оказывает комплексное и преимущественно позитивное воздействие на все виды благополучия. При позитивном прагматическом смысле, помогая удовлетворению потребностей и реализации ценностей взрослого, ребенок благоприятствует гедонии и эвдемонии. При негативном прагматическом смысле ребенок, наоборот, мешает удовлетворению потребностей и реализации ценностей, тем самым угрожает гедонии и эвдемонии взрослого. В случае негативного терминального смысла ребенок оказывается абсолютно лишним обстоятельством, которое, исходя из объективно сложившейся структуры жизнедеятельности, мотивационной иерархии и ценностных приоритетов взрослого, подтачивает сразу все разновидности психологического благополучия.

Необходимо подчеркнуть, что с учетом полимотивации индивидуальной жизнедеятельности — множественности смыслообразующих потребностей, мотивов и ценностей, в реальности имеет место *полиосмысленность* ребенка для конкретного взрослого. Это значит, что взрослый выступает носителем одновременно нескольких типов смыслового отношения, а ребенок в механизмах его психологического благополучия осуществляет разнотипные функции и в целом оказывается *полифункциональным* жизненным обстоятельством. К примеру, он может составлять самодостаточную жизненную ценность (позитивный терминальный смысл) и при этом же выступать инструментом для продвижения одних и преградой для воплощения других жизненных ценностей взрослого (позитивный и негативный прагматический смысл). Взрослые в подавляющем большинстве обладают не одним «чистым» типом, а *смешанным* (терминально-прагматическим) по топологии и *конфликтным* (позитивно-негативным) по модальности личностного смысла ребенка. Отсюда следует, что один и тот же ребенок обуславливает психологическое благополучие того же самого взрослого вариативными способами и разнонаправленными путями, т. е. какие-то проявления благополучия стимулирует и усиливает, в то время как другие проявления благополучия угнетает и ослабляет.

Принцип деятельностного опосредования личностного смысла ребенка и психологического благополучия взрослого

Важно понимать, что главным фактором психологического благополучия — неблагополучия взрослого является не сам ребенок и даже не его личностный смысл как таковой,

а объективная возможность и реальная способность выстраивать индивидуальную жизнедеятельность сообразно этому личностному смыслу. Общая психологическая закономерность заключается в том, что *наибольшего благополучия взрослый достигает тогда, когда объективные условия жизни позволяют ему действовать в отношении ребенка / детей в соответствии с его / их личностным смыслом для него*. Поэтому детерминация психологического благополучия взрослого со стороны ребенка и родительства подчиняется хорошо известной общей закономерности — *принципу деятельностного опосредования* (Асмолов и др. 1979; Леонтьев 1999).

Так, позитивный терминальный смысл ребенка оправдывает себя при условии, что взрослый имеет реальные возможности родить детей, растить и воспитывать их, посвятить им всю свою жизнь, в том числе связать собственную профессиональную карьеру с заботой о детском благе. Когда он сталкивается с непреодолимыми трудностями и ограничениями в рождении, адаптации, воспитании и т. д. детей, то позитивный терминальный смысл оборачивается для него фактором психологического неблагополучия (в этом плане весьма показательны результаты исследований психологического неблагополучия инфертильных взрослых, характеризующихся ценностным отношением к детям (Карпинский 2024с).

При негативном терминальном смысле ребенка аналогичная жизненная ситуация — отсутствие детей и невозможность их иметь — служит для взрослого поводом уже не для дистресса, недовольства жизнью и собой, смысловозниженного кризиса и прочих проявлений неблагополучия, а, напротив, для счастья и процветания.

Если же, например, ребенок имеет негативный прагматический смысл, то для достижения и сохранения психологического благополучия требуются специальные усилия, направленные на купирование, нейтрализацию или компенсацию преградных воздействий ребенка на удовлетворение потребностей и реализацию ценностей — словом, на процесс и результаты жизнедеятельности взрослого. Обычно такие специальные меры и усилия выражаются в четком структурировании пространства и времени жизни (чтобы изолировать ребенка от ключевых сфер самореализации) и/или в отчуждении части родительских функций и передачи обязанностей другим людям (супругу, родственникам, наемному персоналу, образовательным учреждениям и педагогическим работникам и т. д.).

Изложенное позволяет заключить, что решающим фактором психологического благополучия выступает не столько личностный смысл ребенка *per se*, сколько объективная возможность и способность взрослого следовать этому смыслу в своей повседневной жизнедеятельности. В этой связи методологическое положение о деятельностном опосредовании смысловых образований личности выступает важным объяснительным принципом в отношении психологических механизмов и закономерностей влияния детей на благополучие взрослых.

Личностный смысл как имплицитное знание и субъективная правда о влиянии ребенка на благополучие взрослого

За каждым эмпирически выделяемым позитивным и негативным смыслом ребенка скрывается определенная функция детей в отношении психологического благополучия — неблагополучия взрослых. Примечательно, что многие личностные смыслы, которые вычерпываются из обыденного сознания испытуемых, отражают те же эффекты детей и родительства, которые обоснованы и подтверждены научно-психологическими исследованиями.

Например, позитивный смысл ребенка в контексте реализации ценностей «общение», «дружба» или «наличие хороших и верных друзей» указывает на то, что дети выполняют коммуникативную и аффилиативную функции в жизни взрослого, а также функцию социальной поддержки. Этот личностный смысл, как и многие другие, в полной мере верифицируется строгими научными данными, в частности, результатами исследований роли коммуникации с детьми и социальной поддержки со стороны детей в обеспечении различных компонентов психологического благополучия взрослых, в особенности, стареющих родителей (осмысленности жизни, удовлетворенности жизнью, социальной вовлеченности и т. д.) (Grundström et al. 2024).

В целом же репертуар эмпирически выявляемых смыслов ребенка по широте явно превосходит число фактически познанных психологической наукой закономерностей взаимосвязи и зависимости благополучия взрослого от детей и родительской роли. Значит ли это, что некоторые из личностных смыслов, которые очевидны для обыденного сознания, но еще надлежащим образом не изучены наукой, являются субъективными иллюзиями взрослых?

На наш взгляд, абсолютно не значит. Личностные смыслы отражают не выдуманные,

воображаемые или кажущиеся, а объективно существующие зависимости взрослого от ребенка. Это не просто знаемые и декларируемые, а функционально-действенные значения, которые действительно управляют познанием, переживанием и поведением взрослых по поводу детей. В повседневной жизни они составляют реальные регулятивы и субъективную правду каждого взрослого, которая в такой науке, как психология, должна приниматься за объективную истину. Когда отдельный взрослый или целая выборка взрослых субъективно переживает и вербализует какой-то содержательно определенный смысл ребенка, то вопрос заключается скорее в том, требуется ли дополнительное удостоверение, верификация этого смысла объективно-отстраненными методами психологического познания. Если взрослые, к примеру, сообщают о преградном (негативном прагматическом) смысле ребенка в отношении ценности «здоровье», то необходимы ли специальные исследования, доказывающие взаимосвязь объективного ухудшения физического и ментального здоровья взрослых с переходом из бездетного состояния в родительский статус?

Здесь также уместно вспомнить о соотношении и путях взаимодействия житейского (имплицитного) и научного (эксплицитного) знания в психологической науке. В этой дихотомии эмпирически зарегистрированные личностные смыслы ребенка, извлекаемые из обыденного сознания взрослого, принадлежат к житейскому, имплицитному знанию, и в этой связи выполняют две важные функции во взаимодействии с научным, эксплицитным знанием. Личностный смысл ребенка для взрослого является, во-первых, эмпирическим критерием истинности предположений и положений психологической науки о влиянии детей на благополучие взрослых; во-вторых, личностные смыслы, которые пока не имеют референтных теорий, концепций и положений в системе научных знаний, служат источниками новых эвристических гипотез для будущих исследований психологов.

Существующие в психологии и смежных науках теории, концепции и модели даже близко не передают того разнообразия функций детей в жизнедеятельности взрослых, которое удастся установить при эмпирическом анализе личностного смысла (а точнее — личностных смыслов) ребенка. В то время как научная теория пытается вскрыть механизмы и закономерности влияния детей на благополучие взрослых извне (с объективной и отстраненной точки

зрения внешнего наблюдателя), эмпирическое изучение личностного смысла ребенка высвечивает эти механизмы и закономерности изнутри (с субъективной и включенной позиции самого взрослого, претерпевающего данное влияние лично на себе). Поэтому эмпирически выявляемый репертуар личностных смыслов детей для взрослых оказывается шире и богаче любых теоретических построений и объяснений.

Например, в своем метаанализе Дж. Твенге с коллегами предлагают четыре модели, проясняющие возможные механизмы негативного влияния детей и родительской роли на субъективную удовлетворенность браком: модель ролевого конфликта (между родительство и карьерой), модель ограничения свободы, модель сексуальной неудовлетворенности супругов и модель финансовых затрат (Twenge et al. 2003). Если задаться целью верификации этих моделей в русле концепции личностного смысла ребенка, то потребуются оценить его преградный (негативный прагматический) смысл в соотношении с такими смыслообразующими ценностями взрослых, как «карьера», «свобода», «секс» и «богатство» соответственно. Однако на этих четырех ценностях спектр смыслообразующих побуждений и стремлений взрослых (а значит, и репертуар возможных преградных смыслов ребенка) отнюдь не заканчивается, ввиду чего любой иной эмпирически зафиксированный смысл мог бы стать основой для других объяснительных моделей на уровне теории.

Таким образом, репертуар эмпирически выявляемых личностных смыслов ребенка для взрослого выступает своеобразной «дорожной картой», по которой могут развиваться дальнейшие научно-психологические исследования механизмов и закономерностей влияния детей и родительства на психологическое благополучие взрослых.

Закономерности взаимосвязи личностного смысла ребенка и психологического благополучия взрослого

Личностный смысл ребенка, будучи индикатором его объективного отношения к потребностям, ценностям и иным личностно значимым интенциям взрослого, закономерно выступает эмпирическим коррелятом, предиктором и фактором всевозможных показателей психологического благополучия взрослого.

В наших эмпирических исследованиях последних лет различные проявления психологического благополучия взрослого систематически сопрягались с личностным смыслом ребенка для него. Этими исследованиями охвачены разнородные выборки взрослых: *родительские* (люди, родившие и воспитывающие детей), *клинические* (пациенты репродуктологического профиля), *профессиональные* (специалисты профессионального педономического труда — воспитатели, педагоги, педиатры, детские психологи).

Личностный смысл ребенка во всех исследованиях данного цикла диагностировался единообразно: позитивный терминальный смысл — смыслометрическим психобиографическим анализом ребенка либо «Шкалой ценностного отношения к детям»; позитивный и негативный прагматический смысл — смыслометрическим психобиографическим анализом ребенка (Карпинский 2023; 2024d).

Психологическое благополучие — благополучие взрослых, воспитывающих детей, оценивалось по диагностическим показателям следующих методик: на глобальном уровне — «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера (SWLS) и «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски (SHS) в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина (Осин, Леонтьев 2020), а также «Краткий опросник смысложизненного кризиса» (ОСЖК-К) (Карпинский 2019); в домене родительства — одиночный баллированный вопрос о родительской удовлетворенности детьми; «Шкала позитивного и негативного аффекта» (ШПАНА) с авторской контекстуализацией для домена родительства (Осин 2012); «Шкала родительского стресса» (PSS) в адаптации А. А. Бочавер и соавторов (Бочавер и др. 2024); «Опросник родительского выгорания» (ОРВ) И. Н. Ефимовой (Ефимова 2013); «Опросник родительского самоотношения» К. В. Карпинского; субшкала «Интернальность в сфере семейных отношений» из опросника «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда (Бажин и др. 1984); «Диагностика переживаний в деятельности» (ДПД) Д. А. Леонтьева с авторской контекстуализацией для домена родительства (Осин, Леонтьев 2017). Психологическое благополучие — благополучие взрослых, проходящих лечение от бесплодия, в домене репродукции определялось по показателю переживания кризиса infertility (как доменной разновидности смысложизненного кризиса) методики «Шкала совладания с бесплодием»

К. В. Карпинского, А. В. Салминой и С. Л. Бойко (Карпинский 2023; Салмина и др. 2024). Психологическое благополучие — благополучие работников педономического труда в домене профессиональной деятельности оценивалось на основе показателей следующих методик: «Шкала удовлетворенности карьерой» К. В. Карпинского и Т. В. Гижук (Карпинский, Гижук 2017); «Опросник переживаний в профессиональной деятельности» Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева (Осин, Леонтьев 2017), «Утрехтская шкала увлеченности работой» (UWES) В. Шауфели в адаптации Д. А. Кутузовой (Кутузова 2006).

Корреляции разнотипных личностных смыслов ребенка со всевозможными показателями психологического благополучия — благополучия взрослых представлены в сводной таблице.

В представленных результатах корреляционного анализа прочитываются общие закономерности, связывающие личностный смысл ребенка с показателями психологического благополучия — благополучия взрослых на глобальном уровне и в различных сферах жизни. Все наблюдаемые корреляции между личностным смыслом и проявлениями психологического благополучия — благополучия опосредованы реальными функциями, которые ребенок выполняет в жизнедеятельности взрослого. Личностный смысл выступает психологическим индикатором, а благополучие — благополучие — психологическим следствием того объективного влияния, которое ребенок производит на жизнь взрослого. Закономерно, что личностный смысл ребенка коррелирует с проявлениями психологического благополучия — благополучия взрослого. Примечательно, что позитивный терминальный и прагматический смыслы ребенка напрямую коррелируют с показателями благополучия и отрицательно коррелируют с показателями благополучия взрослого: чем более выражены эти типы смысла, тем выше благополучие взрослого. Прямо противоположным образом с показателями психологического благополучия и благополучия коррелирует негативный прагматический смысл ребенка: чем выше выраженность данного смысла, тем менее благополучен взрослый. Выявленные паттерны корреляционных связей подтверждают теоретические представления о функциях детей в жизнедеятельности взрослых, а также о механизмах и закономерностях влияния детей на психологическое благополучие взрослых.

Табл. Корреляции типов личностного смысла ребенка с показателями психологического благополучия взрослых

Показатели психологического благополучия — неблагополучия	Психологические типы личностного смысла ребенка		
	Позитивный терминальный (ценностный)	Позитивный прагматический (инструментальный)	Негативный прагматический (преградный)
<i>Родительские выборки (люди, воспитывающие малолетних и несовершеннолетних детей)</i>			
Удовлетворенность жизнью (SWLS, N = 903)	0,47***	0,19***	-0,18***
Субъективное счастье (SHS, N = 903)	0,37***	0,20***	-0,19***
Десубъективизация (ОСЖК-К, N = 101)	-0,28**	-0,26*	0,31**
Дезинтеграция (ОСЖК-К, N = 101)	-0,30**	-0,18	0,21*
Смысловая дизрегуляция (ОСЖК-К, N = 101)	-0,45***	-0,23*	0,28**
Смыслжизненный кризис (ОСЖК-К, N = 101)	-0,43***	-0,24*	0,29**
Родительская удовлетворенность (N = 903)	0,30***	0,27***	-0,20***
Позитивный родительский аффект (ШПАНА, N = 903)	0,31***	0,23***	-0,07
Негативный родительский аффект (ШПАНА, N = 903)	-0,20***	-0,05	0,22***
Переживание удовольствия (ОПД, N = 450)	0,33***	0,28***	-0,31***
Переживание смысла (ОПД, N = 450)	0,28***	0,24***	-0,23***
Переживание усилия (ОПД, N = 450)	-0,08	-0,01	0,04
Переживание пустоты (ОПД, N = 450)	-0,21**	-0,21**	0,07
Родительский стресс (PSS, N = 279)	-0,17**	-0,25***	0,29***
Родительская удовлетворенность (PSS, N = 279)	0,18**	0,18**	-0,22***
Эмоциональное истощение (ОРВ, N = 90)	-0,44***	-0,35***	0,37***
Деперсонализация (ОРВ, N = 90)	-0,07	-0,15	0,15
Редукция родительских достижений (ОРВ, N = 90)	0,16	0,40***	-0,39***
Родительское самоотношение (N = 142)	0,32***	0,40***	-0,38***
Родительская интернальность (УСК, N = 142)	0,28***	0,30***	-0,29***
<i>Клиническая выборка (пациенты с диагностированным бесплодием, N = 165)</i>			
Кризис фертильности	0,62***	0,13	-0,09
<i>Профессиональная выборка (специалисты педономического труда, N = 240)</i>			
Удовлетворенность карьерой	0,39***	0,40***	-0,46***
Энергичность	0,30***	0,33***	-0,35***
Энтузиазм	0,18**	0,18**	-0,25***
Поглощенность деятельностью	0,22***	0,22***	-0,27***
Переживание удовольствия	0,31***	0,21***	-0,32***
Переживание смысла	0,23***	0,21***	-0,36***
Переживание усилия	-0,26***	-0,23***	0,31***
Переживание пустоты	-0,29***	-0,24***	0,35***

Примечание: * — $p \leq 0,05$, ** — $p \leq 0,01$, *** — $p \leq 0,001$ при заданном объеме выборки (N).

Table. Correlations between types of personal meaning of a child and indicators of adult psychological well-being

Indicators of psychological well-being	Types of personal meaning of a child		
	Positive terminal meaning (child as a value)	Positive pragmatic meaning (child as an instrument)	Negative pragmatic meaning (child as a barrier)
<i>Parents (N = 1965)</i>			
Satisfaction with Life (SWLS, N = 903)	0.47***	0.19***	-0.18***
Subjective Happiness (SHS, N = 903)	0.37***	0.20***	-0.19***
Agentlessness (Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, N = 101)	-0.28**	-0.26*	0.31**
Disintegration (Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, N = 101)	-0.30**	-0.18	0.21*
Disregulation (Meaning of Life Crisis Questionnaire, N = 101)	-0.45***	-0.23*	0.28**
Total Meaninglessness (Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, N = 101)	-0.43***	-0.24*	0.29**
Parental satisfaction and pride (with children), (N = 903)	0.30***	0.27***	-0.20***
Positive parental affect (PANAS contextualized, N = 903)	0.31***	0.23***	-0.07
Negative parental affect (PANAS contextualized, N = 903)	-0.20***	-0.05	0.22***
Pleasure (N = 450)	0.33***	0.28***	-0.31***
Meaning (N = 450)	0.28***	0.24***	-0.23***
Effort (N = 450)	-0.08	-0.01	0.04
Emptiness (N = 450)	-0.21**	-0.21**	0.07
Parental stress (PSS, N = 279)	-0.17**	-0.25***	0.29***
Parental satisfaction (PSS, N = 279)	0.18**	0.18**	-0.22***
Emotional exhaustion (Parental Burnout Scale, N = 90)	-0.44***	-0.35***	0.37***
Depersonalization (Parental Burnout Scale, N = 90)	-0.07	-0.15	0.15
Reduction of parental achievements (Parental Burnout Scale, N = 90)	0.16	0.40***	-0.39***
Parental Self-Esteem (N = 142)	0.32***	0.40***	-0.38***
Parental internal LOC (N = 142)	0.28***	0.30***	-0.29***
<i>Infertility patients (N = 165)</i>			
Infertility Crisis	0.62***	0.13	-0.09
<i>Vocational pedonomic sample (N = 240)</i>			
Carrier Satisfaction (Satisfaction with Career Scale)	0.39***	0.40***	-0.46***
Vigor (Utrecht Work Engagement Scale)	0.30***	0.33***	-0.35***
Dedication (Utrecht Work Engagement Scale)	0.18**	0.18**	-0.25***
Exhaustion (Utrecht Work Engagement Scale)	0.22***	0.22***	-0.27***
Pleasure (Experiences in Vocational Activity Questionnaire)	0.31***	0.21***	-0.32***
Meaning (Experiences in Vocational Activity Questionnaire)	0.23***	0.21***	-0.36***
Effort (Experiences in Vocational Activity Questionnaire)	-0.26***	-0.23***	0.31***
Emptiness (Experiences in Vocational Activity Questionnaire)	-0.29***	-0.24***	0.35***

Note: * — p ≤ 0,05, ** — p ≤ 0,01, *** — p ≤ 0,001 for certain sample size (N).

Заключение

В завершение необходимо вновь заострить внимание на том, что в обыденном сознании и в научном знании распространена иллюзия превосходства взрослого над ребенком (по сути, одна из замаскированных форм эйджизма). В повседневности многие взрослые высокомерно полагают, что дети — это односторонне и полностью зависимые от них существа, а в психологической науке серьезно недооценивают важность ребенка в жизни взрослого. В действительности же отношения межличностной зависимости и значимости взрослых и детей носят двусторонний характер, поскольку в контексте психического развития и индивидуальной жизнедеятельности взрослых дети выполняют множество критически важных и полезных функций, в том числе, при условии правильного отношения к ним, становятся агентами и продуцентами психологического благополучия взрослых. Отсюда вытекает важное следствие для практики повседневного общения и обращения взрослых с детьми: взрослый не только вправе ожидать благодарности от ребенка за участие в детской

судьбе, но, в свою очередь, обязан быть благодарным за то, что в его жизни есть ребенок.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Литература

- Асмолов, А. Г., Братусь, Б. С., Зинченко, В. П. и др. (1979) О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности. *Вопросы психологии*, № 3, с. 35–45. EDN: [IHSKSF](#)
- Бажин, Е. Ф., Гольникова, Е. А., Эткинц, А. М. (1984) Метод исследования уровня субъективного контроля. *Психологический журнал*, т. 5, № 3, с. 152–162.
- Бочавер, А. А., Ахмеджанова, Д. Р., Байрамян, Р. М., Поливанова, К. Н. (2024) Шкала родительского стресса: адаптация на русскоязычной выборке матерей школьников. *Социальная психология и общество*, т. 15, № 3, с. 202–221. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312>
- Ефимова, И. Н. (2013) Возможности исследования родительского «выгорания». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, № 4, с. 31–40. EDN: [RRTXIZ](#)
- Карпинский, К. В. (2016) *Неоптимальный смысл: психологические тупики жизненного пути личности*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 539 с.
- Карпинский, К. В. (2019) *Психология смысложизненного кризиса*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 624 с.
- Карпинский, К. В. (2023) *Личностный смысл ребенка: что дети значат для взрослых*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 515 с.
- Карпинский, К. В. (2024а) Личностный смысл ребенка для взрослого как фактор психологического благополучия. *Современная зарубежная психология*, т. 13, № 4, с. 8–15. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130401>
- Карпинский, К. В. (2024б) *Смыслометрический психобиографический анализ*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 211 с.
- Карпинский, К. В. (2024с) Личностный смысл ребенка и переживание смысложизненного кризиса в ситуации бесплодия. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, № 2, с. 40–55. EDN: [HLXEAL](#)
- Карпинский, К. В. (2024д) Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 543–567. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567>
- Карпинский, К. В., Гижук, Т. В. (2017) *Психология профессиональной успешности*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 169 с.
- Кондратьев, М. Ю. (2011) «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости. *Социальная психология и общество*, т. 2, № 2, с. 17–28. EDN: [OIZZON](#)

- Кроник, А. А., Кроник, Е. А. (1989) *В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений*. М.: Мысль, 204 с.
- Кутузова, Д. А. (2006) *Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, 213 с.
- Леонтьев, Д. А. (1999) *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.: Смысл, 487 с.
- Леонтьев, Д. А., Сучков, Д. Д. (2015) Постановка и достижение целей как фактор психологического благополучия. *Психологические исследования*, т. 8, № 44. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/300-leontiev44.html> (дата обращения 24.12.2024).
- Микляева, А. В. (2014) *Психология межвозрастных отношений*. М.: Перо, 159 с.
- Осин, Е. Н. (2012) Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, т. 9, № 4, с. 91–110. EDN: [OYXAPB](#)
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2017) Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики. *Организационная психология*, т. 7, № 2, с. 30–51. EDN: [ZHOYKD](#)
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020) Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 1 (155), с. 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Салмина, А. В., Карпинский, К. В., Бойко, С. Л. (2024) Разработка и апробация психодиагностической методики «Шкала совладания с бесплодием». *Репродуктивное здоровье. Восточная Европа*, т. 14, № 3, с. 338–346. <https://doi.org/10.34883/pi.2024.14.3.004>
- Blyth, D. A., Hill, J. P., Thiel, K. S. (1982) Early adolescents' significant others: Grade and gender differences in perceived relationships with familial and nonfamilial adults and young people. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 11, no. 6, pp. 425–450. <https://doi.org/10.1007/bf01538805>
- Buhl, H. M. (2009) My mother: My best friend? Adults' relationships with significant others across the lifespan. *Journal of Adult Development*, vol. 16, no. 4, pp. 239–249. <https://doi.org/10.1007/s10804-009-9070-2>
- Deci, E. L., Ryan, R. M. (2000) The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, vol. 11, no. 4, pp. 227–268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01
- Diener, E., Oishi, S., Tay, L. (2018) Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*, vol. 2, no. 4, pp. 253–260. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0307-6>
- Fujita, F., Diener, E. (2005) Life satisfaction set point: Stability and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 88, no. 1, pp. 158–164. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.158>
- Garbarino, J., Burston, N., Raber, S. et al. (1978) The social maps of children approaching adolescence: Studying the ecology of youth development. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 7, no. 4, pp. 417–428. <https://doi.org/10.1007/bf01537809>
- Green, S., Nixon, E. (2020) *Children as agents in their worlds: A psychological-relational perspective*. London: Routledge Publ., 256 p. <https://doi.org/10.4324/9781315625911>
- Grundström, J., Kiviruusu, O., Kontinen, H., Berg, N. (2024) Reciprocal associations between parenthood and mental well-being — a prospective analysis from age 16 to 52 years. *Current Psychology*, vol. 43, no. 3, pp. 2238–2252. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04487-3>
- Gupta, K. (2022) Parental well-being: Another dimension of adult well-being. *The Family Journal*, vol. 31, no. 1, pp. 69–77. <https://doi.org/10.1177/10664807221090948>
- Headey, B. W., Wearing, A. J. (1989) Personality, life events, and subjective well-being: Toward a dynamic equilibrium model. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, no. 4, pp. 731–739. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.4.731>
- Huppert, F. A., So, T. T. C. (2013) Flourishing across Europe: Application of a new conceptual framework for defining well-being. *Social Indicators Research*, vol. 110, no. 3, pp. 837–861. <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9966-7>
- Iasiello, M., Ali, K., van Agteren, J. et al. (2024) What's the difference between measures of wellbeing, quality of life, resilience, and coping? An umbrella review and concept map of 155 measures of positive mental health. *International Journal of Wellbeing*, vol. 14, no. 2, pp. 3621–3645. <https://doi.org/10.5502/ijw.v14i2.3621>
- Klug, H. J. P., Maier, G. W. (2015) Linking goal progress and subjective well-being: A meta-analysis. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, vol. 16, no. 1, pp. 37–65. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9493-0>
- Lerner, R. M. (1982) Children and adolescents as producers of their own development. *Developmental Review*, vol. 2, no. 4, pp. 342–370. [https://doi.org/10.1016/0273-2297\(82\)90018-1](https://doi.org/10.1016/0273-2297(82)90018-1)
- Levison, D., Maynes, M. J., Vavrus, F. (eds.). (2021) *Children and youth as subjects, objects, agents: Innovative approaches to research across space and time*. Cham: Palgrave Macmillan Publ., 277 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-63632-6>
- McLanahan, S., Adams, J. (1989) The effects of children on adults' psychological well-being: 1957–1976. *Social Forces*, vol. 68, no. 1, pp. 124–146. <https://doi.org/10.2307/2579223>

- Nelson, S. K., Kushlev, K., Lyubomirsky, S. (2014) The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 3, pp. 846–895. <https://doi.org/10.1037/a0035444>
- Nelson-Coffey, S. K., Stewart, D. (2019) Well-being in parenting. In: M. H. Bornstein (ed.). *Handbook of parenting. Vol. 3. Being and becoming a parent*. 3rd ed. New York: Routledge Publ., pp. 596–619. <https://doi.org/10.4324/9780429433214-17>
- Ng, J. Y. Y., Ntoumanis, N., Thøgersen-Ntoumani, C. et al. (2012) Self-determination theory applied to health contexts: A meta-analysis. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 7, no. 4, pp. 325–340. <https://doi.org/10.1177/1745691612447309>
- Nomaguchi, K., Milkie, M. A. (2020) Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 82, no. 1, pp. 198–223. <https://doi.org/10.1111/jomf.12646>
- Twenge, J. M., Campbell, W. K., Foster, C. A. (2003) Parenthood and marital satisfaction: A meta-analytic review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 65, no. 3, pp. 574–583. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x>
- Umberson, D., Pudrovska, T., Reczek, C. (2010) Parenthood, childlessness, and well-being: A life course perspective. *Journal of Marriage and Family*, vol. 72, no. 3, pp. 612–629. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x>

References

- Asmolov, A. G., Bratus, B. S., Zinchenko, V. P. et al. (1979) O nekotorykh perspektivakh issledovaniy smyslovykh obrazovaniy lichnosti [On the perspectives in research of meaning structures of personality]. *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 35–45. (In Russian)
- Bazhin, E. F., Golyunkina, E. A., Etkind, A. M. (1984) Metod issledovaniya urovnya sub'ektivnogo kontrolya [The method for subjective control study]. *Psikhologicheskij zhurnal*, vol. 5, no. 3, pp. 152–162. (In Russian)
- Blyth, D. A., Hill, J. P., Thiel, K. S. (1982) Early adolescents' significant others: Grade and gender differences in perceived relationships with familial and nonfamilial adults and young people. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 11, no. 6, pp. 425–450. <https://doi.org/10.1007/bf01538805> (In English)
- Bochaver, A. A., Akhmedjanova, D. R., Bayramyan, R. M., Polivanova, K. N. (2024) Shkala roditel'skogo stressa: adaptatsiya na russkoyazychnoj vyborke materej shkol'nikov [Parental stress scale: Adaptation on the Russian-speaking sample of schoolchildren's mother]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 15, no. 3, pp. 202–221. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312> (In Russian)
- Buhl, H. M. (2009) My mother: My best friend? Adults' relationships with significant others across the lifespan. *Journal of Adult Development*, vol. 16, no. 4, pp. 239–249. <https://doi.org/10.1007/s10804-009-9070-2> (In English)
- Deci, E. L., Ryan, R. M. (2000) The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, vol. 11, no. 4, pp. 227–268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01 (In English)
- Diener, E., Oishi, S., Tay, L. (2018) Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*, vol. 2, no. 4, pp. 253–260. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0307-6> (In English)
- Efimova, I. N. (2013) Vozmozhnosti issledovaniya roditel'skogo “vygoraniya” [Potentials of studying the parent's “burnout” syndrome]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki — Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, no. 4, pp. 31–40. (In Russian)
- Fujita, F., Diener, E. (2005) Life satisfaction set point: Stability and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 88, no. 1, pp. 158–164. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.158> (In English)
- Garbarino, J., Burston, N., Raber, S. et al. (1978) The social maps of children approaching adolescence: Studying the ecology of youth development. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 7, no. 4, pp. 417–428. <https://doi.org/10.1007/bf01537809> (In English)
- Green, S., Nixon, E. (2020) *Children as agents in their worlds: A psychological-relational perspective*. London: Routledge Publ., 256 p. <https://doi.org/10.4324/9781315625911> (In English)
- Grundström, J., Kiviruusu, O., Kontinen, H., Berg, N. (2024) Reciprocal associations between parenthood and mental well-being — a prospective analysis from age 16 to 52 years. *Current Psychology*, vol. 43, no. 3, pp. 2238–2252. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04487-3> (In English)
- Gupta, K. (2022) Parental well-being: Another dimension of adult well-being. *The Family Journal*, vol. 31, no. 1, pp. 69–77. <https://doi.org/10.1177/10664807221090948> (In English)
- Headey, B. W., Wearing, A. J. (1989) Personality, life events, and subjective well-being: Toward a dynamic equilibrium model. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, no. 4, pp. 731–739. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.4.731> (In English)
- Huppert, F. A., So, T. T. C. (2013) Flourishing across Europe: Application of a new conceptual framework for defining well-being. *Social Indicators Research*, vol. 110, no. 3, pp. 837–861. <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9966-7> (In English)
- Iasiello, M., Ali, K., van Agteren, J. et al. (2024) What's the difference between measures of wellbeing, quality of life, resilience, and coping? An umbrella review and concept map of 155 measures of positive mental health.

- International Journal of Wellbeing*, vol. 14, no. 2, pp. 3621–3645. <https://doi.org/10.5502/ijw.v14i2.3621> (In English)
- Karpinski, K. V. (2016) *Neoptimal'nyj smysl: psikhologicheskie tupiki zhiznennogo puti lichnosti [Nonoptimal meaning: Psychological deadlocks on the life path]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 539 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2019) *Psikhologiya smyslozhiznennogo krizisa [Psychology of life-purpose crisis]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 624 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2023) *Lichnostnyj smysl rebenka: chto deti znachat dlia vzroslykh [Personal meaning of a child: What children mean for adults]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 515 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2024a) Lichnostnyj smysl rebenka dlya vzroslogo kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya [Personal meaning of a child for an adult as a factor of psychological well-being]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 13, no. 4, pp. 8–15. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130401> (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2024b) *Smyslometricheskij psikhobiograficheskij analiz [Meaningmetric psychobiographical analysis]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 211 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2024bc) Lichnostnij smysl rebenka i perezhivanie smyslozhiznennogo krizisa v situatsii besplodiya [Personal meaning of a child and experience of a meaning of life crisis in a situation of infertility]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki — Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, no. 2, pp. 40–55. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2024d) Shkala tsennostnogo otnosheniya k detyam: razrabotka, validizatsiya, standartizatsiya [The value of children scale: Development, validation, standardization]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 543–567. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567> (In Russian)
- Karpinski, K. V., Gizhuk, T. V. (2017) *Psikhologiya professional'noj uspešnosti [Psychology of professional success]*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 169 p. (In Russian)
- Klug, H. J. P., Maier, G. W. (2015) Linking goal progress and subjective well-being: A meta-analysis. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, vol. 16, no. 1, pp. 37–65. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9493-0> (In English)
- Kondratyev, M. Yu. (2011) “Znachimyj drugoj”: slagaemye mezhlichnostnoj znachimosti [“Significant other”: Components of interpersonal significance]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 2, no. 2, pp. 17–28. (In Russian)
- Kronik, A. A., Kronik, E. A. (1989) *V glavnykh rolyakh: Vy, My, On, Ty, Ya: Psikhologiya znachimykh otnoshenij [In the main roles: You, We, He, You, Me: Psychology of significant relations]*. Moscow: Mysl' Publ., 204 p. (In Russian)
- Kutuzova, D. A. (2006) *Organizatsiya deyatelnosti i stil' samoregulyatsii kak faktory professional'nogo vygoraniya pedagoga-psikhologa [Organization of activity and style of self-regulation as factors of professional burnout of a teacher-psychologist]*. PhD dissertation (Psychology). Moscow, Sholokhov Moscow State University for Humanities, 213 p. (In Russian)
- Leontiev, D. A. (1999) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj realnosti [Psychology of meaning: Nature, structure and dynamics of meaningful reality]*. Moscow: Smysl Publ., 487 p. (In Russian)
- Leontiev, D. A., Suchkov, D. D. (2015) Postanovka i dostizhenie tselej kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya [Setting and achieving goals as a factor of psychological well-being]. *Psikhologicheskie issledovaniya — Psychological Studies*, vol. 8, no. 44. [Online]. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/300-leontiev44.html> (accessed 24.12.2024). (In Russian)
- Lerner, R. M. (1982) Children and adolescents as producers of their own development. *Developmental Review*, vol. 2, no. 4, pp. 342–370. [https://doi.org/10.1016/0273-2297\(82\)90018-1](https://doi.org/10.1016/0273-2297(82)90018-1) (In English)
- Levison, D., Maynes, M. J., Vavrus, F. (eds.). (2021) *Children and youth as subjects, objects, agents: Innovative approaches to research across space and time*. Cham: Palgrave Macmillan Publ., 277 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-63632-6> (In English)
- McLanahan, S., Adams, J. (1989) The effects of children on adults' psychological well-being: 1957–1976. *Social Forces*, vol. 68, no. 1, pp. 124–146. <https://doi.org/10.2307/2579223> (In English)
- Miklyaeva, A. V. (2014) *Psikhologiya mezhvozrastnykh otnoshenij [Psychology of age-graded relations]*. Moscow: Pero Publ., 159 p. (In Russian)
- Nelson, S. K., Kushlev, K., Lyubomirsky, S. (2014) The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 3, pp. 846–895. <https://doi.org/10.1037/a0035444> (In English)
- Nelson-Coffey, S. K., Stewart, D. (2019) Well-being in parenting. In: M. H. Bornstein (ed.). *Handbook of parenting. Vol. 3. Being and becoming a parent*. 3rd ed. New York: Routledge Publ., pp. 596–619. <https://doi.org/10.4324/9780429433214-17> (In English)
- Ng, J. Y. Y., Ntoumanis, N., Thøgersen-Ntoumani, C. et al. (2012) Self-determination theory applied to health contexts: A meta-analysis. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 7, no. 4, pp. 325–340. <https://doi.org/10.1177/1745691612447309> (In English)

- Nomaguchi, K., Milkie, M. A. (2020) Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 82, no. 1, pp. 198–223. <https://doi.org/10.1111/jomf.12646> (In English)
- Osin, E. N. (2012) Izmerenie pozitivnykh i negativnykh emotsij: razrabotka russkoyazychnogo analoga metodiki PANAS [Measuring positive and negative affect: Development of a Russian-language analogue of PANAS]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki — Psychology. Journal of Higher School of Economics*, vol. 9, no. 4, pp. 91–110. (In Russian)
- Osin, E. N., Leontiev, D. A. (2017) Diagnostika perezhivaniy v professional'noj deyatel'nosti: validizatsiya metodiki [Assessment of subjective experiences at work: Validation of an instrument]. *Organizatsionnaya psikhologiya — Organizational Psychology*, vol. 7, no. 2, pp. 30–51. (In Russian)
- Osin, E. N., Leontiev, D. A. (2020) Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyj analiz [Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1 (155), pp. 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06> (In Russian)
- Salmina, A. V., Karpinsky, K. V., Bojko, S. L. (2024) Razrabotka i aprobatsiya psikhodiagnosticheskoy metodiki "Shkala sovladaniya s besplodiem" [Development and testing of the psychodiagnostic method "Scale of coping with infertility"]. *Reproduktivnoe zdorov'e. Vostochnaya Evropa — Reproductive Health. Eastern Europe*, vol. 14, no. 3, pp. 338–346. <https://doi.org/10.34883/pi.2024.14.3.004> (In Russian)
- Twenge, J. M., Campbell, W. K., Foster, C. A. (2003) Parenthood and marital satisfaction: A meta-analytic review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 65, no. 3, pp. 574–583. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x> (In English)
- Umberson, D., Pudrovska, T., Reczek, C. (2010) Parenthood, childlessness, and well-being: A life course perspective. *Journal of Marriage and Family*, vol. 72, no. 3, pp. 612–629. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x> (In English)

Сведения об авторе

Константин Викторович Карпинский, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, профессор кафедры психологии, Мамун университет
SPIN-код: [4973-1322](https://orcid.org/4973-1322), Scopus AuthorID: [266590072100](https://orcid.org/266590072100), ORCID: [0000-0002-1820-4007](https://orcid.org/0000-0002-1820-4007), e-mail: karpkosta@gmail.com

Author

Konstantin V. Karpinski, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Experimental and Applied Psychology Chair, Yanka Kupala State University of Grodno, Professor of the Psychology Chair, Mamun University
SPIN: [4973-1322](https://orcid.org/4973-1322), Scopus AuthorID: [266590072100](https://orcid.org/266590072100), ORCID: [0000-0002-1820-4007](https://orcid.org/0000-0002-1820-4007), e-mail: karpkosta@gmail.com

Check for updates

Личность в процессах обучения и воспитания

УДК 159.9

EDN СКQJCH

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-59-78>

Научная статья

Академический стресс и его преодоление китайскими студентами, обучающимися в России и Китае

П. Н. Виноградов ^{✉1}, С. Сюй ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Виноградов, П. Н., Сюй, С. (2025) Академический стресс и его преодоление китайскими студентами, обучающимися в России и Китае. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 59–78. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-59-78> EDN СКQJCH

Получена 15 июля 2024; прошла рецензирование 4 сентября 2024; принята 24 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © П. Н. Виноградов, С. Сюй (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Цель исследования заключается в установлении различий в переживании академического стресса, а также его предикторов и стратегий преодоления китайскими студентами, обучающимися в РФ и КНР. В настоящее время испытывается острый недостаток в подобных исследованиях.

Материалы и методы. Исследование проводилось в форме социально-психологического опроса в онлайн-формате в период 2022–2024 годов. В исследовании приняли участие 403 китайских студента, из которых 202 обучались в российских и 201 в китайских вузах. Использовались следующие методики на китайском языке: «Опросник ощущения академического стресса у студентов» (田澜, 邓琪 — Tian, Deng 2007), «Анкета о стратегиях преодоления стресса» (肖计划, 许秀峰 — Xiao, Xu 1996), «Опросник 16PF личности» (Р. Б. Кэттелл, в адаптации Дай Чжунчэн) (祝蓓里, 戴忠恒 — Zhu, Dai 1988). Для обработки статистических данных использовался программный пакет SPSS 26.0: сравнительный, корреляционный, регрессионный анализ.

Результаты. Установлено, что респонденты российской выборки по сравнению с китайской, испытывают значимо больший уровень стресса по четырем аспектам: связанность с будущим, академическая конкуренция, атмосфера обучения и учебные условия. В качестве способов преодоления академического стресса студенты в Китае демонстрируют более высокий уровень выраженности стратегий совладания, обе группы респондентов в равной мере определяют психологическую помощь как эффективную стратегию, но в китайской выборке значимо преобладает стратегия «Избегание». Доля китайских студентов с высоким уровнем личностного фактора I выше среди обучающихся в России, чем среди обучающихся в Китае, что указывает на их более высокую чувствительность. Предикторами преодоления академического стресса студентами обучающимися в Китае являются высокий уровень доверия, открытости, терпимости и оптимальной напряженности. Для китайских студентов, обучающихся в России, такими предикторами выступают осторожность, рассудительность и сдержанность в проявлении эмоций.

Заключение. Полученные результаты определяют содержание академического стресса, его предикторы и способы его преодоления, обучающихся в России и КНР, и могут служить для определения мишеней психологической помощи.

Ключевые слова: академические мигранты, академический стресс, образовательная среда, академическая адаптация, стратегии совладания со стрессом, личностные предикторы академического стресса

Research article

Academic stress and its management by Chinese students studying in Russia and China

P. N. Vinogradov ¹, X. Xu¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Vinogradov, P. N., Xu, X. (2025) Academic stress and its management by Chinese students studying in Russia and China. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 59–78. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-59-78> EDN CKQJCH

Received 15 July 2024; reviewed 4 September 2024; accepted 24 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © P. N. Vinogradov, X. Xu (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. This study investigates differences in perceived academic stress, its predictors and coping strategies among Chinese students studying in Russia and China, which is an underexplored area of research.

Materials and Methods. An online socio-psychological survey was conducted in 2022–2024 with 403 Chinese students: 202 studying in Russian universities and 201 in Chinese universities. The following methods were employed (administered in Chinese): Student Academic Stress Sensation Questionnaire (田澜, 邓琪 — Tian, Deng 2007), Stress Coping Strategies Questionnaire (肖计划, 许秀峰 — Xiao, Xu 1996), and Sixteen Personality Factor Questionnaire (祝蓓里, 戴忠恒 — Zhu, Dai 1988). The data were analyzed using SPSS 26.0: comparative, correlation, recession.

Results. Chinese students studying in Russia exhibited significantly higher stress levels in areas such as concerns about the future, academic competition, learning environment and study conditions, as compared to their counterparts in China. Students in China demonstrated a greater reliance on coping strategies. Both groups equally identified psychological support as an effective strategy, with the ‘avoidance’ strategy being significantly more prevalent among students in China. Among those studying in Russia, a larger proportion exhibited a high level of personal factor 1, indicating their greater sensitivity. Academic stress coping predictors for students studying in China included high levels of trust, openness, tolerance and optimal tension, whereas for students in Russia the predictors included caution, prudence and restraint in displaying emotions.

Conclusions. The study identifies the content of academic stress and methods for its management in Chinese students studying in Russia and China. The study also identifies academic stress predictors in these groups. These findings can inform targeted psychological support strategies for students experiencing academic stress.

Keywords: academic migrants, academic stress, educational environment, academic adaptation, stress coping strategies, individual predictors of academic stress

Введение

Рассматриваемая в нашем исследовании проблема относится к широкой исследовательской области обретения человеком психологического благополучия, в том числе в сфере образования. Эта идея нашла отражение, как утверждают эксперты, в 35 000 публикаций за последние 5 лет. Как считает Академик РАО Л. А. Цветкова: «...исследования благополучия людей, на наш взгляд, являются важнейшей составляющей антропологической парадигмы психологии образования, поскольку анализ факторов риска и защиты в изучении благополучия людей на любых этапах их жизненного пути является необходимым условием поиска способов совер-

шенствования их образовательного потенциала, без которого невозможна успешная адаптация в современном динамично меняющемся обществе» (Цветкова 2024, 6).

Увеличение количества академических обменов и интенсификация академической миграции обращает внимание исследователей на проблему психологической адаптации студентов различных стран к новым социокультурным и образовательным условиям, в которых оказываются обучающиеся университетов. Это непосредственно касается китайских студентов, численность которых в настоящее время в РФ по данным Министерства образования и науки превысила 40 тысяч человек. Важной задачей, которая актуальна для включения студентов

в новые условия обучения, является переживание различных психологических напряжений, среди которых ведущее место занимает академический стресс, усугубляющийся сменой социокультурных условий жизни и обучения. В результате таких напряжений снижается качество обучения, возникает высокая интенсивность негативных переживаний, а иногда и суицидальное поведение (Холмогорова и др. 2009b). В настоящее время испытывается дефицит исследований, посвященных различиям в академическом стрессе среди иностранных студентов одной и той же этнической принадлежности, обучающихся в различных культурных и академических контекстах. Содержание настоящего исследования связано с восполнением лакуны в научных исследованиях посредством более глубокого изучения академического стресса, с которым сталкиваются студенты из Китая в разнообразных культурных и образовательных контекстах, а также в анализе сложных взаимосвязей между академическим стрессом и личностными характеристиками.

Теоретическими и методологическими основаниями проведенного исследования является синтез фундаментальных теоретических достижений российской психологии с теоретическим осмыслением проблем психологической науки, осуществленным именитыми китайскими психологами.

В китайском терминологическом словаре «Большом словаре психологии» известный китайский психолог Линь Чунде определяет академический стресс как «психологическую нагрузку или стресс, вызванные учебой, внешними факторами окружающей среды и личными ожиданиями» (林崇德, 杨治良, 黄希庭 — Lin, Yang, Huang 2003, 1490). На основе его работ китайский психолог Инь Гуань провел дополнительные исследования и предложил более точное определение, согласно которому все виды стресса, связанные с учебной деятельностью студентов в университете, могут быть классифицированы как академический стресс. Это включает в себя не только академический стресс, вызванный объективными факторами окружающей среды, но и академического стресс, определяемый субъективными характеристиками студентов (阴国恩 — Yin 1993).

Следуя положениям классической психологии, мы склонны определять «психический стресс» как процесс эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций, включающий как источники психического стресса, так и комплекс социально-психологических реакций на стресс.

В контексте образовательной деятельности это явление получило наименование «академический стресс». Рассмотрим характеристику академического стресса на примере ряда конкретных исследований. Особенность академического стресса заключается в негативном психологическом состоянии студента (в условиях внешнего стресса или угрозы), когда субъективно сложно или невозможно эффективно заниматься образовательной и профессиональной деятельностью (Сёмина, Фёдорова 2023). Российский психолог Д. Р. Гараева считает, что категория «стресс» включает в себя такие составляющие, как тревога, конфликты, эмоциональные нарушения, угрозу идентичности, уныние и напряжение (Гараева 2023). Российский исследователь И. О. Куваева отмечает, что понимание различий в организационных характеристиках концепции стресса может помочь студентам более эффективно адаптироваться к образовательному процессу в университете (Куваева 2016).

Психолог из Университета Северной Каролины в США Дж. А. Карвет подчеркивает, что корень академического стресса лежит в противоречии между необходимостью студентов получить больше знаний и отсутствием достаточного времени для их приобретения (Carveth et al. 1996). Российский психолог А. А. Баранов поддерживает эту точку зрения. В исследовании самооценки студентами своих академических достижений ученый указывает, что академический стресс возникает у студентов в процессе обучения при столкновении с трудностями усвоения знаний (Баранов и др. 2023).

В своей работе Н. В. Тарабрина доказала, что интенсивный стресс и проблемы психологической безопасности — две взаимосвязанные психологические структуры, при этом высокий уровень стресса может привести к психологическим травмам и проблемам, таким как посттравматическое стрессовое расстройство (Тарабрина и др. 2017). Особенно это касается людей, получающих высшее образование, поскольку обучение в вузе — это сложный и длительный процесс, требующий не только значительных физических усилий, эмоциональной стабильности и психологического равновесия, но и реальных материальных затрат (Матюшкина 2016). Специалисты указывают, что студенты, находящиеся на начальном этапе профессионального развития, сталкиваются с большим количеством потенциальных источников стресса, и без эффективной психологической и образовательной поддержки они не смогут справиться с некоторыми из этих источников (Сабирова, Умуркулова 2020). Это

подтверждают исследования: в процессе совладания с академическим стрессом и изменениями психика становится более уязвимой, увеличивается риск развития психических расстройств (Постылякова 2018).

Академический стресс и уровень психологического здоровья часто демонстрируют обратную корреляцию (Фидиркина, Баринаова 2021). Американский психолог М. В. Ковингтон также упоминал в исследованиях, что академический психический стресс представляет собой негативные и неприятные ощущения, которые студенты испытывают в процессе достижения учебных целей. Эти ощущения могут повлиять на их мотивацию и учебные результаты (Covington 2007).

Вместе с тем академический стресс — это сигнал для личности к необходимости перестройки привычных способов учебной деятельности и условий их осуществления. Китайский психолог Цуй Сюэин в исследованиях продемонстрировала, что академический стресс является мотивацией, стимулирующей студентов к более усердной учебе и улучшению их результатов, но чрезмерный академический стресс может оказывать на студентов негативное воздействие (崔雪莹 — Cui 2020).

Академический стресс как источник негативных переживаний происходит из психологического напряжения, связанного с учебным процессом, и многие студенты в той или иной степени подвержены его воздействию. После того как индивид определяет событие или проблему как опасную и нестабильную, он выбирает стратегии совладания со стрессом в зависимости от степени воздействия стрессовых факторов и своих личностных характеристик (Тихонова 2021). Стратегии совладания со стрессом — объект повышенного внимания в психологии с 1980-х годов (Pearlin et al. 1981). Они определяются как способность успешно преодолевать различные внешние и внутренние препятствия без вреда для личного физического и психологического здоровья (Folkman 2013), в то время как стабильными факторами, определяющими природу стрессового опыта, являются механизмы совладания со стрессом или стратегии совладания (Ермасов 2009).

Российские ученые считают, что недостаточно эффективные стратегии совладания часто сопровождаются плохой эмоциональной адаптацией и более высоким уровнем стресса (Холмогорова и др. 2009а). Кроме того, было обнаружено, что индивиды с выраженной экстраверсией используют более зрелые стратегии совладания со стрессом, в то время как у лиц

с выраженными факторами невротизма и психотизма часто наблюдаются незрелые стратегии совладания (杜红梅, 汪红焯, 罗毅 — Du et al. 2008). В исследовании 2016 года И. О. Куваева на примере выборки среди россиян и татар доказала, что существуют различия в способах совладания со стрессом у студентов разных национальностей (Куваева, Абитов 2016). В последующем исследовании стрессовых характеристик среди российских, турецких и китайских студентов было обнаружено, что для китайских студентов корреляция между проявлением стресса и стратегиями мобилизации ответа на стресс выше; с увеличением стрессовых факторов они склонны переключаться на самосредоточенность, а не на решение проблемы (Kuvaeva et al. 2017). Также было выявлено, что китайские студенты, обучающиеся в России, предпочитают совместные усилия в решении проблем и имеют более высокий уровень коллективизма по сравнению с российскими студентами (Волкова, Куваева 2022).

Ученые отмечают, что процесс адаптации китайских студентов в российских университетах имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным тенденциям относятся улучшение владения русским языком, уменьшение трудностей в работе с научной литературой, повышение способности к самоорганизации и удовлетворенность коммуникацией в образовательных группах. Отрицательные факторы в основном связаны с различиями в методах преподавания российских и китайских преподавателей, недовольством взаимодействием с преподавателями и увеличением страха не оправдать ожидания родителей (Ван 2017). Стоит отметить, что требования к адаптивности личности в восточных и западных культурах не одинаковы: восточная культура требует от индивида гибкости и изменчивости, ожидая, что человек будет меняться под влиянием обстоятельств, в то время как в западной культуре ценится стабильность и неизменность личности под давлением внешних факторов. В этом контексте было показано, что самокомпетентность значительно лучше развита в западных культурах, в то время как самопризнание — в восточных (Анолли 2016). Это делает адаптацию студентов из восточных культур в западном обществе более сложной, вызывая больше стрессовых проявлений.

В последние годы российские ученые осуществили ряд интересных исследований, связанных с академическим стрессом у академических мигрантов. Так, И. О. Куваева провела исследование академического стресса у студентов различных этнокультурных групп (Куваева 2020),

И. В. Нефедова изучала различия в восприятии академического стресса студентами разного пола в одной группе (Нефедова 2019). Проблема академического стресса находит отражение в исследованиях О. И. Даниленко и И. Сюй (Даниленко, Сюй 2016), И. Сюй (Сюй 2019), Ц. Мо (Мо 2021), Н. М. Лыковой и Л. Чжан (Лыкова и др. 2011), Ц. Лю и Е. И. Петановой (Петанова, Лю 2016), в которых анализируются особенности благополучия, адаптированности к стрессу и копинг-стратегии, связи со смысложизненными ориентациями и личностными качествами.

Важной частью серьезного научного исследования является не только констатация сложившегося положения, но и прогнозирование развития изучаемого явления. Такому подходу способствует выявление предикторов прогнозируемых состояний изучаемого феномена. Как считают Т. А. Марютина, О. Ю. Ермолаев и В. И. Трубников, «вычисление психологических предикторов имеет несомненное научно-практическое значение, поскольку позволяет не только определить круг факторов (в том числе средовых), которые участвуют в формировании того или иного психологического феномена, но и оценить сравнительный вклад этих факторов в прогнозируемые эффекты» (Марютина и др. 1998, 33). Личностные факторы могут выступать такими предикторами, наличие которых позволяет прогнозировать наличие и степень проявления у студентов академического стресса.

Мы обнаружили, что на данный момент существует дефицит исследований, посвященных различиям в академическом стрессе среди студентов одной и той же этнической принадлежности, обучающихся в различных культурных и академических контекстах. Наша задача — преодолеть этот пробел, исследуя различия в проявлениях академического стресса у индивидов одного возраста и одной этнической принадлежности, но получающих образование в разных этнокультурных и образовательных условиях, чтобы лучше понять различия в психологических состояниях студентов, сталкивающихся с академическим стрессом.

Материалы и методы

Цель исследования заключается в установлении различий в переживании академического стресса, а также предикторов и стратегий его преодоления китайскими студентами, обучающимися в РФ и КНР.

Объектом исследования выступили китайские студенты, обучающиеся в высших учебных заведениях России и Китая. Группа респондентов,

сформированная методом случайной выборки, составила 403 китайских студента, из которых 202 обучаются в России, а 201 — в Китае. Прежде всего, была отобрана группа целевых учебных заведений из числа китайских и российских университетов. Затем информация об исследовании по подбору респондентов была опубликована на платформах социальных сетей. Для выбора кандидатов из числа зарегистрировавшихся студентов на этапе окончательного формирования выборки использовался генератор случайных чисел. В целом в выборку включены 230 женщин (57,1 %) и 173 мужчин (42,9 %) — студенты-первокурсники в возрасте 17–27 лет. В российской выборке отобраны студенты, впервые прибывшие в Россию. Исследование проведено в период с 2022 по 2024 год.

На основе анализа литературных источников мы выдвигаем исследовательскую гипотезу: студенты, проходящие обучение в России и КНР и находящиеся в различных образовательных условиях, будут отличаться по трем аспектам: по уровню выраженности показателей академического стресса; по способам преодоления переживания академического стресса; по предикторам переживания обучающимися академического стресса. В связи с этим определены соответствующие задачи исследования: 1) выявить различия в показателях уровня выраженности академического стресса у китайских студентов, обучающихся в РФ и КНР; 2) охарактеризовать особенности стратегий преодоления академического стресса у китайских студентов из российской и китайской выборок; 3) установить особенности личностных предикторов проявления академического стресса у китайских студентов, проходящих обучение в России и Китае.

Этническая однородность выборки определила рабочий язык и методы исследования. Были отобраны переведенные на китайский язык и адаптированные на соответствующей выборке методы, одобренные для эмпирических исследований на материковом Китае:

1. «Опросник ощущения академического стресса у студентов». Разработан в 2007 году профессорами психологии Тянь Лань и Дэн Ци из Юго-Западного университета Китая. Опросник создан для измерения восприятия студентами учебного стресса и включает семь аспектов: стресс, связанный с будущим; стресс от академической конкуренции; стресс от учебных результатов; стресс от учебной атмосферы; стресс от перегрузки домашними заданиями; стресс от условий обучения; стресс от семейных ожиданий (всего 42 пункта). Опросник показал высокую внутреннюю согласованность (Cronbach's $\alpha = 0,93$)

и хорошую раздельную надежность (0,89), что свидетельствует о его высокой надежности и валидности (田澜, 邓琪 — Tian, Deng 2007).

2. «Анкета исследования стратегий преодоления стресса». Разработана профессором Сяо Цзюхуа, ректором университета Чжуншань, на основе аналогичных опросников и исследований разных стран с учетом особенностей китайских студентов. Анкета включает 62 вопроса, охватывающих шесть стратегий совладания: решение проблем, самообвинение, поиск помощи, фантазирование, избегание и рационализация. Надежность каждого фактора варьируется от 0,62 до 0,72. Анализ валидности показывает, что факторные нагрузки всех факторов превышают 0,35, подтверждая психометрическую надежность и валидность опросника (肖计划, 许秀峰 — Xiao, Xu 1996).

3. «Опросник 16PF личности». Разработан профессором Р. Б. Кэттеллом из Государственного университета Иллинойса, США, для оцен-

ки 16 основных факторов личности. Опросник был переведен и адаптирован для китайского культурного и социального контекста психологом Дай Чжунчэн в 1988 году. По результатам проверок, опросник демонстрирует хорошие психометрические характеристики, каждый пункт эффективно отражает соответствующий фактор личности (祝蓓里, 戴忠恒 — Zhu, Dai 1988).

Для обработки статистических данных использовался программный пакет SPSS 26.0.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с первой задачей, исследование восприятия студентами академического стресса изучалось с помощью «Опросника ощущения академического стресса у студентов» и результаты представлены в таблице 1.

Согласно результатам t-теста для независимых выборок (табл. 1), среди китайских студентов,

Табл. 1. Характеристика выраженности академического стресса у китайских студентов, обучающихся в Китае и России

Типы стресса	Регион обучения (среднее значение ± стандартное отклонение)		t	p
	Китай (n = 201)	Россия (n = 202)		
Общий балл	130,31 ± 32,26	140,16 ± 26,66	-3,340	0,001**
Стресс, связанный с будущим	24,56 ± 7,68	26,57 ± 7,34	-2,684	0,008**
Стресс от академической конкуренции	31,55 ± 9,26	33,51 ± 9,26	-2,128	0,034*
Стресс от учебных результатов	15,94 ± 5,07	16,55 ± 4,88	-1,239	0,216
Стресс от учебной атмосферы	12,11 ± 4,19	13,74 ± 3,92	-4,038	< 0,001**
Стресс от нагрузки по домашним заданиям	18,76 ± 5,92	19,77 ± 5,69	-1,749	0,081
Стресс от условий обучения	11,89 ± 4,17	13,64 ± 3,67	-4,477	< 0,001**
Стресс от семейных ожиданий	15,51 ± 5,23	16,38 ± 5,03	-1,699	0,090

Примечание: * — p < 0,05 **; p < 0,01.

Table 1. T-test for the influence of the country of study on perceived academic stress

Types of stress	Country of study (mean ± standard deviation)		t	p
	China (n = 201)	Russia (n = 202)		
Total score	130.31 ± 32.26	140.16 ± 26.66	-3.340	0.001**
Stress related to concerns about the future	24.56 ± 7.68	26.57 ± 7.34	-2.684	0.008**
Stress related to academic competition	31.55 ± 9.26	33.51 ± 9.26	-2.128	0.034*
Stress related to academic performance	15.94 ± 5.07	16.55 ± 4.88	-1.239	0.216
Stress related to the learning environment	12.11 ± 4.19	13.74 ± 3.92	-4.038	< 0.001**
Stress related to the homework load	18.76 ± 5.92	19.77 ± 5.69	-1.749	0.081
Stress related to learning conditions	11.89 ± 4.17	13.64 ± 3.67	-4.477	< 0.001**
Stress related to family expectations	15.51 ± 5.23	16.38 ± 5.03	-1.699	0.090

Note: * — p < 0.05 ** — p < 0.01.

обучающихся в России и Китае, не существует значимых различий по таким факторам, как стресс от учебных результатов ($t = -1,239$, $p = 0,216$), стресс от перегрузки домашними заданиями ($t = -1,749$, $p = 0,081$) и стресс от семейных ожиданий ($t = -1,699$, $p = 0,090$). Из этого можно сделать вывод, что представители российской и китайской выборок в равной степени испытывают стресс, проявляющийся в этих трех перечисленных аспектах. В то же время значительные различия наблюдаются по факторам стресса, связанного с будущим ($t = -2,684$, $p = 0,001$), стресса от академической конкуренции ($t = -2,128$, $p = 0,034$), стресса от учебной атмосферы ($t = -4,038$, $p < 0,001$), стресса от условий обучения ($t = -4,477$, $p < 0,001$), а также по общему баллу восприятия академического стресса ($t = -3,340$, $p < 0,001$). Это говорит о том, что китайские студенты, обучающиеся в России, ощущают учебный стресс сильнее, чем их коллеги, обучающиеся в Китае, по целому ряду позиций. Причиной этого, возможно, является более высокий уровень требований к признанию в Китае дипломов, полученных в России, по сравнению с китайскими аналогами, а потому возникает беспокойство о возможности хорошего трудоустройства. Другая вероятная причина — высокий уровень сложности русского языка и различия в образовательной атмосфере, т. к. в российских вузах акцент делается на интенсивное использование вербальных методов. Источником стресса может стать и непривычная организация учебной среды, характеризующаяся ограниченным количеством оборудования в университетах: в аудиториях и библиотеках. Китайские университеты более приспособлены к запросам китайских студентов и работодателей.

Полученные нами результаты относительно специфики переживания академического стресса находят подтверждение и в работе О. И. Даниленко и И. Сюй (Даниленко, Сюй 2016). Также в исследованиях И. О. Куваевой установлено, что китайские студенты замыкаются в себе при осложнении ситуации и признают наличие затруднений по мере нарастания внутреннего напряжения (Куваева 2016).

Для решения второй задачи мы провели исследование различий в используемых способах преодоления стресса у двух групп студентов с помощью методики «Анкета о стратегиях преодоления стресса» (肖计划, 许秀峰 — Xiao, Xu 1996).

Как показано на рисунке 1, по большинству представленных факторов студенты, обучающиеся в Китае, имеют более высокие баллы по сравнению со студентами, обучающимися в России. Так, студенты из КНР склонны использовать более продуктивные стратегии преодоления стресса, среди которых стремление решить проблему, фантазирование и рационализация. Студенты российской выборки реже используют эти стратегии. Это может быть обусловлено отличиями новой для них культурной среды, невысоким уровнем языковой компетенции, менее глубоким знакомством и пониманием возможностей привычной образовательной среды и этнокультурного окружения. Исключение составляет фактор «Поиск помощи», где баллы обеих групп одинаковы. Это указывает на то, что обращение за помощью — общепринятый способ совладания со стрессом. Вместе с тем студенты, обучающиеся в России, значительно реже используют такие стратегии, как самообвинение и избегание. Полученные

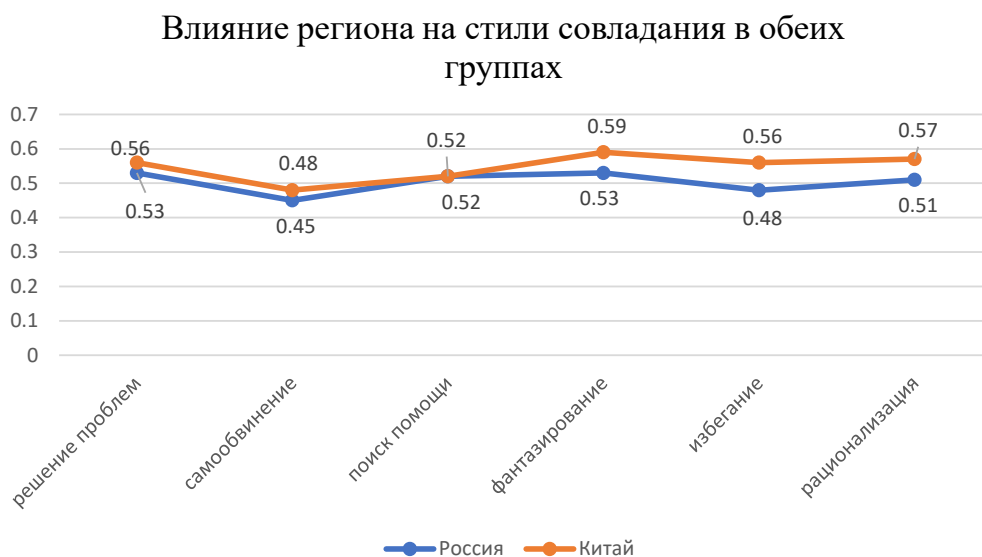

Рис. 1. Характеристика выраженности способов совладания с академическим стрессом у китайских студентов, обучающихся в России и Китае

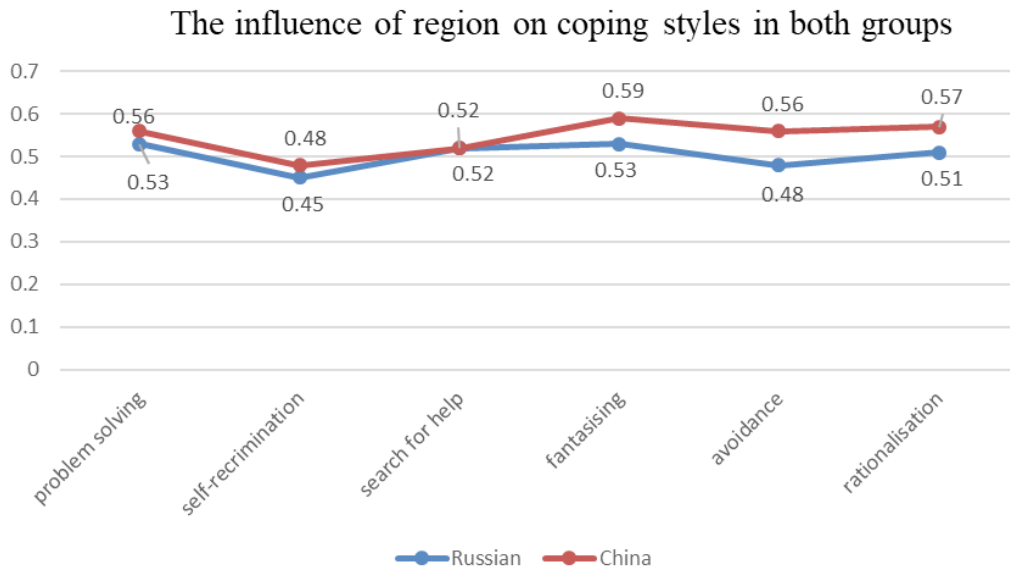

Fig. 1. The influence of the country of study on coping strategies in both groups

факты корреспондируют с данными ряда исследователей, установивших, что для китайских студентов корреляция между проявлением стресса и стратегиями мобилизации ответа на стресс выше; с увеличением стрессовых факторов они склонны переключаться на самосо-

средоточенность, а не на решение проблемы (Kuvaeva et al. 2017).

Мы провели исследование статистических показателей, характеризующих способы совладания со стрессом у респондентов, на наличие значимых различий (табл. 2).

Табл. 2. Характеристика выраженности способов совладания с академическим стрессом у китайских студентов, обучающихся в Китае и России

Способы совладания	Регион обучения (среднее значение ± стандартное отклонение)		t	p
	Китай (n = 201)	Россия (n = 202)		
Решение проблем	0,56 ± 0,41	0,53 ± 0,41	0,842	0,400
Самообвинение	0,48 ± 0,41	0,45 ± 0,39	0,556	0,579
Поиск помощи	0,52 ± 0,38	0,52 ± 0,36	0,124	0,901
Фантазирование	0,59 ± 0,41	0,53 ± 0,39	1,401	0,162
Избегание	0,56 ± 0,37	0,48 ± 0,34	2,270	0,024*
Рационализация	0,57 ± 0,42	0,51 ± 0,40	1,497	0,135

Примечание: * — p < 0,05; ** — p < 0,01.

Table 2. T-test for the effect of the country of study on coping strategies in both groups

Coping strategies	Country of study (mean ± standard deviation)		t	p
	China (n = 201)	Russia (n = 202)		
Problem solving	0.56 ± 0.41	0.53 ± 0.41	0.842	0.400
Self-recrimination	0.48 ± 0.41	0.45 ± 0.39	0.556	0.579
Search for help	0.52 ± 0.38	0.52 ± 0.36	0.124	0.901
Fantasizing	0.59 ± 0.41	0.53 ± 0.39	1.401	0.162
Avoidance	0.56 ± 0.37	0.48 ± 0.34	2.270	0.024*
Rationalization	0.57 ± 0.42	0.51 ± 0.40	1.497	0.135

Note: * — p < 0.05 ** — p < 0.01.

В таблице 2 представлены результаты, полученные при проведении t-теста для независимых выборок. Мы обнаружили, что, хотя студенты из китайской группы демонстрировали более высокие баллы по большинству факторов, статистически значимых различий в основном не было. Значимые различия наблюдались только по фактору «Избегание» ($t = 2,270$, $p = 0,024$), в соответствии с которыми китайские студенты, обучающиеся в Китае, оказались в большей степени склонными использовать соответствующую стратегию. Вслед за целым рядом авторитетных исследователей Е. В. Волкова и И. О. Куваева определяют эту стратегию как наименее перспективную в решении проблем, вызываемых академическим стрессом, т. к. это затрудняет понимание рассматриваемого явления, препятствует дифференциации факторов его вызывающих, удаляет от конструктивного отношения к учебным ситуациям, связанным с эмоциональным напряжением (Волкова, Куваева 2022). Мы полагаем, что это может быть обусловлено культурным контекстом, т. к. культурный фон влияет на поведение индивидов при столкновении с проблемами. В российской культуре прямое противостояние проблемам считается идеальным способом совладания,

тогда как в китайской культуре избегание конфликтов и проблем также является приемлемой стратегией. В дальнейшем китайские студенты, обучающиеся в России, могут разработать более активные стратегии совладания для адаптации к новой среде, поскольку они начинают осознавать, что избегание проблем не поможет им решать трудности жизни и учебы за границей.

Третьей задачей нашего исследования стало выявление личностных предикторов академического стресса у китайских студентов обучающихся в Китае и России. Результаты исследования представлены в таблице 3.

Проведя анализ результатов теста Кэттелла с использованием t-теста, мы обнаружили, что различия, связанные с регионом обучения, являются значимыми в числовых показателях фактора I (чувствительность), который преобладает у студентов, обучающихся в России. Это указывает на то, что китайские студенты, обучающиеся в России, более склонны к фантазиям, интересуются к искусством, чувствительны и подвержены сомнениям, в то время как студенты, обучающиеся в Китае, более ориентированы на реальность, более рациональны, и при этом могут демонстрировать чересчур рациональное поведение и холодность. Можно также

Табл. 3. T-тест для шестнадцати факторов личности

Факторы	Регион обучения (среднее значение \pm стандартное отклонение)		t	p
	Китай (n = 201)	Россия (n = 202)		
A	5,68 \pm 3,54	5,73 \pm 3,43	-0,133	0,894
B	2,80 \pm 2,28	2,66 \pm 2,16	0,622	0,535
C	4,96 \pm 3,47	4,89 \pm 3,58	0,211	0,833
E	6,28 \pm 4,03	6,35 \pm 3,96	-0,183	0,855
F	5,26 \pm 4,05	5,37 \pm 3,97	-0,269	0,788
G	4,36 \pm 2,98	4,15 \pm 2,99	0,706	0,481
H	6,32 \pm 3,61	6,53 \pm 3,48	-0,599	0,550
I	4,62 \pm 3,19	5,32 \pm 3,19	-2,187	0,029*
L	5,45 \pm 3,55	4,91 \pm 3,69	1,490	0,137
M	5,35 \pm 3,75	5,54 \pm 3,78	-0,497	0,620
N	6,10 \pm 3,96	6,34 \pm 3,99	-0,586	0,558
O	5,57 \pm 3,95	5,75 \pm 3,98	-0,457	0,648
Q1	5,17 \pm 3,64	5,17 \pm 3,66	0,002	0,998
Q2	4,36 \pm 3,04	4,46 \pm 3,09	-0,335	0,738
Q3	3,99 \pm 3,08	3,94 \pm 3,10	0,161	0,873
Q4	5,57 \pm 3,57	5,81 \pm 3,54	-0,676	0,499

Примечание:* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$. A — открытость, B — интеллект, C — эмоциональная стабильность, E — самостоятельность, F — беспечность, G — ответственность, H — смелость, I — чувствительность, L — подозрительность, M — мечтательность, N — дипломатичность, O — тревожность, Q1 — радикализм, Q2 — независимость, Q3 — целенаправленность, Q4 — напряженность.

Table 3. T-test for the Sixteen Personality Factor Questionnaire

Factors	Country of study (mean ± standard deviation)		t	p
	China (n = 201)	Russia (n = 202)		
A	5.68 ± 3.54	5.73 ± 3.43	-0.133	0.894
B	2.80 ± 2.28	2.66 ± 2.16	0.622	0.535
C	4.96 ± 3.47	4.89 ± 3.58	0.211	0.833
E	6.28 ± 4.03	6.35 ± 3.96	-0.183	0.855
F	5.26 ± 4.05	5.37 ± 3.97	-0.269	0.788
G	4.36 ± 2.98	4.15 ± 2.99	0.706	0.481
H	6.32 ± 3.61	6.53 ± 3.48	-0.599	0.550
I	4.62 ± 3.19	5.32 ± 3.19	-2.187	0.029*
L	5.45 ± 3.55	4.91 ± 3.69	1.490	0.137
M	5.35 ± 3.75	5.54 ± 3.78	-0.497	0.620
N	6.10 ± 3.96	6.34 ± 3.99	-0.586	0.558
O	5.57 ± 3.95	5.75 ± 3.98	-0.457	0.648
Q1	5.17 ± 3.64	5.17 ± 3.66	0.002	0.998
Q2	4.36 ± 3.04	4.46 ± 3.09	-0.335	0.738
Q3	3.99 ± 3.08	3.94 ± 3.10	0.161	0.873
Q4	5.57 ± 3.57	5.81 ± 3.54	-0.676	0.499

Note: * — p < 0.05, ** — p < 0.01; A — Warmth, B — Reasoning, C — Emotional Stability, E — Dominance, F — Liveliness, G — Rule-Consciousness, H — Social Boldness, I — Sensitivity, L — Vigilance, M — Abstractedness, N — Privatness, O — Apprehension, Q1 — Openness to Change, Q2 — Self-Reliance, Q3 — Perfectionism, Q4 — Tension.

предположить, что студенты с более выраженной эмоциональностью, склонностью к фантазированию и любовью к искусству выбирают обучение в России, в то время как более реалистично настроенные остаются обучаться в Китае.

В таблице 4 представлен корреляционный анализ 16 факторов личности и семи видов академического стресса. Большинство результатов показали наличие отрицательной корреляции, в то время как фактор I (чувствительность) проявил положительную связь.

Табл. 4. Коэффициенты корреляции Пирсона между личностными характеристиками и академическим стрессом

Показатели	Стресс, связанный с будущим	Стресс от академической конкуренции	Стресс от учебных результатов	Стресс от учебной атмосферы	Стресс от нагрузок по домашним заданиям	Стресс от условий обучения	Стресс от семейных ожиданий
A	-0,246**	-0,224**	-0,204**	-0,159**	-0,223**	-0,211**	-0,173**
B	-0,172**	-0,116*	-0,156**	-0,100*	-0,138**	-0,131**	-0,085
C	-0,190**	-0,233**	-0,214**	-0,171**	-0,156**	-0,209**	-0,132**
E	-0,151**	-0,211**	-0,242**	-0,177**	-0,212**	-0,154**	-0,154**
F	-0,195**	-0,199**	-0,280**	-0,193**	-0,202**	-0,243**	-0,142**
G	-0,149**	-0,216**	-0,202**	-0,159**	-0,125*	-0,167**	-0,161**
H	-0,239**	-0,241**	-0,237**	-0,182**	-0,203**	-0,173**	-0,180**
I	0,161**	0,220**	0,119*	0,198**	0,085	0,128*	0,160**
L	-0,216**	-0,193**	-0,242**	-0,200**	-0,226**	-0,243**	-0,161**
M	-0,218**	-0,212**	-0,237**	-0,211**	-0,228**	-0,133**	-0,124*
N	-0,156**	-0,188**	-0,170**	-0,192**	-0,147**	-0,183**	-0,133**
O	-0,107*	-0,173**	-0,167**	-0,131**	-0,178**	-0,067	-0,135**
Q1	-0,175**	-0,220**	-0,227**	-0,218**	-0,172**	-0,200**	-0,161**

Табл. 4. Продолжение

Показатели	Стресс, связанный с будущим	Стресс от академической конкуренции	Стресс от учебных результатов	Стресс от учебной атмосферы	Стресс от нагрузки по домашним заданиям	Стресс от условий обучения	Стресс от семейных ожиданий
Q2	-0,168**	-0,190**	-0,187**	-0,177**	-0,167**	-0,221**	-0,190**
Q3	-0,132**	-0,122*	-0,155**	-0,093	-0,142**	-0,153**	-0,080
Q4	-0,247**	-0,193**	-0,192**	-0,200**	-0,236**	-0,195**	-0,199**

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Table 4. Pearson correlation coefficients between personality characteristics and academic stress

Index	Stress from the future	Stress from academic competition	Stress from academic performance	Stress from the learning environment	Stress from the home-work load	Stress from the learning environment	Stress from family expectations
A	-0.246**	-0.224**	-0.204**	-0.159**	-0.223**	-0.211**	-0.173**
B	-0.172**	-0.116*	-0.156**	-0.100*	-0.138**	-0.131**	-0.085
C	-0.190**	-0.233**	-0.214**	-0.171**	-0.156**	-0.209**	-0.132**
E	-0.151**	-0.211**	-0.242**	-0.177**	-0.212**	-0.154**	-0.154**
F	-0.195**	-0.199**	-0.280**	-0.193**	-0.202**	-0.243**	-0.142**
G	-0.149**	-0.216**	-0.202**	-0.159**	-0.125*	-0.167**	-0.161**
H	-0.239**	-0.241**	-0.237**	-0.182**	-0.203**	-0.173**	-0.180**
I	0.161**	0.220**	0.119*	0.198**	0.085	0.128*	0.160**
L	-0.216**	-0.193**	-0.242**	-0.200**	-0.226**	-0.243**	-0.161**
M	-0.218**	-0.212**	-0.237**	-0.211**	-0.228**	-0.133**	-0.124*
N	-0.156**	-0.188**	-0.170**	-0.192**	-0.147**	-0.183**	-0.133**
O	-0.107*	-0.173**	-0.167**	-0.131**	-0.178**	-0.067	-0.135**
Q1	-0.175**	-0.220**	-0.227**	-0.218**	-0.172**	-0.200**	-0.161**
Q2	-0.168**	-0.190**	-0.187**	-0.177**	-0.167**	-0.221**	-0.190**
Q3	-0.132**	-0.122*	-0.155**	-0.093	-0.142**	-0.153**	-0.080
Q4	-0.247**	-0.193**	-0.192**	-0.200**	-0.236**	-0.195**	-0.199**

Note: * — $p < 0.05$ ** — $p < 0.01$.

Для определения конкретной формы взаимосвязи между этими личностными факторами и факторами стресса был проведен регрессионный анализ и получены регрессионные модели для двух групп выборок.

Регрессионная модель для российской выборки: академический стресс = $162,983 - 0,571A - 0,065B - 0,822C - 0,385E - 1,856F^{**} - 0,581G - 0,763H + 2,436I^{**} - 0,573L + 0,201M - 0,032N + 0,594O - 0,482Q1 - 0,669Q2 - 0,138Q3 - 0,689Q4$. Коэффициент детерминации составляет 0,394 и показывает, что независимая переменная может объяснить около 39,4 % индекса изменения стресса. Судя по графику остаточного распределения, стандартизованное остаточное распределение находится около значения 0, в основном показывая симметричное распределение вверх и вниз. Характеристики распределения не меняются с увеличе-

нием прогнозируемого значения, что означает, что дисперсия данных однородна и условия независимости соблюдены. Мы замечаем, что фактор F (благоразумие, осторожность) имеет значимую отрицательную корреляцию с академическим стрессом, в то время как фактор I (чувствительность) имеет значимую положительную корреляцию с академическим стрессом. Это означает, что благоразумие и осторожность снижают уровень академического стресса у российской выборки китайских студентов, в то время как чувствительность увеличивает их уровень академического стресса. Таким образом, благоразумие и осторожность становятся предикторами, сообщающими о прогнозируемой возможности снижения уровня академического стресса, а чувствительность позволяет прогнозировать их усиление (табл. 5; рис. 2).

Табл. 5. Влияние личностных факторов на стресс (русской выборки)

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-значение	Pr(> t)
Константа	162,983	4,378	37,228	0,000**
A (открытость)	-0,571	0,591	-0,966	0,335
B (интеллект)	-0,065	0,919	-0,07	0,944
C (эмоциональная стабильность)	-0,822	0,537	-1,529	0,128
E (самостоятельность)	-0,385	0,505	-0,763	0,446
F (беспечность)	-1,856	0,47	-3,951	0,000**
G (ответственность)	-0,581	0,675	-0,86	0,391
H (смелость)	-0,763	0,613	-1,245	0,215
I (чувствительность)	2,436	0,511	4,772	0,000**
L (подозрительность)	-0,573	0,551	-1,039	0,300
M (мечтательность)	0,201	0,523	0,383	0,702
N (дипломатичность)	-0,032	0,533	-0,059	0,953
O (тревожность)	0,594	0,477	1,246	0,214
Q1 (радикализм)	-0,482	0,561	-0,86	0,391
Q2 (независимость)	-0,669	0,684	-0,978	0,329
Q3 (целенаправленность)	-0,138	0,611	-0,225	0,822
Q4 (напряженность)	-0,689	0,546	-1,26	0,209

Стандартная ошибка остатков: 4,378 на 185 степенях свободы
 Множественный R-квадрат: 0,394, скорректированный R-квадрат: 0,342
 F-statistic: 7,52 на 16 и 201 степенях свободы, p: < 0,001

Table 5. The influence of personality factors on stress (Russian sample)

Variable	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	162.983	4.378	37.228	0.000**
A (Warmth)	-0.571	0.591	-0.966	0.335
B (Reasoning)	-0.065	0.919	-0.07	0.944
C (Emotional Stability)	-0.822	0.537	-1.529	0.128
E (Dominance)	-0.385	0.505	-0.763	0.446
F (Liveliness)	-1.856	0.47	-3.951	0.000**
G (Rule Consciousness)	-0.581	0.675	-0.86	0.391
H (Social Boldness)	-0.763	0.613	-1.245	0.215
I (Sensitivity)	2.436	0.511	4.772	0.000**
L (Vigilance)	-0.573	0.551	-1.039	0.300
M (Abstractedness)	0.201	0.523	0.383	0.702
N (Privateness)	-0.032	0.533	-0.059	0.953
O (Apprehension)	0.594	0.477	1.246	0.214
Q1 (Openness to Change)	-0.482	0.561	-0.86	0.391
Q2 (Self Reliance)	-0.669	0.684	-0.978	0.329
Q3 (Perfectionism)	-0.138	0.611	-0.225	0.822
Q4 (Tension)	-0.689	0.546	-1.26	0.209

Residual standard error: 4.378 on 185 degrees of freedom.
 Multiple R-squared: 0.394, Adjusted R-squared: 0.342.
 F-statistic: 7.52 on 16 and 201 DF, p-value: < 0.001.

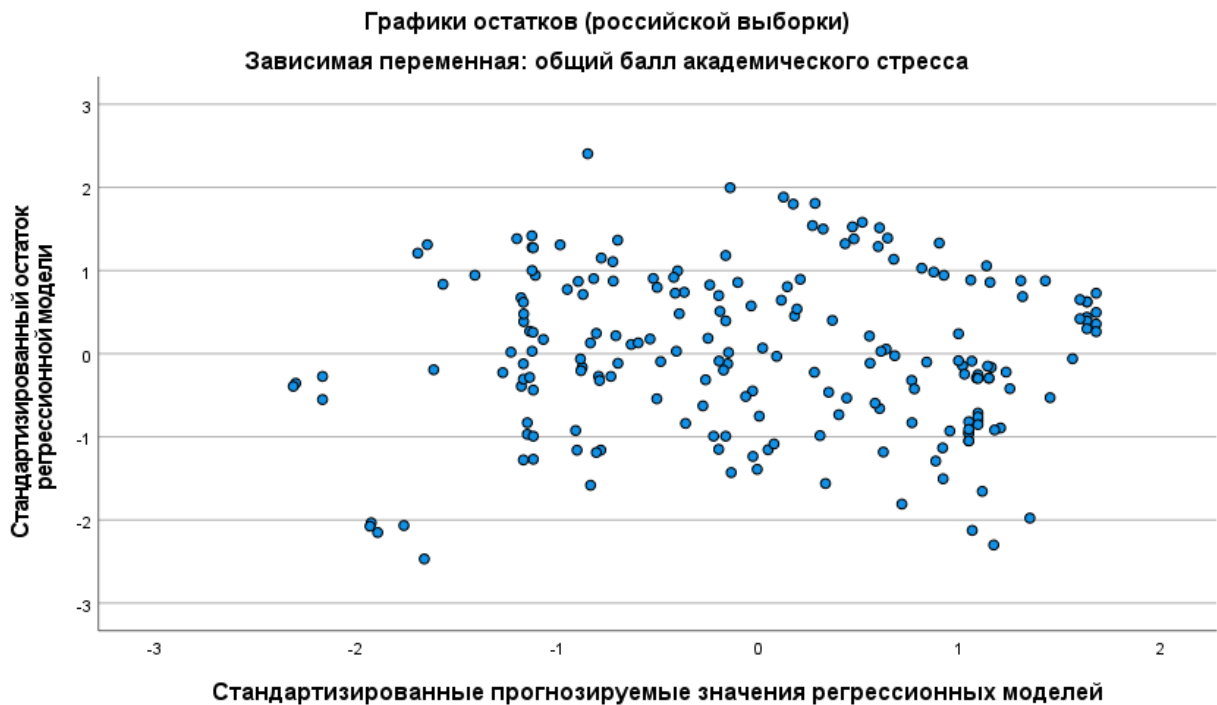

Рис. 2. Стандартизованный остаток регрессионной модели (русской выборки)

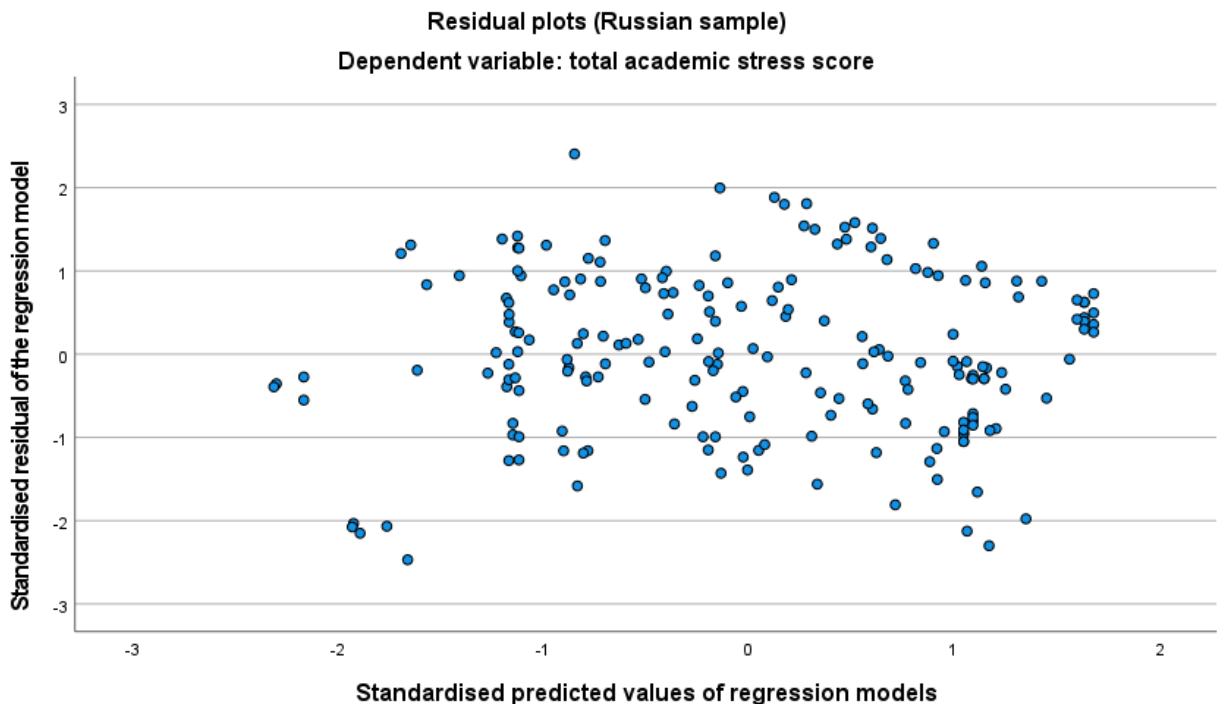

Fig. 2. Standardized residual of the regression model (Russian sample)

Регрессионная модель для китайской выборки: академический стресс = $147,197 - 1,403A^* - 0,758B - 0,354C + 0,221E + 0,138F - 0,138G - 0,762H + 4,561I^{**} - 1,452L^* - 1,285M - 0,776N - 0,692O + 0,026Q1 + 1,561Q2 + 0,816Q3 - 1,727Q4^*$. Коэффициент детерминации составляет 0,321, показывает, что независимая переменная может

объяснить около 32,1 % индекса изменения стресса. График остаточного распределения указывает на однородность дисперсии данных и соблюдение условий независимости. Мы отмечаем значимую отрицательную корреляцию факторов А (открытость), L (доверчивость) и Q4 (напряженность) с академическим стрессом,

а также значимую положительную корреляцию фактора I (чувствительность) с академическим стрессом. Это означает, что открытость, доверчивость и напряженность снижают уровень академического стресса у китайских студентов, в то время как чувствительность увеличивает их уровень академического стресса. Можно

сделать вывод, что повышение уровня открытости, доверчивости и уровня напряженности становятся предикторами снижения уровня академического стресса, а повышение уровня чувствительности позволяет прогнозировать возможность повышения уровня академического стресса (табл. 6; рис. 3).

Табл. 6. Влияние личностных факторов на стресс (китайской выборки)

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-значение	Pr(> t)
Константа	147,197	5,334	27,595	0,000**
A (открытость)	-1,403	0,701	-2,003	0,047*
B (интеллект)	-0,758	1,019	-0,744	0,458
C (эмоциональная стабильность)	-0,354	0,721	-0,49	0,624
E (самостоятельность)	0,221	0,632	0,349	0,727
F (беспечность)	0,138	0,615	0,225	0,822
G (ответственность)	-0,138	0,804	-0,171	0,864
H (смелость)	-0,762	0,732	-1,04	0,300
I (чувствительность)	4,56	0,687	6,637	0,000**
L (подозрительность)	-1,452	0,73	-1,988	0,048*
M (мечтательность)	-1,285	0,662	-1,939	0,054
N (дипломатичность)	-0,776	0,629	-1,234	0,219
O (тревожность)	-0,692	0,634	-1,092	0,276
Q1 (радикализм)	0,026	0,685	0,038	0,970
Q2 (независимость)	1,561	0,855	1,825	0,070
Q3 (целенаправленность)	0,816	0,766	1,065	0,288
Q4 (напряженность)	-1,727	0,695	-2,487	0,014*

Стандартная ошибка остатков: 5,334 на 184 степенях свободы
 Множественный R-квадрат: 0,321, скорректированный R-квадрат: 0,261
 F-statistic: 5,426 на 16 и 200 степенях свободы, p: < 0,001

Table 6. The influence of personality factors on stress (Chinese sample)

Variable	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	147.197	5.334	27.595	0.000**
A (Warmth)	-1.403	0.701	-2.003	0.047*
B (Reasoning)	-0.758	1.019	-0.744	0.458
C (Emotional Stability)	-0.354	0.721	-0.49	0.624
E (Dominance)	0.221	0.632	0.349	0.727
F (Liveliness)	0.138	0.615	0.225	0.822
G (Rule Consciousness)	-0.138	0.804	-0.171	0.864
H (Social Boldness)	-0.762	0.732	-1.04	0.300
I (Sensitivity)	4.56	0.687	6.637	0.000**
L (Vigilance)	-1.452	0.73	-1.988	0.048*
M (Abstractedness)	-1.285	0.662	-1.939	0.054
N (Privateness)	-0.776	0.629	-1.234	0.219
O (Apprehension)	-0.692	0.634	-1.092	0.276
Q1 (Openness to Change)	0.026	0.685	0.038	0.970

Table 6. Completion

Variable	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
Q2 (Self Reliance)	1.561	0.855	1.825	0.070
Q3 (Perfectionism)	0.816	0.766	1.065	0.288
Q4 (Tension)	-1.727	0.695	-2.487	0.014*

Residual standard error: 5.334 on 184 degrees of freedom.
 Multiple R-squared: 0.321, Adjusted R-squared: 0.261.
 F-statistic: 5.426 on 16 and 200 DF, p-value: < 0.001.

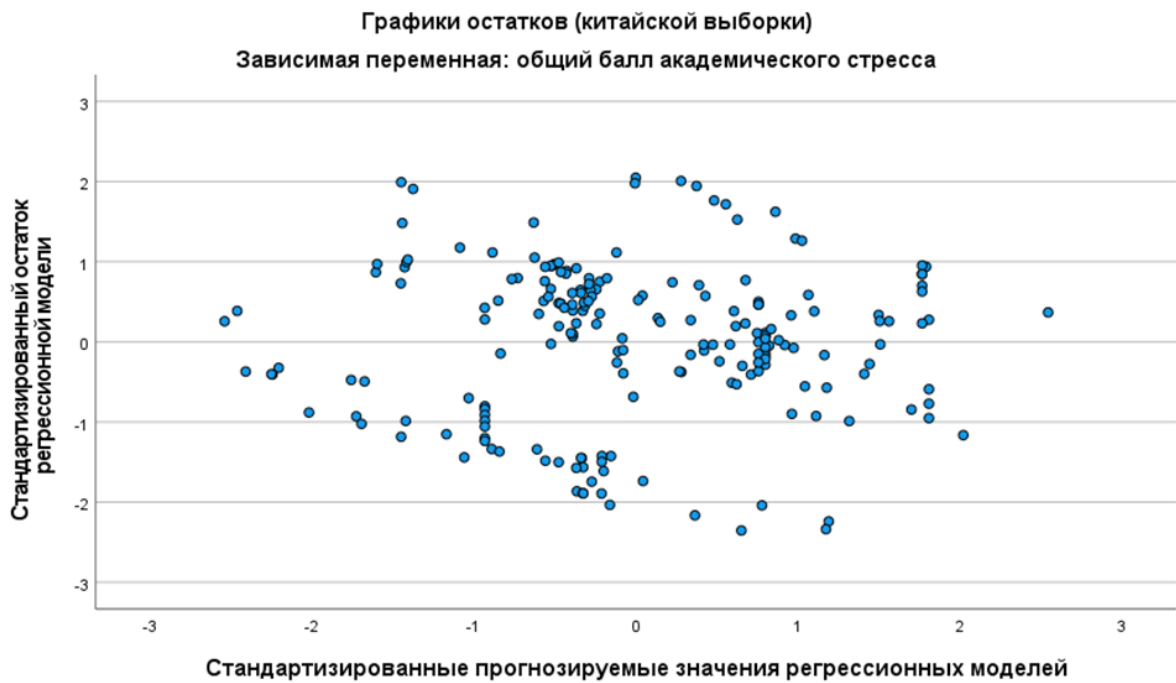

Рис. 3. Стандартизованный остаток регрессионной модели (китайской выборки)

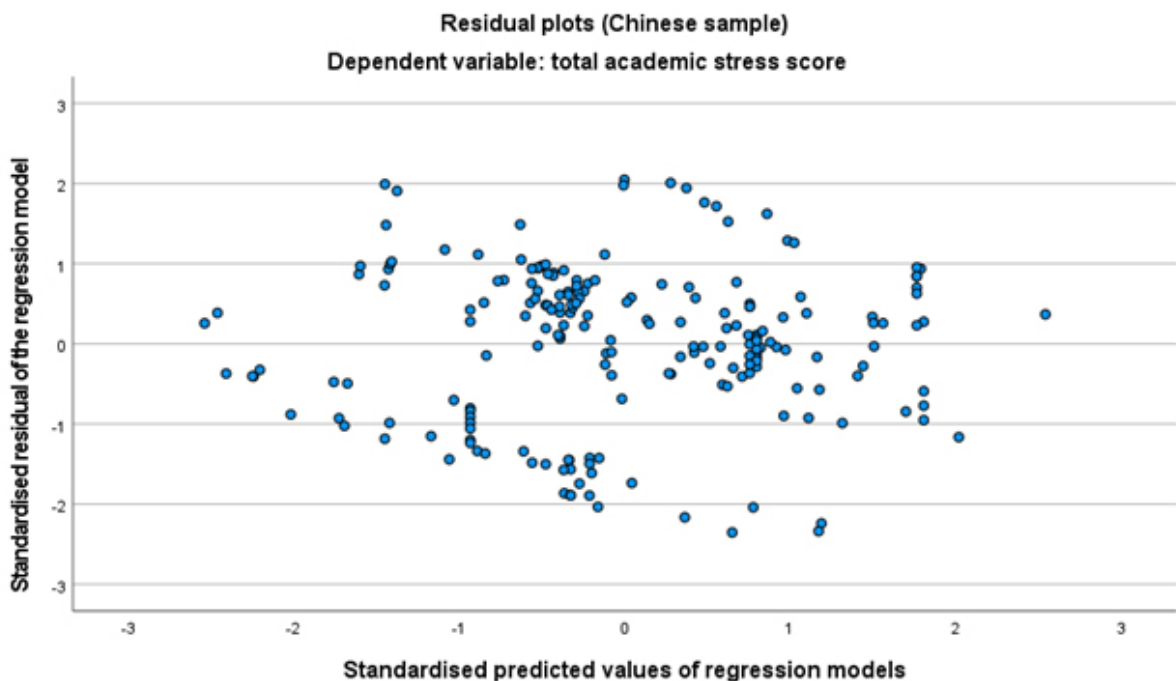

Fig. 3. Standardized residual of the regression model (Chinese sample)

Важная роль в снижении вероятности появления академического стресса отводится коммуникативной деятельности. Как отмечает И. О. Куваева, широкая социальная сеть в китайской культуре выполняет функции эмоциональной регуляции, разрешения проблемы, расслабления и т. д. (Куваева 2016). Этих возможностей лишены студенты, обучающиеся в России, т. к. круг их общения ограничен небольшим количеством земляков. Получается «порочный круг»: для повышения качества обучения нужно хорошо знать русский язык, а возникающие академические и психологические проблемы решаются в ограниченном кругу друзей на китайском языке.

Выводы

В ходе исследования было установлено, что по сравнению с китайскими студентами, обучающимися в Китае, китайские студенты, обучающиеся в России, испытывают значительно больший стресс по четырем аспектам: связь с будущим, академическая конкуренция, атмосфера обучения и учебные условия.

Стратегии совладания с академическим стрессом у китайских студентов, обучающихся в России и в Китае, в основном схожи, однако вероятность того, что студенты из КНР выберут стратегию «избегание», выше, чем у студентов из России, которые предпочитают прямое противостояние стрессорам.

Выявлены различия в предикторах и ресурсах преодоления академического стресса в выборках китайских студентов, обучающихся в РФ и КНР. У студентов, обучающихся в России, повышение уровня благоразумия и осторожности становятся предикторами, сообщающими о прогнозируемой возможности снижения уровня академического стресса, а увеличение уровня чувствительности позволяет прогнозировать его усиление. У студентов, обучающихся в Китае, повышение уровня открытости, доверчивости и оптимального уровня напряженности становятся предикторами снижения уровня академического стресса, а повышение уровня чувствительности позволяет прогнозировать возможность усиления академического стресса.

Полученные результаты, выявляющие содержание академического стресса, его предикторы и способы преодоления у студентов, обучающихся в России и КНР, могут служить основанием для определения мишеней психологической помощи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interests, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Вклад авторов

Павел Николаевич Виноградов — утверждение методологии; научное руководство; формулировка выводов; подготовка окончательной редакции текста.

Сяоюй Сюй — подготовка инструментария опроса; анализ эмпирических материалов; обработка данных; формулировка выводов, подготовка начального варианта текста.

Author Contributions

Pavel Nikolaevich Vinogradov — methodology approval, research management, formulation of conclusions, preparation of the final version of the manuscript.

Xiaoyu Xu — preparation of survey instruments, analysis of empirical materials, data processing, formulation of conclusions, preparation of the first draft of the manuscript.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data are available upon request submitted to the corresponding author.

Литература

- Анолли, Л. (2016) *Психология культуры*. Харьков: Гуманитарный центр, 480 с.
- Баранов, А. А., Малахова, О. Н., Жученко, О. А. (2023) Самооценка академических достижений в экзаменационной ситуации и личностные особенности студентов возрастного периода молодости. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, т. 12, № 2 (46), с. 102–113. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-2-102-113>
- Ван, С. (2017) *Личностный адаптационный ресурс китайских студентов-первокурсников*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук. СПб., Санкт-Петербургский государственный университет, 22 с. EDN: [ZQEMMF](#)
- Волкова, Е. В., Куваева, И. О. (2022) Мера иерархичности концепта *Стресс* и совладающее поведение у первокурсников разных культур. *Сибирский психологический журнал*, № 86, с. 48–65. <http://dx.doi.org/10.17223/17267080/86/3>
- Гараева, Д. Р. (2023) Понятие стресса и его виды. В кн.: И. И. Ивановская, М. В. Поснова (ред.). *Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. Сборник статей XXXV Международной научно-практической конференции*. Петрозаводск: Новая Наука, с. 183–188.
- Даниленко, О. И., Сюй, И. (2016) Субъективное благополучие китайских студентов на разных этапах обучения в вузах России и Китая. *Российский психологический журнал*, т. 13, № 4, с. 137–156. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.4.8>
- Ермасов, Е. В. (2009) Психологический стресс в условиях изоляции. *Развитие личности*, № 2, с. 84–99. EDN: [KZDRUJ](#)
- Куваева, И. О. (2016) Взаимосвязь концепта стресс и стратегий совладания: кросскультурные различия. В кн.: Ю. И. Александров, К. В. Анохин (ред.). *Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов*. Светлогорск: Институт психологии РАН, с. 701–703. EDN: [WGYYSF](#)
- Куваева, И. О. (2020) *Соотношение организации концепта Стресс и совладающего поведения у студентов разных этнокультурных групп*. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. М., Институт психологии РАН, 263 с.
- Куваева, И. О., Абитов, И. Р. (2016) Учебно-профессиональные и национальные ресурсы преодоления трудных ситуаций. В кн.: Т. А. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова (ред.). *Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие. Материалы IV Международной научной конференции*. Т. 1. Кострома: Изд-во Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, с. 218–220. EDN: [XIOONH](#)
- Лыкова, Н. М., Чжан, Л., Янь, Ш. (2011) Стили совладающего поведения и смысло-жизненные ориентации китайских студентов в период адаптации к обучению в университете в России и на родине. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, № 3, с. 19–28. EDN: [OCSNMP](#)
- Марютина, Т. М., Ермолаев, О. Ю., Трубников, В. И. (1998) О природе психологических предикторов. *Психологическая наука и образование*, т. 3, № 1, с. 27–34.
- Матюшкина, Е. Я. (2016) Учебный стресс у студентов при разных формах обучения. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 24, № 2 (91), с. 47–63. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240204>
- Мо, Ц. (2021) Ресурсы и риски психологической адаптации китайских студентов при обучении в российском вузе. *Мир науки. Педагогика и психология*, т. 9, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN221.pdf> (дата обращения 27.07.2024).
- Нефедова, И. В. (2019) Профилактика академического стресса студентов первого курса вуза как педагогическая проблема: гендерные аспекты. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, т. 8, № 1 (26), с. 202–206. EDN: [ZAAIRN](#)
- Петанова, Е. И., Лю, Ц. (2016) Взаимосвязи адаптированности и когнитивно-поведенческих качеств личности (на примере российских и китайских студентов-первокурсников). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*, № 2, с. 59–66. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.207>
- Постылякова, Ю. В. (2018) Индивидуальная и академическая жизнеспособность студентов. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, т. 15, № 4, с. 147–152. EDN: [YSBSHR](#)
- Сабирова, Р. Ш., Умуркулова, М. М. (2020) Современное состояние изученности проблемы совладания с академическим стрессом. В кн.: Т. С. Комарова (ред.). *Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований. Сборник трудов Международной научно-практической конференции «XV Левитовские чтения»*. Т. 3. М.: Перо, с. 710–716. EDN: [OHUICA](#)
- Семина, М. В., Федорова, Е. П. (2023) Проявление академического стресса у студентов: теоретические аспекты исследования. *Северо-Кавказский психологический вестник*, т. 21, № 3, с. 63–74. EDN: [WSUSXV](#)
- Сюй, И. (2019) Личностные характеристики китайских студентов с разным уровнем субъективного благополучия. *Общество: социология, психология, педагогика*, № 5 (61), с. 56–60. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.5.11>
- Тарабрина, Н. В., Харламенкова, Н. Е., Падун, М. А. и др. (2017) *Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности*. М.: Институт психологии РАН, 344 с.

- Тихонова, Е. А. (2021) Подходы к изучению понятия совладающего поведения в отечественных и зарубежных научных исследованиях. *Психолог*, № 6, с. 1–11. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37005>
- Фидиркина, В. Н., Барина, О. Г. (2021) Феномен академического стресса и психологическое благополучие студентов-медиков. *Scientist (Russia)*, № 4 (18), статья 35. EDN: WTZDWG
- Холмогорова, А. Б., Гаранян, Н. Г., Евдокимова, Я. Г., Москова, М. В. (2009a) Психологические факторы эмоциональной дезадаптации у студентов. *Вопросы психологии*, № 3, с. 16–26. EDN: NDAKBH
- Холмогорова, А. Б., Гаранян, Н. Г., Горшкова, Д. А., Мельник, А. М. (2009b) Суицидальное поведение в студенческой популяции. *Культурно-историческая психология*, № 3, с. 101–110. EDN: MVJAWP
- Цветкова, Л. А. (2024) Предметный фокус исследований в области психологии образования в изучении проблем благополучия человека. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 1, с. 5–8. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-1-5-8>
- Carveth, J. A., Gesse, T., Moss, N. (1996) Survival strategies for nurse-midwifery students. *Journal of Nurse-Midwifery*, vol. 41, no. 1, pp. 50–54. [https://doi.org/10.1016/0091-2182\(95\)00072-0](https://doi.org/10.1016/0091-2182(95)00072-0)
- Covington, M. V. (2007) A motivational analysis of academic life in college. In: R. P. Perry, J. C. Smart (eds.). *The scholarship of teaching and learning in higher education: An evidence-based perspective*. Dordrecht: Springer Publ., pp. 661–729. https://doi.org/10.1007/1-4020-5742-3_15
- Folkman, S. (2013) Stress: Appraisal and coping. In: M. D. Gellman, J. R. Turner (eds.). *Encyclopedia of behavioral medicine*. New York: Springer Publ., pp. 1913–1915. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1005-9_215
- Kuvaeva, I. O., Achan, N. M., Lozovskaya, K. B. (2017) University students: Connection between representations of stress and coping strategies. *Changing Societies & Personalities*, vol. 1, no. 3, pp. 271–283. <http://dx.doi.org/10.15826/csp.2017.1.3.019>
- Pearlin, L. I., Menaghan, E. G., Lieberman, M. A., Mullan, J. T. (1981) The stress process. *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 22, no. 4, pp. 337–356. <http://dx.doi.org/10.2307/2136676>
- 崔雪莹 (2020) 本科生学业压力调研与分析. 硕士学位论文. 长沙, 湖南大学. [在线]. 网址: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CMFD202201&filename=1020404022.nh> (2024年7月10日访问)。
- 杜红梅, 汪红焯, 罗毅 (2008) 生活重大事件应对方式与小學生人格特质的相关性分析. *中国学校卫生*, 第29卷, 第3期, 第203–207页。
- 林崇德, 杨治良, 黄希庭 (2003) *心理学大辞典*. 上海: 上海教育出版社. 共2261页。
- 田澜, 邓琪 (2007) 大学生学习压力感问卷的初步编制. *中华行为医学与脑科学杂志*, 第16卷, 第8期, 第753–755页. <https://doi.org/10.3760/cma.j.issn.1674-6554.2007.08.034>
- 肖计划, 许秀峰 (1996) “应付方式问卷”效度与信度研究. *中国心理卫生杂志*: 第4期, 第164–168页. <http://doi.org/cnki:sun:zxws.0.1996-04-008>
- 阴国恩 (1993) 学习负担的心理分析. *天津师大学报 (社会科学版)*: 第2期, 第31–37页. DOI: CNKI: SUN: TJSS.0.1993-02-005.
- 祝蓓里, 戴忠恒 (1988) 卡氏十六种人格因素中国常模的修订. *心理科学通讯*, 第6期, 第16–20页. <http://doi.org/10.16719/j.cnki.1671-6981.1988.06.004>

References

- Anolli, L. (2016) *Psikhologiya kul'tury [Psychology of culture]*. Kharkiv: Humanitarian Centre Publ., 480 p. (In Russian)
- Baranov, A. A., Malakhova, O. N., Zhuchenko, O. A. (2023) Samoosnena akademicheskikh dostizhenij v ekzamenatsionnoj situatsii i lichnostnye osobennosti studentov vozrastnogo perioda molodosti [Self-assessment of academic achievements in the examination situation and personality traits of students of the youth age period]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya — Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, vol. 12, no. 2 (46). pp. 102–113. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-2-102-113> (In Russian)
- Carveth, J. A., Gesse, T., Moss, N. (1996) Survival strategies for nurse-midwifery students. *Journal of Nurse-Midwifery*, vol. 41, no. 1, pp. 50–54. [https://doi.org/10.1016/0091-2182\(95\)00072-0](https://doi.org/10.1016/0091-2182(95)00072-0) (In English)
- Covington, M. V. (2007) A motivational analysis of academic life in college. In: R. P. Perry, J. C. Smart (eds.). *The scholarship of teaching and learning in higher education: An evidence-based perspective*. Dordrecht: Springer Publ., pp. 661–729. https://doi.org/10.1007/1-4020-5742-3_15 (In English)
- Cui, X. (2020) *Benkesheng xueye yali diaoyan yu fenxi [Investigation and analysis of undergraduate research in academic stress]. Master's thesis (Education)*. Changsha, Hunan University. [Online]. Available at: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CMFD202201&filename=1020404022.nh> (accessed 10.07.2024). (In Chinese)
- Danilenko, O. I., Syui, I. (2016) Sub'ektivnoe blagopoluchie kitajskikh studentov na raznykh etapakh obucheniya v vuzakh Rossii i Kitaya [Subjective well-being of Chinese students at different stages of training in institutes of higher education of Russia and China]. *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal — Russian Psychological Journal*, vol. 13, no. 4, pp. 137–156. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.4.8> (In Russian)
- Du, H., Wang, H., Luo, Y. (2008) Shenghuo zhongda shijian yingdui fangshi yu xiaoxuesheng renge tezhi de xiangguanxing fenxi [Correlation analysis between coping styles for major life events and primary school student's personality traits]. *Zhongguo xuexiao weisheng — China School Health*, vol. 29, no. 3, pp. 203–207. (In Chinese)
- Ermasov, E. V. (2009) Psikhologicheskij stress v usloviyakh izolyatsii [Psychological stress in conditions of isolation]. *Razvitie lichnosti — Development of Personality*, no. 2, pp. 84–99. (In Russian)

- Fidirkina, V. N., Barinova, O. G. (2021) Fenomen akademicheskogo stressa i psikhologicheskoe blagopoluchie studentov-medikov [The phenomenon of academic stress and psychological well-being of medical students]. *Scientist (Russia)*, no. 4 (18), article 35. (In Russian)
- Folkman, S. (2013) Stress: Appraisal and coping. In: M. D. Gellman, J. R. Turner (eds.). *Encyclopedia of behavioral medicine*. New York: Springer Publ., pp. 1913–1915. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-1005-9_215 (In English)
- Garaeva, D. R. (2023) Ponyatie stressa i ego vidy [The concept of stress and its types]. In: I. I. Ivanovskaya, M. V. Posnova (eds.). *Fundamental'naya i prikladnaya nauka: sostoyanie i tendentsii razvitiya. Sbornik statej XXXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [Fundamental and applied science: The state and trends of development. Collection of articles of the XXXV International scientific and practical conference]*. Petrozavodsk: Novaya Nauka Publ., pp. 183–188. (In Russian)
- Kholmogorova, A. B., Garanian, N. G., Evdokimova, Ya. G., Moscovia, M. V. (2009a) Psikhologicheskie faktory emotsional'noj dezadaptatsii u studentov [Psychological factors of emotional maladjustment in students]. *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 16–26. (In Russian)
- Kholmogorova, A. B., Garanyan, N. G., Gorshkova, D. A., Melnik, A. M. (2009b) Suitsidal'noe povedenie v studencheskoj populyatsii [Suicidal behavior in the student population]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya — Cultural-Historical Psychology*, no. 3, pp. 101–110. (In Russian)
- Kuvaeva, I. O. (2016) Vzaimosvyaz' kontsepta stressa i strategij sovladaniya: krosskul'turnye razlichiya [Relationship of stress concept and coping strategies: Cross-cultural differences]. In: Yu. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin (eds.). *Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoj nauke: tezisy dokladov [The seventh international conference on cognitive science: Abstracts]*. Svetlogorsk: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., pp. 701–703. (In Russian)
- Kuvaeva, I. O. (2020) Sootnoshenie organizatsii kontsepta Stress i sovladayushchego povedeniya u studentov raznykh etnokul'turnykh grupp [Correlation of Stress concept organisation and coping behaviour in students of different ethnocultural groups]. *PhD dissertation (Psychology)*. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 263 p. (In Russian)
- Kuvaeva, I. O., Abitov, I. R. (2016) Uchebno-professional'nye i natsional'nye resursy preodoleniya trudnykh situatsij [Educational and national resources of overcoming difficult situations]. In: T. L. Kryukova, M. V. Saporovskaya, S. A. Khazova (eds.). *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitie. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [Psychology of stress and coping behaviour: Resources, health, development. Proceedings of the IV International scientific conference]*. Vol. 1. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University Publ., pp. 218–220. (In Russian)
- Kuvaeva, I. O., Achan, N. M., Lozovskaya, K. B. (2017) University students: Connection between representations of stress and coping strategies. *Changing Societies & Personalities*, vol. 1, no. 3, pp. 271–283. <http://dx.doi.org/10.15826/csp.2017.1.3.019> (In English)
- Lin, C. D., Yang, Z. L., Huang, X. T. (2003) *Xinlixue da cidian [The comprehensive dictionary of psychology]*. Shanghai: Shanghai Education Publ., 2261 p. (In Chinese)
- Lykova, N. M., Zhang, L., Yan, Sh. (2011) Stili sovladayushchego povedeniya i smyslozhiznennyye orientatsii kitajskikh studentov v period adaptatsii k obucheniyu v universitete v Rossii i na rodine [Styles of coping and life meaning orientations of Chinese students during the period of adaptation to studying at university in Russia and in their home country]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika — RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 3, pp. 19–28. (In Russian)
- Maryutina, T. M., Ermolaev, O. Yu., Trubnikov, V. I. (1998) O prirode psikhologicheskikh prediktorov [On the nature of psychological predictors]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, vol. 3, no. 1, pp. 27–34. (In Russian)
- Matyushkina, E. Ya. (2016) Uchebnyj stress u studentov pri raznykh formakh obucheniya [Academic stress of students with different forms of learning]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 24, no. 2 (91), pp. 47–63. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240204> (In Russian)
- Mo, J. (2021) Resursy i riski psikhologicheskoy adaptatsii kitajskikh studentov pri obuchenii v rossijskom vuze [Resources and risks of psychological adaptation of Chinese students when studying at a Russian university]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 9, no. 2. [Online]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN221.pdf> (accessed 27.07.2024). (In Russian)
- Nefedova, I. V. (2019) Profilaktika akademicheskogo stressa studentov pervogo kursa vuza kak pedagogicheskaya problema: gendernyye aspekty [Prevention of academic stress for first-year students of the university as a pedagogical issue: The gender dimension]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya — Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 8, no. 1 (26), pp. 202–206. EDN: [ZAAIRN](https://doi.org/10.26907/2542-0426.2019.8.1.202-206) (In Russian)
- Pearlin, L. I., Menaghan, E. G., Lieberman, M. A., Mullan, J. T. (1981) The stress process. *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 22, no. 4, pp. 337–356. <http://dx.doi.org/10.2307/2136676> (In English)
- Petanova, E. I., Liu, C. (2016) Vzaimosvyazi adaptirovannosti i kognitivno-povedencheskikh kachestv lichnosti (na primere rossijskikh i kitajskikh studentov-pervokursnikov) [The relationship of adaptability and the cognitive-behavioral qualities of the personality (on the example of Russian and Chinese first-year students)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, no. 2, pp. 59–66. (In Russian)

- Postylyakova, Yu. V. (2018) Individual'naya i akademicheskaya zhiznesposobnost' studentov [Individual and academic resilience of students]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke — The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. 15, no. 4, pp. 147–152. (In Russian)
- Sabirova, R. Sh., Umurkulova, M. M. (2020) Sovremennoe sostoyanie izuchennosti problemy sovladaniya s akademicheskim stressom [The current state of knowledge of the problem of coping with academic stress]. In: T. S. Komarova (ed.). *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, psikhologo-pedagogicheskikh i pedagogicheskikh issledovaniy. Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "XV Levitovskie chteniya". T. 3 [Actual problems of the theory and practice of psychological, psychological, pedagogical and pedagogical research. Proceedings of the International scientific and practical conference "XV Levitov readings". Vol. 3]*. Moscow: Pero Publ., pp. 710–716. (In Russian)
- Semina, M. V., Fedorova, E. P. (2023) Proyavlenie akademicheskogo stressa u studentov: teoreticheskie aspekty issledovaniya [Manifestation of academic stress in students: Theoretical aspects of the study]. *Severo-kavkazskiy psikhologicheskij vestnik*, vol. 21, no. 3, pp. 63–74. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2023.3.5> (In Russian)
- Tarabrina, N. V., Kharlamenkova, N. E., Padun, M. A. et al. (2017) *Intensivnyj stress v kontekste psikhologicheskoy bezopasnosti [Intense stress in the context of psychological safety]*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 344 p. (In Russian)
- Tian, L., Deng, Q. (2007) Daxuesheng xuexi yaligan wenjuan de chubu bianzhi [Development of learning stress inventory for college students]. *Zhonghua xingwei yixue yu naokexue zazhi — Chinese Journal of Behavioral Medicine and Brain Science*, vol. 16, no. 8, pp. 753–755. <https://doi.org/10.3760/cma.j.issn.1674-6554.2007.08.034> (In Chinese)
- Tikhonova, E. A. (2021) Podkhody k izucheniyu ponyatiya sovladayushchego povedeniya v otechestvennykh i zarubezhnykh nauchnykh issledovaniyakh [Approaches towards studying the concept of coping behavior in Russian and foreign scientific research]. *Psikholog — Psychologist*, no. 6, pp. 1–11. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37005> (In Russian)
- Tsvetkova, L. A. (2024) Predmetnyj fokus issledovaniy v oblasti psikhologii obrazovaniya v izuchenii problem blagopoluchiya cheloveka [Research in educational psychology: A spotlight on human well-being]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 6, no. 1, pp. 5–8. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-1-5-8> (In Russian)
- Volkova, E. V. Kuvaeva, I. O. (2022) Mera ierarkhichnosti kontsepta Stress i sovladayushchee povedenie u pervokursnikov raznykh kul'tur [The measure of hierarchy of the concept Stress and coping in freshmen of different cultures]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal — Siberian Psychological Journal*, no. 86, pp. 48–65. <http://dx.doi.org/10.17223/17267080/86/3> (In Russian)
- Wang, S. (2017) *Lichnostnyj adaptatsionnyj resurs kitajskikh studentov-pervokursnikov [Personal adaptation resource of Chinese freshmen students]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 22 p. (In Russian)
- Xiao, J., Xu, X. (1996) Yingfu fangshi wenjuan xiaodu yu xindu yanjiu [Validity and reliability study of the coping style questionnaire]. *Zhongguo xinli weisheng zazhi — Chinese Journal of Mental Health*, vol. 10, no. 4, pp. 164–168. <http://doi.org/cnki:sun:zxws.0.1996-04-008> (In Chinese)
- Xu, Y. (2019) Lichnostnye kharakteristiki kitajskikh studentov s raznym urovnem sub'ektivnogo blagopoluchiya [Personal characteristics of Chinese students with different levels of subjective well-being]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika — Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 5 (61), pp. 56–60. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.5.11> (In Russian)
- Yin, G. (1993) Xuexi fudan de xinlixue fenxi [Psychological analysis of learning burden]. *Tianjing shida xuebao (shehui kexue ban) — Journal of Tianjin Normal University (Social Sciences)*, no. 2, pp. 31–37. (In Chinese)
- Zhu, B., Dai, Z. (1988) Kashi shiliuzhong renge yinsu zhongguo changmo de xiuding [Cattell's Chinese norm of sixteen personality factors]. *Xinli kexue tongxun — Psychological Science Communications*, vol. 6, pp. 16–20. <http://doi.org/10.16719/j.cnki.1671-6981.1988.06.004> (In Chinese)

Сведения об авторах

Павел Николаевич Виноградов, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: 6143-3151, ResearcherID: E-9964-2017, ORCID: 0000-0003-0012-7813, e-mail: palvin@mail.ru

Сюй Сяоюй, магистр психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
ORCID: 0009-0003-9160-321X, e-mail: xuxiaoyu19980428@163.com

Authors

Pavel N. Vinogradov, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: 6143-3151, ResearcherID: E-9964-2017, ORCID: 0000-0003-0012-7813, e-mail: palvin@mail.ru

Xiaoyu Xu, Master's degree (Psychology), Herzen State Pedagogical University of Russia
ORCID: 0009-0003-9160-321X, e-mail: xuxiaoyu19980428@163.com

УДК 5.3.3, 5.3.2

EDN MCRZOU

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-79-87>

Научная статья

Время реакции и безопасность профессиональной деятельности (обзор зарубежных исследований)

В. А. Ефимова¹, О. А. Дружинин ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Ефимова, В. А., Дружинин, О. А. (2025) Время реакции и безопасность профессиональной деятельности (обзор зарубежных исследований). *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 79–87. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-79-87> EDN MCRZOU

Получена 27 июня 2024; прошла рецензирование 3 сентября 2024; принята 23 сентября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. А. Ефимова, О. А. Дружинин (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. В статье представлен обзор зарубежных экспериментальных исследований, посвященных использованию инструментальных сенсомоторных тестов, оценивающих время реакции. Тесты на сложные и простые сенсомоторные реакции традиционно используются для оценки исполнительных функций, а время реакции считается показателем эффективности когнитивной деятельности.

Материалы и методы. Цель обзора состояла в анализе результатов использования инструментальных сенсомоторных тестов для изучения и повышения безопасности профессиональной деятельности. **Результаты исследования.** Анализ англоязычных статей, опубликованных за последние 15 лет, демонстрирует, что оценка времени реакции успешно используется в нескольких направлениях, связанных с психологией труда. Эти направления относятся к профессиональному отбору, формам организации труда, адаптации к труду участников экстремальной деятельности, особенностям когнитивной деятельности человека при выполнении профессиональных задач, оценке работоспособности профессионалов. В обзоре приводятся результаты исследований с участием летчиков, сотрудников технических служб аэропорта, спортсменов, шахтеров, врачей-анестезиологов, госпитальных медицинских сестер, водителей автобусов. Приводятся данные о влиянии на время реакции сменной работы, продолжительности сна, различных экстремальных условий, связанных с профессиональной деятельностью. Оценка времени реакции анализируется также в качестве инструмента мониторинга состояния работника после травмы, сотрясения мозга в процессе профессиональной реабилитации. Результаты сенсомоторных тестов полезны для решения вопроса о возможности выполнения сотрудником профессиональных обязанностей в полном объеме после болезни или травмы. Актуальным является также использование оценки времени реакции для анализа изменения когнитивных функций, происходящих с возрастом, так как сейчас многие стремятся продолжать свою профессиональную деятельность после 60–70 лет. Обзор научных исследований демонстрирует, что оценка времени реакции может эффективно использоваться при разработке оптимальных режимов труда, нормировании рабочей нагрузки, профессиональной реабилитации и оценке влияния возраста, болезней, травм на когнитивные способности. Инструментальные сенсомоторные тесты удобны тем, что их можно проводить в полевых условиях, обследуя за короткое время большие выборки испытуемых.

Заключение. Использование оценки времени реакции для обеспечения безопасности профессиональной деятельности является перспективным направлением, требующим дальнейших исследований.

Ключевые слова: время реакции, когнитивная деятельность, безопасность профессиональной деятельности, режим труда, профессиональная реабилитация, простая сенсомоторная реакция, сложная сенсомоторная реакция

Research article

Reaction time and occupational safety of professional activity: Review of foreign studies

V. L. Efimova¹, O. A. Druzhinin^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Efimova, V. L., Druzhinin, O. A. (2025) Reaction time and occupational safety of professional activity: Review of foreign studies. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 79–87. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-79-87> EDN MCRZOU

Received 27 June 2024; reviewed 3 September 2024; accepted 23 September 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. L. Efimova, O. A. Druzhinin (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. The article presents an overview of foreign experimental studies on the use of instrumental sensorimotor tests for assessing reaction time. Tests for both complex and simple sensorimotor reactions are traditionally used to assess executive functions, with reaction time serving as an indicator of cognitive activity effectiveness.

Materials and Methods. The review examines the application of instrumental sensorimotor tests in research aimed at understanding and improving occupational safety.

Results. Our review of English-language publications from the past 15 years demonstrates the successful use of reaction time assessment across various domains of occupational psychology. These include professional selection, work organization strategies, adaptation to extreme work conditions, cognitive activity in job-related tasks, and the assessment of fitness for duty. The studies analyzed involve diverse professions, such as pilots, airport technical staff, athletes, miners, anesthesiologists, hospital nurses, bus drivers, and divers. The review also explores how reaction time is affected by factors such as shift work, sleep duration, and extreme working conditions. Reaction time assessment is also analyzed in terms of monitoring employees' post-injury recovery, including concussion rehabilitation. Sensorimotor tests are successfully used to determine employees' readiness to resume professional duties after illness or trauma. Further, reaction time assessment is a valuable tool for examining age-related cognitive changes, as now many individuals continue working past the age of 60–70. The review demonstrates that reaction time can contribute to optimizing work schedules, regulating workload, supporting vocational rehabilitation and evaluating the impact of aging, illness or injuries on cognitive function. Instrumental sensorimotor tests are particularly convenient because they can be performed in the field, examining a large number of subjects within a short timeframe.

Conclusions. It is concluded that reaction time assessment is a promising approach to ensuring occupational safety, warranting further research.

Keywords: reaction time, cognitive activity, occupational safety, work regime, vocational rehabilitation, simple sensorimotor reaction, complex sensorimotor reaction

Введение

Инструментальные сенсомоторные тесты, в которых измеряется время реакции, являются простым, но эффективным инструментом оценки когнитивных функций человека. Закономерности проявления психики человека во время трудовой деятельности, его профессиональное поведение могут быть связаны как с индивидуальными психофизиологическими особенностями, возрастом, так и с профессиональным опытом, а также с условиями труда.

Авторы статьи имеют многолетний опыт проведения исследований с использованием

инструментальных аппаратных сенсомоторных тестов. Осведомленность профессионального сообщества о возможностях подобных тестов в области психологии труда по-прежнему невысока. Анализ зарубежного опыта использования инструментальных сенсомоторных тестов для оценки когнитивных способностей человека представляется актуальным.

Цель настоящего обзора состояла в анализе зарубежного опыта использования инструментальных сенсомоторных тестов, определяющих время реакции, в целях оценки безопасности трудовой деятельности для индивидуума и для людей, с которыми он взаимодействует

в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей. Были обозначены следующие задачи: поиск исследований по теме обзора в поисковой системе PubMed по ключевым словам и словосочетаниям; анализ содержания статей, имеющих доказательную и экспериментальную базу по изучаемым вопросам.

Материалы и методы

Был проведен обзор научной литературе по теме за последние 10 лет. Поиск проводился в поисковой системе PubMed по вышеуказанным ключевым словам и словосочетаниям. Для анализа использованы статьи, которые содержали доказательную и экспериментальную базу по изучаемым вопросам.

Результаты

Сенсомоторные тесты для оценки времени реакции используются для того, чтобы определить степень влияния возраста, особенностей образа жизни, а также особенностей организации рабочего времени на работоспособность человека (Draheim et al. 2019; Epstein et al. 2022).

Время реакции на определенные стимулы, которое оценивается в сенсомоторных тестах, является залогом безопасности и благополучия для представителей многих профессий. Во многих случаях от времени реакции профессионала зависит жизнь других людей. Это касается пилотов, водителей, военнослужащих и других.

Например, важная проблема для пилотов — нарушение зрения, возникающее при ускорении. Оценка степени усиления этого нарушения обычно используется в качестве критерия допустимого уровня ускорения. Так, в одном из исследований приняли участие 40 пилотов-мужчин в возрасте от 32 до 41 года. Перед испытуемыми стояла задача быстро и безошибочно реагировать на световые раздражители, отображаемые на световой панели, во время ускорения до выхода на взлетно-посадочную полосу. В результате 29 пилотов успешно справились с начальной фазой интервального ускорения и достигли +6 G перегрузок, завершив тест на аэродроме. Полученные результаты свидетельствуют о значительном влиянии примененного ускорения на время реакции в сравнении с контрольными измерениями (Truszczynski et al. 2014).

В другом исследовании с помощью оценки времени реакции исследовали влияние гипоксии на эффективность работы пилотов. Пилоты выполняли тесты на визуальный выбор реакции.

Восемнадцать военных пилотов-мужчин выполнили задание в гипобарической камере на двух моделируемых высотах (92 м и 4572 м). Оценивалась скорость реакции пилотов и точность их ответов. Результаты показывают, что гипоксия увеличивала время реакции, но несмотря на это пилоты успешно выполняли зрительную задачу (Steinman et al. 2023).

Время реакции — ключевой параметр безопасности не только для пилотов, но и для технического персонала, который обслуживает самолеты. Изучалось значение времени реакции у персонала по техническому обслуживанию воздушных судов при выполнении как физической, так и умственной работы в условиях ангара для технического обслуживания. Рабочие нагрузки включали ремонт накладок на поверхности, предотвращение коррозии на сопряженных поверхностях, расчет различных размеров заклепок, проверку исправленной обшивки и сверление необходимых отверстий в предполагаемом месте исправленной обшивки. Время реакции участников оценивалось с помощью онлайн-теста времени реакции на красный и зеленый свет. Результаты показали значительное увеличение времени реакции между испытаниями при измерениях через два часа и четыре часа после начала рабочей смены. Авторы исследования выражают надежду, что будущие исследования смогут в большей степени сосредоточиться на времени реакции персонала во время работы, что будет способствовать обеспечению безопасности и благополучия персонала (Abdul Samad et al. 2021).

Еще один вид профессиональной деятельности с повышенным уровнем риска — профессия водителя. Поэтому ряд исследований посвящен времени реакции водителей на определенные стимулы, которые встречаются во время дорожного движения. В одной из работ изучалось время реакции водителей на знаки поворота. Исследование проводилось в рамках разработки нового дизайна дорожных знаков (Deng et al. 2019).

Было показано также, что предварительное знание о том, что означают цвета сигналов светофора, оказывало существенное влияние на время реакции водителей (Horinouchi et al. 2022).

Оценка времени реакции водителя важна для разработки инновационных технических средств, повышающих безопасность дорожного движения. Особенно актуально это для междугородних автобусов. Их размеры и вес увеличивают степень тяжести дорожно-транспортных происшествий, в которые попадают автобусы даже на низкой скорости. Аварии

в городских условиях случаются при поворотах и маневрировании вокруг автобусных остановок. Чаще всего они связаны с плохой видимостью, «слепыми» зонами и тем, что водитель отвлекается во время движения. В одной из работ предлагается система активной безопасности для автобусов на низких скоростях. В результате использования этой системы время реакции водителя сокращается, а время до столкновения увеличивается, что подразумевает значительное повышение уровня безопасности (Girbés et al. 2016).

Оценка времени реакции может использоваться и для прогнозирования влияния привычек человека на производительность труда. Например, в индийском исследовании показаны неоднозначные результаты двенадцатичасового отказа хронических курильщиков от курения. Исследователей интересовал вопрос, почему многие молодые люди, посещающие курсы профессионального обучения, под воздействием запретов и программ повышения осведомленности о вреде курения отказываются от курения, но со временем возвращаются к этой вредной привычке: количество курильщиков в Индии постоянно возрастает. В исследовании приняли участие шестьдесят добровольцев мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет. В группу исследования были включены курильщики, выкуривающие не менее 10–19 сигарет в день на протяжении более 2–3 лет. Исследование проводилось с использованием аудиовизуального устройства для определения времени реакции. После демонстрации работы аппарата всем добровольцам были проведены базовые измерения. Регистрировалось время реакции на слуховые (высокие и низкие звуки) и зрительные (красный и зеленый свет) сигналы. Тридцать студентов из основной группы были подвергнуты этим тестам сразу после курения и после 12 часов воздержания. Было установлено, что после 12 часов воздержания время слуховой и зрительной реакции у хронических курильщиков увеличивалось. Можно предположить, что при воздержании от курения хронические курильщики начинают ощущать, что хуже воспринимают информацию во время обучения. Это заставляет их вернуться к курению (Vallath et al. 2015).

Интересны также исследования влияния кофеина на время реакции. В исследовании спортсменов-тхэквандистов было показано, что кофеин сокращает время реакции в условиях отсутствия усталости и отсрочивает переутомление во время последовательных боев (Santos et al. 2014).

Важным направлением использования инструментальных сенсомоторных тестов явля-

ется разработка оптимальных режимов труда и отдыха. Особенно актуально это для тех профессий, где предполагается сменный график с ночными сменами.

Сонливость — это состояние, при котором человеку трудно оставаться бодрствующим даже во время выполнения какой-либо деятельности. Ограничение сна возникает, когда человек не высыпается из-за высокой нагрузки на работе. Связь между ограничением сна и лежащими в его основе физиологическими нарушениями в работе мозга не до конца изучены. Ряд исследований посвящен изменениям времени реакции в связи с депривацией сна.

В одном из исследований оценивалось внимание и время реакции у ночных сторожей в первый, четвертый и седьмой дни периода ограниченного сна. Внимание оценивалось с помощью электрофизиологического метода Р300, также оценивалось время реакции на слуховые и зрительные стимулы в сенсомоторных тестах. В исследовании приняли участие 50 сторожей в возрасте 18–35 лет. Испытуемые были разделены на две группы: группа 1 — нормальный сон ($n = 28$), работающие днем и привыкшие нормально спать ночью (около 8 часов); группа 2 — ограниченный сон ($n = 22$), работающие в ночное время и привыкшие меньше спать ночью (около 3-х часов). На первый день ограниченного сна между группами не было выявлено разницы в измеряемых показателях. Однако измерения, выполненные на четвертый и седьмой дни, показали разницу между группами: в группе 2 значимо увеличилось время реакции, изменилась амплитуда Р300. Авторы исследования делают вывод, что недосыпание оказывает существенное влияние на динамические изменения в умственном внимании и времени реакции у сторожей, работающих в ночную смену (Choudhary et al. 2016).

Влияние депривации сна на когнитивные способности изучалось также у водителей. В исследовании, проведенном среди водителей автобусов, двое водителей чередовались за рулем в течение 24-часовой поездки, их сопровождал исследователь, который проводил тестирование. Каждый из 35 водителей был протестирован с помощью Каролинской шкалы сонливости (KSS) и теста Векслера на рабочую память с обратным распределением цифр перед началом смены, а затем каждые 6 часов в течение дня. Время реакции в сенсомоторных тестах оценивалось до и после поездки. Было показано, что влияние времени суток на рабочую память статистически значимо, при этом самые низкие показатели рабочей памяти были зафиксированы

в 04:00 утра. Наивысший показатель субъективной сонливости также был в 04:00 утра. Время реакции в сенсомоторных тестах и количество ошибок были значимо увеличены после работы за рулем, что свидетельствовало о снижении бдительности водителя к концу смены. Чем длительнее была смена водителя, тем выше (хуже) было время реакции в сенсомоторных тестах. Эти результаты свидетельствуют о том, что оптимизация рабочего графика водителей автобусов может повысить безопасность дорожного движения (Maghsoudipour et al. 2022).

От уровня работоспособности и времени реакции врача часто зависит жизнь пациентов. Поэтому одно из исследований влияния переутомления на время реакции в сенсомоторных тестах было проведено с участием врачей-анестезиологов. Цель исследования состояла в оценке времени реакции у анестезиологов в обычное рабочее время и после ночного дежурства. Были проведены сенсомоторные тесты 23 врачам в двух условиях: обычное дневное дежурство; дневное дежурство после ночного вызова (в целом 17 часов непрерывной работы). Время реакции после ночного дежурства было значимо выше. Оценивались также стратегии, которые используют врачи для преодоления усталости. Использование стратегии избегания было связано с максимальным ухудшением работоспособности, что отражалось в показателях сенсомоторных тестов (Saadat et al. 2016).

Когнитивная способность к самоконтролю своей текущей деятельностью важна не только для врачей, но и для безопасности профессиональной деятельности больничных медсестер. Были изучены различия в выполнении сенсомоторных тестов на время реакции между сменами в трехсменной системе ротации среди 30 палатных медсестер (средний возраст 28,2 года). Способность медсестры к самоконтролю была рассчитана путем вычитания прогнозируемого времени реакции при выполнении сенсомоторного теста из фактического времени реакции при выполнении теста непосредственно перед окончанием смены. Учитывалось влияние смены, часов бодрствования и продолжительности предшествующего сна на способность к самоконтролю. Было выявлено значимое ухудшение способности медсестер к самоконтролю, особенно после ночной смены. Хотя фактическая производительность медсестер оставалась высокой во время всех смен, разница между временем реакции после ночной и дневной смен составила примерно 100 мс. Влияние смены на самоконтроль было очевидным даже после корректировки продолжительности сна и часов

бодрствования. Результаты этого исследования показывают, что несоответствие между рабочим временем и циркадными ритмами может повлиять даже на профессиональных медсестер. Организация труда, в которой особое внимание уделяется поддержанию циркадных ритмов, повысит безопасность и здоровье медсестер и их пациентов (Nishimura et al. 2023).

Влияние продолжительности сна на работоспособность изучалось также у шахтеров. В исследовании участвовали 35 шахтеров, которые работали сменами по 12 часов. Шахтеры вели дневники сна и работы, постоянно носили мониторы активности, а также проходили сенсомоторные тесты на время реакции в начале и в конце смены в полевых условиях. Результаты показали, что окончание ночной смены связано с увеличением времени реакции, свидетельствующем о снижении работоспособности. Более интересно то, что данные о реальном времени сна, который предшествовал ночной смене, также позволяют прогнозировать изменения во времени реакции. Меньшая продолжительность сна, предшествующего ночной смене, достоверно связана с более выраженным увеличением времени реакции после смены. Результаты показывают, что продолжительность сна влияет на работоспособность, независимо от рабочего графика (Ferguson et al. 2011).

Недостатками исследований о связи сменной работы и депривации сна со временем реакции и другими когнитивными показателями обычно являются малочисленные выборки и короткий период наблюдений. Одно из крупнейших исследований в этой области было проведено в 2023 году. В исследовании участвовали 9394 человека, изучалось влияние показателей здоровья, сна и сменной работы на когнитивные показатели у людей среднего и пожилого возраста. Гипотеза заключалась в том, что депривация сна и сменная работа могут способствовать снижению когнитивных показателей. В качестве предикторов нарушений на начальном этапе оценивались продолжительность сна, о которой сообщали сами испытуемые, дневная сонливость, симптомы бессонницы, хронотип и статус сменной работы. Когнитивные показатели оценивались с помощью набора инструментальных сенсомоторных тестов в течение периода наблюдения от $7,4 \pm 2,2$ до $9,0 \pm 0,9$ лет после первичной оценки, в зависимости от конкретной задачи. Полученные результаты показывают, что сменная работа и короткая продолжительность сна — важные факторы, влияющие на когнитивные способности у людей среднего и пожилого возраста (Ell et al. 2023).

Инструментальное измерение времени реакции играет важную роль в оценке состояния когнитивных функций индивидуумов, планирующих вернуться к своей профессиональной деятельности после заболеваний или травм, влияющих на работу нервной системы.

Одно из важных направлений исследований — изучение способности к управлению автомобилем после сотрясения мозга. В ограниченном количестве работ использовались прямые методы оценки времени восстановления способностей к управлению транспортными средствами после сотрясения мозга. В одной из работ сравнивалось время реакции во время имитируемого управления автомобилем между людьми с сотрясением мозга и контрольной группой. Также изучалась связь полученных результатов с традиционными компьютерными тестами на время реакции. В исследовании участвовали 14 человек с сотрясением мозга ($15,9 \pm 9,8$ дней после сотрясения мозга) и 14 здоровых испытуемых контрольной группы, сопоставимых по возрасту, полу и опыту вождения. Участники прошли обучение на симуляторе вождения и оценку жизненно важных показателей ЦНС (центральной нервной системы) в течение 48 часов после исчезновения симптомов сотрясения мозга. Схема управления автомобилем была получена на основе 3D моделей сценариев вождения: сигнал светофора (с зеленого на желтый), уклонение (уход от приближающегося транспортного средства) и пешеход (человек, бегущий перед транспортным средством). Участники с сотрясением мозга продемонстрировали более низкие показатели по сравнению с контрольной группой. Таким образом, замедление скорости реакции у лиц с сотрясением мозга при бессимптомном течении свидетельствует о затяжных нарушениях и вызывает опасения по поводу безопасности вождения (Lempke et al. 2021).

Хирургические вмешательства или травмы конечностей также могут влиять на безопасность управления транспортными средствами (McDonald et al. 2021).

Бессимптомное течение последствий сотрясения мозга актуально выявлять и у спортсменов. Сообщается о нарушениях времени реакции у спортсменов после сотрясения мозга, но неизвестно, когда эти нарушения нормализуются до состояния, существовавшего до травмы. Также неясно, как такие факторы, как методика измерения времени реакции и характеристики участников, влияют на время реакции после сотрясения мозга. Показано, что дефицит времени реакции сохраняется длительно, в течение 21–59 дней после травмы. Для измерения времени реакции важно использовать надежные

сертифицированные инструменты (Lempke et al. 2020).

В одном из исследований была описана связь между увеличением времени реакции и кинезиофобией у подростков-спортсменов с последствиями сотрясения мозга. В исследовании приняли участие 49 спортсменов, которые были обследованы с интервалом 48 дней. Проявления кинезиофобии коррелировали со временем реакции в сенсомоторных тестах (Reinking et al. 2021).

Была показана также взаимосвязь между клинической оценкой времени реакции и симптомами после сотрясения мозга, количеством перенесенных сотрясений и временем, прошедшим с момента сотрясения мозга. На основе ретроспективного анализа сотрясений мозга для данного исследования были отобраны 53 спортсмена. Спортсмены были опрошены с помощью стандартизированной анкеты для получения данных о сотрясениях мозга, таких как общее количество сотрясений мозга и дата последнего сотрясения мозга. Также проводился тест на время реакции. Была обнаружена значимая положительная корреляция между временем реакции и оценкой симптомов после сотрясения мозга. Линейный регрессионный анализ показал, что ни оценка симптомов после сотрясения мозга, ни суммарное количество перенесенных сотрясений мозга, ни время после сотрясения мозга не позволяют достоверно предсказать увеличение времени реакции. Время реакции положительно коррелирует с симптомами боли в шее, головокружения, проблемами с равновесием, светочувствительностью, ощущением замедленности, тумана в голове, плохого самочувствия, сонливости и раздражительности (Coenen et al. 2022).

Таким образом, во многих исследованиях показано, что после сотрясения мозга у спортсменов часто выявляется увеличение времени реакции, что делает его оценку критически важной при составлении протокола возвращения к спортивной деятельности. Без надлежащей оценки спортсменов может вернуться к тренировкам и соревнованиям преждевременно, что подвергает его риску дальнейших травм.

В одной из работ время реакции спортсменов после сотрясения мозга изучалось трижды за 30-дневный период, с помощью простых и сложных инструментальных сенсомоторных тестов: 23 спортсмена выполняли тесты на 7, 14 и 30-й день после травмы, а 21 здоровый испытуемый в течение одного сеанса. У участников с сотрясением мозга было значимо увеличено время реакции в сложных сенсомоторных тестах во время всех трех проб. Таким образом,

когнитивный дефицит спортсменов с сотрясением мозга сохраняется длительный период времени после острой фазы травмы, что является при выполнении сложных сенсомоторных тестов (Wilkes et al. 2022).

Актуальны результаты исследований времени реакции, связанные с профессиональными рисками и необходимостью своевременного завершения профессиональной деятельности. Увеличение времени реакции может быть связано с возрастными изменениями и/или неврологическими нарушениями, что создает определенные риски для индивидуума.

В австралийском исследовании оценивалась связь вариабильности времени реакции индивидуума в сенсомоторных тестах со смертностью: 896 австралийцев в возрасте 70 лет и старше были протестированы четыре раза. Из этой выборки 790 участников были включены в регрессионные модели выживаемости с пропорциональными рисками Кокса. Для анализа выживаемости были использованы данные о жизненном статусе и времени, проведенном в исследовании. Среднее время реакции и три показателя индивидуальной вариабильности времени реакции были рассчитаны отдельно для 20 тестов, оценивающих простые и сложные сенсомоторные реакции. Модели были скорректированы с учетом целого ряда демографических показателей, показателей физического и психического здоровья. Было доказано, что большая внутрииндивидуальная вариабельность времени простой реакции была тесно связана с повышенным риском смертности от всех причин в течение 17 лет (Batterham et al. 2014).

Оценка влияния возрастных изменений на когнитивную деятельность особенно важна для профессий с повышенным уровнем риска. Было проведено исследование времени реакции 236 пилотов 40–69 лет. Исследование включало в себя сенсомоторные тесты и два 75-минутных имитационных полета на авиасимуляторе. Была выявлена связь показателей сенсомоторных тестов с ухудшением летных характеристик с возрастом (Kennedy et al. 2013).

Было показано, что при проведении тестирования людей в возрасте старше 70 лет на результаты тестов могут оказывать влияние особенности проведения процедуры диагностики (Cerino et al. 2018).

Выводы

Растущее число исследований демонстрирует целесообразность использования инструментальных сенсомоторных тестов для мониторинга безопасности профессиональной деятельности и научных исследований в области психологии труда.

Наиболее перспективными областями использования инструментальных сенсомоторных тестов для обеспечения безопасности труда являются:

- 1) разработка оптимальных режимов труда;
- 2) нормирование рабочей нагрузки;
- 3) профессиональная реабилитация;
- 4) оценка влияния возраста (болезней, травм) на когнитивные способности;
- 5) своевременный уход из профессиональной деятельности.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Ефимова В. Л. — разработка концепции, исследование, обработка данных, подготовка текста — черновик, научное руководство.

Дружинин О. А. — исследование, валидация, обработка данных, подготовка текста —доработка и редактирование, администрирование проекта.

Author Contributions

Efimova V. L. — concept development, research, data processing, text preparation — draft, scientific supervision

Druzhinin O. A. — research, validation, data processing, text preparation — revision and editing, project administration.

References

- Abdul Samad, A. G., Azizan, M. A., Khairuddin, M. H., Johari, M. K. (2021) Significance of aircraft maintenance personnel's reaction time during physical workload and mental workload. In: M. H. A. Hassan, Z. A. Manap, M. Z. Baharom et al. (eds.). *Human-centered technology for a better tomorrow. Lecture notes in mechanical engineering*. Singapore: Springer Publ., pp. 637–643. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4115-2_52 (In English)

- Batterham, P. J., Bunce, D., Mackinnon, A. J., Christensen, H. (2014) Intra-individual reaction time variability and all-cause mortality over 17 years: A community-based cohort study. *Age and Ageing*, vol. 43, no. 1, pp. 84–90. <https://doi.org/10.1093/ageing/aft116> (In English)
- Cerino, E. S., Stawski, R. S., Geldhof, G. J., MacDonald, S. W. S. (2018) Associations between control beliefs and response time inconsistency in older adults vary as a function of attentional task demands. *The Journals of Gerontology. Series B*, vol. 75, no. 9, pp. 1819–1830. <https://doi.org/10.1093/geronb/gby124> (In English)
- Choudhary, A. K., Kishanrao, S. S., Dadarao Dhanvijay, A. K., Alam, T. (2016) Sleep restriction may lead to disruption in physiological attention and reaction time. *Sleep Science*, vol. 9, no. 3, pp. 207–211. <https://doi.org/10.1016/j.slsci.2016.09.001> (In English)
- Coenen, J., Henckert, S., Lausberg, H., Helmich, I. (2022) Post-concussion symptoms and clinical reaction time performance of athletes with a history of concussion. *The Journal of Sports Medicine and Physical Fitness*, vol. 62, no. 10, pp. 1391–1396. <https://doi.org/10.23736/S0022-4707.21.13040-3> (In English)
- Deng, C., Cao, S., Wu, C., Lyu, N. (2019) Predicting drivers' direction sign reading reaction time using an integrated cognitive architecture. *IET Intelligent Transport Systems*, vol. 13, no. 4, pp. 622–627. <https://doi.org/10.1049/iet-its.2018.5160> (In English)
- Draheim, C., Mashburn, C. A., Martin, J. D., Engle, R. W. (2019) Reaction time in differential and developmental research: A review and commentary on the problems and alternatives. *Psychological Bulletin*, vol. 145, no. 5, pp. 508–535. <https://doi.org/10.1037/bul0000192> (In English)
- Ell, J., Schiel, J. E., Feige, B. et al. (2023) Sleep health dimensions and shift work as longitudinal predictors of cognitive performance in the UK Biobank cohort. *Sleep*, vol. 46, no. 6, article zsad093. <https://doi.org/10.1093/sleep/zsad093> (In English)
- Epstein, J. N., Karalunas, S. L., Tamm, L. et al. (2022) Examining reaction time variability on the stop-signal task in the ABCD study. *Journal of the International Neuropsychological Society*, vol. 29, no. 5, pp. 492–502. <https://doi.org/10.1017/S1355617722000431> (In English)
- Ferguson, S. A., Paech, G. M., Dorrian, J. et al. (2011) Performance on a simple response time task: Is sleep or work more important for miners? *Applied Ergonomics*, vol. 42, no. 2, pp. 210–213. <https://doi.org/10.1016/j.apergo.2010.06.010> (In English)
- Girbés, V., Armesto, L., Dols, J., Tornero, J. (2016) Haptic feedback to assist bus drivers for pedestrian safety at low speed. *IEEE Transactions on Haptics*, vol. 9, no. 3, pp. 345–357. <https://doi.org/10.1109/TOH.2016.2531686> (In English)
- Horinouchi, T., Watanabe, T., Matsumoto, T. et al. (2022) The effect of prior knowledge of color on reaction time depends on visual modality. *Heliyon*, vol. 8, no. 5, article e09469. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e09469> (In English)
- Kennedy, Q., Taylor, J., Heraldez, D. et al. (2013) Intraindividual variability in basic reaction time predicts middle-aged and older pilots' flight simulator performance. *The Journals of Gerontology. Series B*, vol. 68, no. 4, pp. 487–494. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbs090> (In English)
- Lempke, L. B., Howell, D. R., Eckner, J. T., Lynall, R. C. (2020) Examination of reaction time deficits following concussion: A systematic review and meta-analysis. *Sports Medicine*, vol. 50, no. 7, pp. 1341–1359. <https://doi.org/10.1007/s40279-020-01281-0> (In English)
- Lempke, L. B., Lynall, R. C., Hoffman, N. L. et al. (2021) Slowed driving-reaction time following concussion-symptom resolution. *Journal of Sport and Health Science*, vol. 10, no. 2, pp. 145–153. <https://doi.org/10.1016/j.jshs.2020.09.005> (In English)
- Maghsoudipour, M., Moradi, R., Moghimi, S. et al. (2022) Time of day, time of sleep, and time on task effects on sleepiness and cognitive performance of bus drivers. *Sleep and Breathing*, vol. 26, no. 4, pp. 1759–1769. <https://doi.org/10.1007/s11325-021-02526-6> (In English)
- McDonald, E. L., Shakked, R., Nicholson, K. et al. (2021) Return to driving after foot and ankle surgery: A novel survey to predict passing brake reaction time. *Foot & Ankle Specialist*, vol. 14, no. 1, pp. 32–38. <https://doi.org/10.1177/1938640019890970> (In English)
- Nishimura, Y., Ikeda, H., Matsumoto, S. et al. (2023) Impaired self-monitoring ability on reaction times of psychomotor vigilance task of nurses after a night shift. *Chronobiology International*, vol. 40, no. 5, pp. 603–611. <https://doi.org/10.1080/07420528.2023.2193270> (In English)
- Reinking, S., Seehusen, C. N., Walker, G. A. et al. (2021) Transitory kinesiphobia after sport-related concussion and its correlation with reaction time. *Journal of Science and Medicine in Sport*, vol. 25, no. 1, pp. 20–24. <https://doi.org/10.1016/j.jsams.2021.07.010> (In English)
- Saadat, H., Bissonnette, B., Tumin, D. et al. (2016) Effects of partial sleep deprivation on reaction time in anesthesiologists. *Pediatric Anesthesia*, vol. 27, no. 4, pp. 358–362. <https://doi.org/10.1111/pan.13035> (In English)
- Santos, V. G. F., Santos, V. R. F., Felipe, L. J. C. et al. (2014) Caffeine reduces reaction time and improves performance in simulated-contest of taekwondo. *Nutrients*, vol. 6, no. 2, pp. 637–649. <https://doi.org/10.3390/nu6020637> (In English)
- Steinman, Y., Groen, E., Frings-Dresen, M. H. W. (2023) Hypoxia impairs reaction time but not response accuracy in a visual choice reaction task. *Applied Ergonomics*, vol. 113, article 104079. <https://doi.org/10.1016/j.apergo.2023.104079> (In English)

- Trusczyński, O., Lewkowicz, R., Wojtkowiak, M., Biernacki, M. P. (2014) Reaction time in pilots during intervals of high sustained G. *Aviation, Space, and Environmental Medicine*, vol. 85, no. 11, pp. 1114–1120. <https://doi.org/10.3357/ASEM.4009.2014> (In English)
- Vallath, A. L., Joshi, A. R., Vaidya, S. M. (2015) Effect of abstinence on audio-visual reaction time in chronic smokers pursuing a professional course. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*, vol. 9, no. 12, pp. CC08–CC11. <https://doi.org/10.7860/JCDR/2015/14696.6973> (In English)
- Wilkes, J. R., Kelly, J. T., Walter, A. E., Slobounov, S. M. (2022) Reaction time task performance in concussed athletes over a 30-day period: An observational study. *Archives of Clinical Neuropsychology*, vol. 37, no. 2, pp. 240–248. <https://doi.org/10.1093/arclin/acab077> (In English)

Сведения об авторах

Виктория Леонидовна Ефимова, доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии и педагогики семьи, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: 3546-8757, Scopus AuthorID: 57188670076, ResearcherID: AЕК-4157-2022, ORCID: 0000-0001-7029-9317, e-mail: prefish@ya.ru

Олег Александрович Дружинин, аспирант кафедры возрастной психологии и педагогики семьи, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: 2431-2308, ORCID: 0000-0003-3365-4302, e-mail: oleg.a.druzhinin@gmail.com

Authors

Victoria L. Efimova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Department of Developmental Psychology and Family Pedagogy, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: 3546-8757, Scopus AuthorID: 57188670076, ResearcherID: AЕК-4157-2022, ORCID: 0000-0001-7029-9317, e-mail: prefish@ya.ru

Oleg A. Druzhinin, Doctoral Student, Department of Developmental Psychology and Family Pedagogy, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: 2431-2308, ORCID: 0000-0003-3365-4302, e-mail: oleg.a.druzhinin@gmail.com

УДК 159.9

EDN SXHPYI

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-88-97>

Научная статья

Методологические и теоретические основания психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов в отечественной системе дополнительного профессионального образования

В. В. Мелетичев¹, С. М. Шингаев^{✉1}, С. А. Кирилова¹

¹ Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского, 191002, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 11–13, лит. А

Для цитирования: Мелетичев, В. В., Шингаев, С. М., Кирилова, С. А. (2025) Методологические и теоретические основания психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов в отечественной системе дополнительного профессионального образования. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 88–97. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-88-97> EDN SXHPYI

Получена 3 июля 2024; прошла рецензирование 29 июля 2024; принята 3 сентября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. В. Мелетичев, С. М. Шингаев, С. А. Кирилова (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Проблема профессионального и личностного развития современного человека на всех ступенях его профессионального обучения и этапах профессиональной деятельности всегда была актуальной и практически значимой. Особенно актуальной она становится в современных динамично изменяющихся социально-экономических условиях. Одновременно следует признать, что, несмотря на достаточное большое количество работ, посвященных вопросам деятельности педагогов, в прямой постановке вопросы психолого-педагогического обеспечения их профессионально-личностного развития в системе дополнительного профессионального образования пока не поднимались в отечественной науке.

Материалы и методы. В статье рассмотрены методологические и теоретические положения, лежащие в основе замысла, целеполагания, определения компонентов, выбора методов и форм для разработки на основе системного подхода модели психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогических работников.

Результаты исследования. В статье обсуждаются результаты эмпирических исследований, посвященных методологическим и теоретическим положениям, выступающим основой для разработки и апробации системы психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов в системе дополнительного профессионального образования. В качестве основных компонентов предлагаются: а) диагностика, анализ и оценка актуального состояния профессиональной и личностной готовности педагогов к осуществлению профессиональной деятельности; б) использование мотивационного потенциала учебных занятий при прохождении педагогами курсов повышения квалификации; в) создание материальных и социально-психологических условий профессионально-личностного развития; г) индивидуальные психолого-педагогические воздействия на педагогов по формированию у них мотивации профессиональной деятельности и профессионально-личностного развития; д) стимулирование самосовершенствования профессиональной деятельности; е) поддержание личностных ресурсов педагогов, позволяющих на достаточном уровне реагировать на быстро изменяющуюся профессиональную среду; ж) анализ и оценка результативности и эффективности реализации данных компонентов.

Заключение. На основании анализа ряда работ показано, что рассматриваемая проблема явно недостаточно изучена. Приводится обоснование разработки и апробации системы психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогических работников в системе дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: готовность к профессиональной деятельности, психолого-педагогическое обеспечение, ресурсы профессионально-личностного развития, компоненты психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития, педагоги

Research article

Methodological and theoretical foundations of psycho-pedagogical support for the professional and personal development of teachers through the system of additional professional education in Russia

V. V. Meletichev¹, S. M. Shingayev^{✉1}, S. A. Kirilova¹

¹ Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky, Letter A, 11–13 Lomonosova Str., Saint Petersburg 191002, Russia

For citation: Meletichev, V. V., Shingayev, S. M., Kirilova, S. A. (2025) Methodological and theoretical foundations of psycho-pedagogical support for the professional and personal development of teachers through the system of additional professional education in Russia. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 88–97. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-88-97> EDN SXHPYI

Received 3 July 2024; reviewed 29 July 2024; accepted 3 September 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. V. Meletichev, S. M. Shingayev, S. A. Kirilova (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. The professional and personal development of an individual at all stages of his professional training and professional activity has always been practically significant. Such development is becoming even more relevant in today's conditions. Russian scholars have never directly addressed the problems of psycho-pedagogical support for professional activities of teachers through the system of additional professional education.

Materials and Methods. The article considers methodological and theoretical provisions that underpin the design of a model of psycho-pedagogical support for the professional and personal development of teachers — including provisions underlying the idea of such a model, its goals, its structural components, and selection of methods and forms of its development based on a systematic approach.

Results. The article discusses the results of empirical researches on methodological and theoretical provisions that underpin the development and testing of a system of psycho-pedagogical support for the professional and personal development of teachers through the system of additional professional education. The following main components of the system are proposed: a) measuring, evaluating the current state of professional and personal readiness of teachers to carry out their job duties; b) using the motivational potential of sessions when teachers take professional development courses; c) creating conditions for professional and personal development of teachers; d) individual psycho-pedagogical interaction with teachers to increase their motivation for professional and personal development; e) encouraging self-improvement in teachers' work; f) maintaining teachers' personal resources that allow them to adequately respond to a changing professional environment; g) analyzing and evaluating the effectiveness of the implementation of these components.

Conclusions. Show that the problem in question is understudied. In this article, we substantiated the development and testing of a system of psycho-pedagogical support for the professional and personal development of teachers through the system of additional professional education.

Keywords: readiness for professional activity, psychological and pedagogical support, resources for professional and personal development, components of psychological and pedagogical support for professional and personal development, teachers

Введение

Проблема профессионального и личностного совершенствования человека на всех ступенях его профессионального обучения и этапах профессиональной деятельности всегда была актуальной и практически значимой. Особенно актуальной она становится в современных динамично изменяющихся социально-экономи-

ческих условиях. Это в полной мере относится к сотрудникам образовательных организаций, что обуславливает необходимость поиска путей для решения данной проблемы. В свою очередь, эффективность решения во многом зависит от корректного выбора и реализации методов, технологий, форм и средств создания условий для профессионально-личностного развития педагогических работников.

Отметим, что за последние десять лет (2014–2024 гг.) защищено более 1810 диссертаций по педагогическим и психологическим наукам, в которых в качестве выборки рассматривались педагоги (по данным официального сайта ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ), в том числе по тем или иным вопросам профессиональной деятельности в системе дополнительного профессионального образования (ДПО) защищено более 120 работ за последние пять лет (2019–2024 гг.).

Обратим внимание на несколько работ, которые, на наш взгляд, релевантны рассматриваемой в статье теме. В диссертации У. В. Брылевой предлагаются варианты оказания психологической помощи и психологического сопровождения педагогов в русле их профессионального и личностного развития (Брылева 2014). О системе психологического обеспечения профессионального развития педагога в условиях рисков современного образования говорится в работе Е. В. Ежак (Ежак 2017). Диссертация Е. А. Бероевой посвящена особенностям развития профессиональной компетентности преподавателя в дополнительном профессиональном образовании (Бероева 2020). Проблематике комплексного сопровождения непрерывного профессионального развития руководителей общеобразовательных организаций в ДПО посвящена работа А. У. Анзоровой (Анзорова 2023). Безусловно, интересна работа Г. В. Никитовской, в которой анализируется процесс формирования управленческой компетентности будущего педагога в дополнительном профессиональном образовании (Никитовская 2019). Диссертация В. В. Улитко раскрывает процесс сопровождения профессионального развития учителей начальных классов в системе дополнительного образования (Улитко 2023).

Одновременно следует признать, что, несмотря на большое количество работ, в прямой постановке вопросы психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов в системе ДПО, обуславливающего высокий уровень готовности к решению учебно-воспитательных задач, пока не поднимались в отечественной психологической и педагогической науках. Это дает основание сформулировать психолого-педагогическую проблему, суть которой заключается в необходимости обоснования и разработки эффективных путей и условий профессионально-личностного развития педагогов.

Целью статьи стало теоретико-методологическое обоснование системы психолого-педагогического обеспечения профессионально-лич-

ностного развития педагогов, предварительный отчет о формировании которой мы представили научной общественности в 2021 г. (Шингаев и др. 2021).

Объект — готовность педагогов к осуществлению профессионально-педагогической деятельности и профессионально-личностному развитию.

Предмет исследования — компоненты системы психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов, их теоретическое и методическое обоснование.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- анализ подходов к определению понятия «психолого-педагогическое обеспечение»;
- обоснование авторского подхода к содержанию психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов;
- определение системных компонентов психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов (Шингаев и др. 2021).

Материалы и методы

Для реализации поставленных задач использовалась совокупность теоретических методов: анализ, синтез, сравнение, обобщение, систематизация.

Результаты

Поиск путей и условий профессионально-личностного развития педагогов предполагает обращение к методологическим основаниям, в качестве которых целесообразно рассматривать научные системы анализа психологических и педагогических феноменов.

Системно-структурный метод анализа, главный принцип которого — целостность системных объектов, продолжительный период был основным при изучении сложных психологических и педагогических явлений. Однако такое описание предполагает анализ статического состояния рассматриваемого объекта, а проблематика данной работы направлена на обсуждение феномена развития.

Элементы структурно-динамического метода анализа входят в процессуально-динамический подход, при котором изучается динамика поведения объекта, рассматриваются движущие силы и регуляторные механизмы объекта. При этом структурные характеристики изучаемого

объекта дополняются динамическими и функциональными. Однако в данном подходе доминируют последние, что в определенной степени ограничивает обсуждение развития объекта.

В рамках деятельностного подхода, соединившего в себе достоинства вышеперечисленных методов и в определенной степени нивелирующего их ограничения, закладываются основы понимания принципа развития как для формирования и простых изменений во времени, так и качественных преобразований в системе. Применительно к проблеме данного исследования базовым является положение о развитии личности в деятельности. Именно в профессиональной и учебной деятельности, направленной на приобретение и совершенствование компетенций, может происходить развитие педагога как профессионала и личности.

Пристального внимания, по нашему мнению, заслуживает системный личностно-развивающий подход к изучению психологических основ профессиональной деятельности человека, разработанный Л. М. Митиной. В указанном подходе главенствующей выступает идея о роли внутренней детерминации в рассматриваемых явлениях, с одной стороны, и единстве личностного и профессионального развития, с другой стороны. Акцент делается на том, что личностное и профессиональное развитие — это два дополняющих друг друга процесса, на разных этапах онтогенеза, выступающие средством или результатом развития. Ведущим фактором автор рассматривает внутреннюю среду самой личности, ее активность. Предлагая анализировать процесс профессионального развития через призму конструирования человеком субъектности, своего образа мира, Я-концепции и себя в профессии, Л. М. Митина отмечает: «Таким образом, профессиональное развитие личности представляет собой процесс повышения уровня и совершенствования структуры направленности, компетентности, гибкости путем актуализации рефлексивного ресурса разрешения внутриличностных противоречий и осознания необходимости изменения, преобразования своего внутреннего мира и образа жизни» (Митина 1994, 30–31). Основу ее концепции профессионального развития личности составляет положение о том, что характер выбора жизненного и профессионального пути определяется внутренней позицией личности, собственными ценностями, способными стать реальным мотивом жизнедеятельности, ведущим к саморазвитию человека (Митина 2015).

Соглашаясь с такой позицией, авторы статьи, исходя из опыта деятельности общеобразова-

тельных организаций и организаций ДПО и обращают внимание на наличие значимых ограничений для действительной свободы выбора педагогами путей личностно-профессионального развития, связанных с принципами функционирования образовательных систем. В числе наиболее существенных ограничений можно назвать:

- высокую профессиональную нагрузку, усугубляющуюся выполнением многочисленных дополнительных задач и поручений, которые практически не оставляют временных ресурсов на профессиональное развитие;
- недостаточную осведомленность о возможностях прохождения курсов переподготовки и повышения квалификации;
- решения руководства образовательных учреждений, не согласованные с педагогами, о направлении их на курсы повышения квалификации;
- возложение на педагогов дополнительных задач в период обучения на курсах повышения квалификации;
- отсутствие возможностей, прежде всего временных, для поддержания физического и психического здоровья и ряд других ограничений (Шингаев 2019).

Все они приводят к снижению у педагогов собственной внутренней мотивации и целеполагания профессионально-личностного развития. Это предопределяет необходимость целенаправленной и системной работы, направленной на развитие такой мотивации и целеполагания, которые будут служить основой для активных действий педагогических работников, становления их в качестве субъекта профессионального и личностного развития.

Проведенный анализ точек зрения различных авторов на сущность и содержание понятия «обеспечение» показал широкий спектр мнений. Представим некоторые из них.

В работе Н. М. Филипповой «обеспечение» понимается как «деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту и направленная на то, чтобы объект полноценно функционировал» (Филиппова 2007, 44).

По мнению А. И. Тимониной, «обеспечение представляет собой процесс осуществления чего-либо через создание комплекса специальных мер, средств и способов, помогающих в реализации реальных возможностей социальной системы и нацеленных на ее регулирование, функционирование и дальнейшее развитие» (Тимонин 2008, 121).

Согласно Я. А. Глазовой, понятие педагогического обеспечения с позиции проблематики формирования личности включает совокупность определенных мер (средств, форм, методов), совокупность условий и специфических средств, специфический вид педагогической деятельности (Глазова 2015).

Основываясь на базовых положениях деятельностного подхода, мы полагаем, что особое внимание заслуживает сущностная характеристика, данная А. И. Тимониным. Исследователь описывает педагогическое обеспечение как «специфический вид профессиональной деятельности, предполагающий активизацию личностных и профессиональных ресурсов, необходимых для реализации того или иного процесса» (Тимонин 2008, 134).

Безусловно, интересной и ориентированной на практическую деятельность организаций ДПО представляется классификация подходов к определению сущности педагогического обеспечения Е. В. Балгановой. Она выделяет ресурсный, комплексный, результативный, технологический, деятельностный, синтетический, системный и процессуальный подходы (Балганова 2018). Основываясь на положениях системного подхода, Е. В. Балганова трактует педагогическое обеспечение как «совокупный характер компонентов образовательной деятельности, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены» (Балганова 2018, 26). С точки зрения процессуального подхода, по мнению Е. В. Балгановой, педагогическое обеспечение направлено на поэтапное формирование профессиональных компетенций. Она отмечает, что «как процесс педагогическое обеспечение предполагает отбор способов последовательного формирования необходимых профессиональных компетенций будущего профессионала посредством организации теоретической и практической составляющих процесса обучения, с учетом развития профессиональной деятельности, ее специфики, достижений науки и практики» (Балганова 2018, 27). С позиции функционального подхода Е. В. Балганова определяет педагогическое обеспечение образовательного процесса как «многогранное интегративное образование, актуализирующее институциональные ресурсы (условия, способы и деятельность) в виде системы и процесса, необходимые для повышения результативности профессиональной подготовки профессионала» (Балганова 2018, 27).

Проведенный теоретический анализ современных исследований проблемы психолого-педагогического обеспечения показывает, что

большинство авторов рассматривает обеспечение как управленческий процесс, включающий:

- целеполагание;
- определение содержания и способов реализации целеполагания на разных этапах;
- организацию условий, оптимизирующих формирование необходимых качеств личности;
- обоснование конкретных способов взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимоактуализации имеющихся ресурсов через структурирование времени, пространства, количественного и качественного состава участников и их взаимодействия (Мелетичев 2019).

По нашему мнению, психолого-педагогическое обеспечение профессионально-личностного развития педагогов целесообразно рассматривать как специфический вид деятельности. Эта деятельность направлена на создание условий для активизации ресурсов образовательных организаций и личностных ресурсов педагогических работников, необходимых для формирования и качественного развития у них основных компонентов готовности к реализации трудовых функций в изменяющихся социально-психологических и организационно-педагогических условиях (Шингаев и др. 2021). При этом готовность определяется как «состояние мобилизации всех психофизиологических систем человека, обеспечивающее эффективное выполнение определенных действий» (Мещеряков, Зинченко 2009, 148). Состояние готовности к действию определяется сочетанием разноуровневых факторов: физическая подготовленность, необходимая нейродинамическая обеспеченность действия, психологические условия. В зависимости от условий выполнения, ведущей может стать одна из этих сторон готовности к деятельности. В функционально-системном отношении готовность к деятельности определяет, прежде всего, целевые, временные, ресурсные, операционально-инструментальные, продуктивные, точностные параметры деятельности человека (Кирилова 2020).

Ресурсами образовательных организаций мы считаем социально-психологическую и организационно-педагогическую среду профессиональной деятельности и профессионального развития, содержание и технологии повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов, мероприятия по повышению образовательного и культурного уровня во внутришкольном пространстве, организацию труда и отдыха педагогов, мотивацию и стимулирование труда и профессионального развития

педагога (Мелетичев 2019). Следует отметить, что эти ресурсы, безусловно, имеют специфику, исходя из особенностей конкретных образовательных организаций.

Выделяя личностные ресурсы, предлагаем обращать внимание на комплекс составляющих, к которым относим:

- мотивацию выбора профессии и включения в педагогическую деятельность;
- социальный статус педагогического работника;
- педагогическую культуру;
- коммуникативную компетентность и особенности ее реализации в педагогическом общении;
- профессиональное здоровье педагогов;
- удовлетворенность трудом;
- опыт профессионально-педагогической деятельности;
- направленность профессионального и личностного развития;
- социально-психологические установки;
- профессионально-личностные позиции;
- волевые качества и деятельностно-значимые свойства личности (Шингаев и др. 2021).

Как показало проведенное исследование, наиболее эффективной основой для организации и реализации мероприятий психолого-педагогического обеспечения является системный подход, представляющий собой конкретно-научную методологию познания сложных объектов.

Как нами отмечалось в предыдущих работах (Мелетичев, Шингаев 2014; Мелетичев 2019; Шингаев и др. 2021), описывая систему, важно сформулировать основные слагаемые и модули, описать структуру их взаимосвязей, показать механизмы функционирования. Опираясь на теоретические исследования и практику внедрения системы психолого-педагогического обеспечения, можно выйти на формирование комплекса практических рекомендаций по внедрению предлагаемой системы и дальнейшие исследования.

Системный подход предполагает определение, рассмотрение и характеристику основных компонентов системы, их структуры, организации, взаимосвязи и условий, в которых они функционируют. Для решения перечисленных задач, мы опираемся на позицию Н. В. Кузьминой, согласно которой «педагогическую систему можно определить как множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчиненных целям воспитания, образования и обучения подрастающего поколения и взрослых людей» (Кузьмина и др. 2002, 11). По мнению

исследователя, для создания педагогической системы необходимыми и достаточными являются следующие компоненты: педагогическая цель; информация, ради усвоения которой создается система; средства педагогической коммуникации; объекты системы; ее субъекты (Кузьмина и др. 2002, 12).

Обсуждение результатов

Изложенные положения дают основание заключить, что психолого-педагогическое обеспечение профессионально-личностного развития педагогов целесообразно рассматривать как совокупность структурных и функциональных компонентов, находящихся во взаимосвязи и взаимодействии между собой, направленных на достижение высокого уровня их профессиональной и личностной готовности к организации и осуществлению мероприятий учебной и воспитательной работы, обеспечивающей высокое качество образовательного процесса.

В качестве основных компонентов профессионально-личностного развития педагогов правомерно назвать:

- а) диагностику, анализ и оценку актуального состояния профессиональной и личностной готовности педагогов к осуществлению профессиональной деятельности;
- б) использование мотивационного потенциала учебных занятий при прохождении педагогами курсов повышения квалификации (профессиональной переподготовки);
- в) создание материальных и социально-психологических условий профессионально-личностного развития педагогов;
- г) индивидуальные психолого-педагогические воздействия на педагогов по формированию у них мотивации профессиональной деятельности и профессионально-личностного развития;
- д) стимулирование самосовершенствования профессиональной деятельности и профессионально-личностного развития педагогов;
- е) поддержание личностных ресурсов педагогов, позволяющих реагировать на быстро изменяющуюся профессиональную среду (среди личностных ресурсов одним из важнейших мы считаем профессиональное здоровье);
- ж) анализ и оценка результативности и эффективности реализации данных компонентов, проводимые в формате включенного наблюдения и само/взаимооценивания в ходе профессиональной деятельности и/или учебных занятий при обучении по дополнительным профессиональным программам.

Выводы

Представленные в статье методологические и теоретические положения выступили основой для разработки и апробации модели системы психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогических работников в системе ДПО, проводимой в рамках научно-исследовательской работы на базе Государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К. Д. Ушинского».

Изложенный в статье материал позволяет сформулировать следующие выводы:

- Проведенный анализ различных точек зрения авторов на сущность и содержание понятия обеспечения в целом и психолого-педагогическое обеспечение показал наличие большого спектра мнений, что свидетельствует об отсутствии однозначности в понимании данного феномена. Это предопределяет значимость дальнейшего научного поиска в поле данной проблематики.
- Психолого-педагогическое обеспечение профессионально-личностного развития педагогов целесообразно рассматривать как специфический вид деятельности по созданию условий для активизации ресурсов образовательных организаций и личностных ресурсов педагогических работников, необходимых для формирования и качественного развития у них основных компонентов готовности к реализации трудовых функций в изменяющихся социально-психологических и организационно-педагогических условиях.
- В качестве системных компонентов психолого-педагогического обеспечения профессионально-личностного развития педагогов выступают: диагностика, анализ и оценка актуального состояния профессиональной и личностной готовности педагогов к осуществлению профессиональной деятельности; использование мотивационного потенциала учебных занятий при прохождении педагогами курсов повышения квалификации (профессиональной переподготовки); создание материальных и социально-психологических условий профессионально-личностного развития педагогов; инди-

видуальные психолого-педагогические воздействия на педагогов по формированию у них мотивации профессиональной деятельности и профессионально-личностного развития; стимулирование самосовершенствования профессиональной деятельности и профессионально-личностного развития педагогов; поддержание личностных ресурсов (профессионального здоровья) педагогов, позволяющих реагировать на быстро изменяющуюся профессиональную среду; анализ и оценка результативности и эффективности реализации данных компонентов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Вадим Мелетичев: Разработка концепции. Методология. Формальный анализ. Исследование. Обработка данных. Подготовка текста — черновик.

Сергей Шингаев: Разработка концепции. Методология. Подготовка текста — доработка и редактирование. Визуализация. Администрирование проекта.

Светлана Кирилова: Разработка концепции. Методология. Подготовка текста — критическая оценка, доработка и редактирование, комментирование.

Author Contributions

Vadim Meletichev: Conceptualization. Methodology. Formal analysis. Investigation. Data Curation. Writing — Original Draft.

Sergey Shingayev: Conceptualization. Methodology. Writing — Review & Editing. Visualization. Project administration.

Svetlana Kirilova: Conceptualization. Methodology. Writing — Critical Evaluation, Revision & Editing, Commenting.

Литература

- Анзорова, А. У. (2023) *Комплексное сопровождение непрерывного профессионального развития руководителей общеобразовательных организаций в дополнительном профессиональном образовании. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук*. Грозный, Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, 28 с.
- Балганова, Е. В. (2018) Понятие педагогическое обеспечение образовательного процесса. *Меридиан*, № 3 (14), с. 26–28. EDN: [YXOOLL](#)
- Бероева, Е. А. (2020) *Развитие профессиональной компетентности преподавателя в дополнительном профессиональном образовании. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 24 с.
- Брылева, У. В. (2014) *Психологическая поддержка профессионально-личностного развития педагога в условиях инновационного образования. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Самара, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 22 с.
- Глазова, Я. А. (2015) К вопросу понимания сущности категории «Педагогическое обеспечение формирования личности». *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, т. 21, № 2, с. 194–196. EDN: [UHHDLV](#)
- Ежак, Е. В. (2017) *Психологическое обеспечение профессионального развития педагога в условиях рисков современного образования. Диссертация на соискание степени доктора психологических наук*. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 315 с.
- Кирилова, С. А. (2020) *Диагностика и формирование готовности обучающихся к профессиональной деятельности*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования имени К. Д. Ушинского, 90 с.
- Кузьмина, Н. В., Григорьева, Е. А., Якунин, В. А. и др. (ред.). (2002) *Методы системного педагогического исследования*. М.: Народное образование, 208 с.
- Мелетичев, В. В. (2019) Мотивационное обеспечение профессионального развития педагога как система. *Непрерывное образование в Санкт-Петербурге*, № 1 (9), с. 53–60. EDN: [POOARE](#)
- Мелетичев, В. В., Шингаев, С. М. (2014) *Мотивация профессиональной деятельности и профессиональное выгорание педагогов: теория, диагностика, взаимосвязь, профилактика*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования имени К. Д. Ушинского, 100 с.
- Мещеряков, Б. Г., Зинченко, В. П. (ред.). (2009) *Большой психологический словарь*. 4-е изд. М.; СПб.: АСТ; Прайм-Еврознак, 811 с.
- Митина, Л. М. (1994) *Учитель как личность и профессионал: психологические проблемы*. М.: Дело, 215 с.
- Митина, Л. М. (2015) Психологические закономерности целостной профессиональной эволюции человека. *Российский научный журнал*, № 2 (45), с. 144–160. EDN: [TYQURX](#)
- Никитовская, Г. В. (2019) *Формирование управленческой компетентности будущего педагога в дополнительном профессиональном образовании. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук*. М., Московский педагогический государственный университет, 24 с.
- Тимонин, А. И. (2008) *Социально-педагогическое обеспечение профессионального становления студентов гуманитарных факультетов университета. Диссертация на соискание степени доктора педагогических наук*. Кострома, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 418 с.
- Улитко, В. В. (2023) *Сопровождение профессионального развития учителя начальных классов в системе дополнительного образования. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук*. М., Институт стратегии развития образования, 31 с.
- Филиппова, Н. М. (2007) *Педагогическое обеспечение общественной самоорганизации учащейся молодежи. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук*. Кострома, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 24 с.
- Шингаев, С. М. (2019) *Профессиональное здоровье педагогов: теория и практика*. В кн.: В. М. Голянич (ред.). *Психологическое здоровье и технологии здоровьесбережения в современной образовательной среде*. СПб.: Научно-информационный центр АРТ, с. 46–62.
- Шингаев, С. М., Мелетичев, В. В., Думчева, А. Г., Кирилова, С. А. (2021) *Промежуточный отчет по результатам научно-исследовательской работы «Психолого-педагогическое обеспечение профессионально-личностного развития педагогов в системе дополнительного профессионального образования»*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования имени К. Д. Ушинского. [Электронный ресурс]. URL: <https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03/otchet2021.pdf> (дата обращения 28.06.2024).

References

- Anzorova, A. U. (2023) *Kompleksnoe soprovozhdenie nepreryvnogo professional'nogo razvitiya rukovoditelej obshcheobrazovatel'nykh organizatsij v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii* [Comprehensive support

- for the continuous professional development of heads of general education organizations in additional professional education]. *Extended abstract of PhD dissertation (Pedagogy)*. Grozny, Kadyrov Chechen State University, 28 p. (In Russian)
- Balganova, E. V. (2018) Ponyatie pedagogicheskoe obespechenie obrazovatel'nogo protsessa [The concept of pedagogical support of the educational process]. *Meridian*, no. 3 (14), pp. 26–28. (In Russian)
- Beroeva, E. A. (2020) *Razvitie professional'noj kompetentnosti prepodavatelya v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii [Development of professional competence of a teacher in additional professional education]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, 24 p. (In Russian)
- Bryleva, U. V. (2014) *Psikhologicheskaya podderzhka professional'no-lichnostnogo razvitiya pedagoga v usloviyakh innovatsionnogo obrazovaniya [Psychological support for professional and personal development of a teacher in the context of innovative education]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Samara, Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities, 22 p. (In Russian)
- Ezhak, E. V. (2017) *Psikhologicheskoe obespechenie professional'nogo razvitiya pedagoga v usloviyakh riskov sovremennoogo obrazovaniya [Psychological support for the professional development of a teacher in the context of risks of modern education]. PhD dissertation (Psychology)*. Rostov-on-Don, Southern Federal University, 315 p. (In Russian)
- Filippova, N. M. (2007) *Pedagogicheskoe obespechenie obshchestvennoj samoorganizatsii uchashchejsya molodezhi [Pedagogical support of public self-organization of students]. Extended abstract of PhD dissertation (Pedagogy)*. Kostroma, Kostroma State University named after N. A. Nekrasov, 24 p. (In Russian)
- Glazova, Ya. A. (2015) K voprosu ponimaniya sushchnosti kategorii "Pedagogicheskoe obespechenie formirovaniya lichnosti" [On the question of the understanding of the category of "Pedagogic maintenance of identity formation"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika — Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*, vol. 21, no. 2, pp. 194–196. (In Russian)
- Kirilova, S. A. (2020) *Diagnostika i formirovanie gotovnosti obuchayushchikhsya k professional'noj deyatel'nosti [Diagnostics and formation of students' readiness for professional activity]. Saint Petersburg: Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky Publ.*, 90 p. (In Russian)
- Kuz'mina, N. V., Grigor'eva, E. A., Yakunin, V. A. et al. (eds.). (2002) *Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovaniya [Methods of systematic pedagogical research]*. Moscow: Narodnoe obrazovanie Publ., 208 p. (In Russian)
- Meletichev, V. V. (2019) Motivatsionnoe obespechenie professional'nogo razvitiya pedagoga kak sistema [Motivational support for the teacher professional development as a system]. *Nepreryvnoe obrazovanie v Sankt-Peterburge*, no. 1 (9), pp. 53–60. (In Russian)
- Meletichev, V. V., Shingaev, S. M. (2014) *Motivatsiya professional'noj deyatel'nosti i professional'noe vygoranie pedagogov: teoriya, diagnostika, vzaimosvyaz', profilaktika [Motivation of professional activity and professional burnout of teachers: Theory, diagnosis, interrelation, prevention]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky Publ., 100 p. (In Russian)
- Meshcheryakov, B. G., Zinchenko, V. P. (eds.). (2009) *Bol'shoj psikhologicheskij slovar' [A large psychological dictionary]*. 4th ed. Moscow; Saint Petersburg: AST Publ.; Prajm-Evroznak Publ., 811 p. (In Russian)
- Mitina, L. M. (1994) *Uchitel' kak lichnost' i professional [Teacher as a person and a professional]*. Moscow: Delo Publ., 215 p. (In Russian)
- Mitina, L. M. (2015) Psikhologicheskie zakonomernosti tselostnoj professional'noj evolyutsii cheloveka [Psychological regularities holistic professional human evolution]. *Rossijskij nauchnyj zhurnal — Russian Scientific Journal*, no. 2 (45), pp. 144–160. (In Russian)
- Nikitovskaya, G. V. (2019) *Formirovanie upravlencheskoj kompetentnosti budushchego pedagoga v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii [Formation of managerial competence of a future teacher in additional professional education]. Extended abstract of PhD dissertation (Pedagogy)*. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 24 p. (In Russian)
- Timonin, A. I. (2008) *Sotsial'no-pedagogicheskoe obespechenie professional'nogo stanovleniya studentov gumanitarnykh fakul'tetov universiteta [Socio-pedagogical support for the professional development of students of the humanities faculties of the University]. PhD dissertation (Pedagogy)*. Kostroma, Nekrasov Kostroma State University, 418 p. (In Russian)
- Shingaev, S. M. (2019) Professional'noe zdorov'e pedagogov: teoriya i praktika [Professional health of teachers: Theory and practice]. In: V. M. Golyanich (ed.). *Psikhologicheskoe zdorov'e i tekhnologii zdorov'esberezheniya v sovremennoj obrazovatel'noj srede [Psychological health and health-saving technologies in the modern educational environment]*. Saint Petersburg: Nauchno-informatsionnyj tsentr ART Publ., pp. 46–62. (In Russian)
- Shingaev, S. M., Meletichev, V. V., Dumcheva, A. G., Kirilova, S. A. (2021) *Promezhutochnyj otchet po rezul'tatam nauchno-issledovatel'skoj raboty "Psikhologo-pedagogicheskoe obespechenie professional'no-lichnostnogo razvitiya pedagogov v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya" [Interim report on the results of the research work "Psychological and pedagogical support for the professional and personal development of teachers in the system of additional professional education"]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky Publ. [Online]. Available at: <https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03/otchet2021.pdf> (accessed 28.06.2024). (In Russian)

Ulitko, V. V. (2023) *Soprovozhdenie professional'nogo razvitiya uchitelya nachal'nykh klassov v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya [Support for the professional development of primary school teachers in the system of additional education]. Extended abstract of PhD dissertation (Pedagogy)*. Moscow, Institute for Strategy of Educational Development, 31 p. (In Russian)

Сведения об авторах

Вадим Владимирович Мелетичев, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского
SPIN-код: [6382-8577](#), ORCID: [0000-0002-1792-3982](#), e-mail: vmelet65@mail.ru

Сергей Михайлович Шингаев, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского
SPIN-код: [1043-7169](#), Scopus AuthorID: [56964987900](#), ResearcherID: [S-4159-2016](#), ORCID: [0000-0001-7546-7375](#), e-mail: sshingaev@mail.ru

Светлана Анатольевна Кирилова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского
SPIN-код: [5542-3887](#), e-mail: svt-71@mail.ru

Authors

Vadim V. Meletichev, Candidate of Sciences (Pedagogy), Professor, Department of Psychology, Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky
SPIN: [6382-8577](#), ORCID: [0000-0002-1792-3982](#), e-mail: vmelet65@mail.ru

Sergey M. Shingayev, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Department of Psychology, Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky
SPIN: [1043-7169](#), Scopus AuthorID: [56964987900](#), ResearcherID: [S-4159-2016](#), ORCID: [0000-0001-7546-7375](#), e-mail: sshingaev@mail.ru

Svetlana A. Kirilova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Psychology, Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky
SPIN: [5542-3887](#), e-mail: svt-71@mail.ru

УДК 159.9

EDN TAFJYO

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-98-108>

Научная статья

Особенности эмоциональных проявлений профессионального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам

Э. Э. Уманская ^{✉1}, Т. И. Бонкало ^{2,3}

¹ Центр интеллектуальной культуры и спорта «КАИССА», 127273, Россия, г. Москва, ул. Хачатуряна, д. 16

² Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы (НИИ ОЗММ ДЗМ),
115088, Россия, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9

³ Кубанский государственный университет, 350063, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Для цитирования: Уманская, Э. Э., Бонкало, Т. И. (2025) Особенности эмоциональных проявлений профессионального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 98–108. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-98-108> EDN TAFJYO

Получена 22 июня 2024; прошла рецензирование 9 сентября 2024; принята 30 сентября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Э. Э. Уманская, Т. И. Бонкало (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. В статье содержатся результаты эмпирического исследования особенностей эмоциональных проявлений профессионального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам.

Материалы и методы. Исследование осуществлялось с помощью комплекса диагностических методик, ориентированных на определение степени выраженности профессионального и психоэмоционального выгорания, уровня самооценки психических состояний, профессиональной пригодности и способностей. В исследовании приняли участие 118 тренеров-преподавателей по шахматам и 118 учителей начальных классов, реализующих программы шахматного образования в общеобразовательных школах.

Результаты исследования. Выявлены статистически значимые различия между двумя исследовательскими выборками в показателях особенностей эмоциональной составляющей профессионального выгорания: показатели эмоционального истощения ($t = 2,42$; $p < 0,05$), тревожности ($t = 2,00$; $p < 0,05$), утомления ($t = 4,32$; $p < 0,001$), подавленности, неуверенности в себе, беспомощности ($t = 2,24$; $p < 0,05$) значимо выше в группе учителей, чем в группе спортивных тренеров. Показатели неадекватной завышенной самооценки профессиональных компетенций, способностей и возможностей при сниженной удовлетворенности результатами профессиональной деятельности, успехами своих воспитанников, склонности переносить ответственность за них на внешние обстоятельства, обвинять себя за излишние эмоциональные переживания характерны для многих тренеров-преподавателей по шахматам (53,35%). Выявлена взаимосвязь показателей степени выраженности признаков профессионального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам и показателей отношений к ним родителей юных шахматистов: при сохранности высокой оценки компетентности тренера-преподавателя в мире шахмат и шахматной игры наблюдается снижение удовлетворенности родителей его отношением к воспитанникам и реального взаимодействия с ним.

Заключение. Сделан вывод о том, что выявленная специфика эмоциональных проявлений профессионального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам должна учитываться при разработке действенных программ по предупреждению возникновения и развития у них симптомов неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью, формированию адекватных мотивов их профессионального и карьерного роста, переориентации их с целей достижения высоких спортивных результатов воспитанников на задачи развития их личности, познавательных процессов и метакогнитивных способностей, эмоциональной уравновешенности, ответственности и силы воли.

Ключевые слова: тренер-преподаватель по шахматам, профессиональное выгорание, эмоциональное истощение, редукция профессиональных достижений, самооценка эмоциональных состояний, самооценка профессиональной пригодности, отношение к профессиональной деятельности

Research article

Emotional manifestations of professional burnout among chess coaches

E. E. Umanskaya ^{1, 3}, T. I. Bonkalo^{2, 3}¹ The Center of Intellectual Culture and Sports 'KAISSA', 16 Khachaturian Str., Moscow 127273, Russia² Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (NIOZMM), 9 Sharikopodshipnikovskaya Str., Moscow 115088, Russia³ Kuban State University, 149 Stavropol Str., Krasnodar 350063, Russia

For citation: Umanskaya, E. E., Bonkalo, T. I. (2025) Features of emotional manifestations of professional burnout of chess coaches and teachers. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 98–108. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-98-108> EDN TAFJYO

Received 22 June 2024; reviewed 9 September 2024; accepted 30 September 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. E. Umanskaya, T. I. Bonkalo (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. The article presents the results of an empirical study focusing on emotional manifestations of professional burnout among chess coaches.

Materials and Methods. The study employed a set of diagnostic methods to determine the degree of professional and psycho-emotional burnout, the self-assessment of mental states, and professional competencies. The study involved 118 chess coaches and 118 primary school teachers implementing chess education programs in general education schools.

Results. Statistically significant differences were revealed between the two research samples regarding emotional dimensions of professional burnout. Teachers exhibited significantly higher levels of emotional exhaustion, anxiety, fatigue, depression, self-doubt, and helplessness compared to chess coaches. Conversely, chess coaches displayed higher levels of inflated self-esteem regarding their professional abilities, along with reduced satisfaction with their professional achievements and their students' success. They were also more prone to attributing professional setbacks to external factors and experiencing excessive emotional distress. A correlation was identified between the intensity of professional burnout symptoms in chess coaches and the perceptions of parents of young chess players.

Conclusions. The study highlights the distinct emotional characteristics of professional burnout among chess coaches and teachers, underscoring the need for targeted programs aimed at preventing burnout, enhancing job satisfaction, and fostering motivation for professional and career development.

Keywords: chess coach, professional burnout, emotional exhaustion, reduction of professional achievements, self-assessment of emotional states, self-assessment of professional competencies, attitude to the profession

Введение

Проблема профессионального выгорания тренера-преподавателя по шахматам еще не стала предметом научных исследований, несмотря на то что эта профессиональная деятельность сопряжена с огромными психоэмоциональными рисками.

Исследователями отмечается, что проблема профессионального (эмоционального) выгорания характеризуется непреходящей актуальностью и значимостью (Булгаков 2023). За последние годы вектор исследований проблемы сместился с позиций уточнения сущности и признаков эмоционального выгорания на позиции выявления его объективных и субъективных

факторов (Бонкало 2023): исследуются особенности и направленность взаимосвязей симптомов эмоционального выгорания у представителей социномических (помогающих) профессий с их эмоциональным интеллектом (Grover, Furnham 2021), эмоциональным поведением (Yin et al. 2019), способностью к выражению и контролю своих эмоций (Lee, Ji 2018), степенью идентификации себя с определенной профессиональной (Lian et al. 2021) и другими социальными группами (Sun et al. 2022).

Несмотря на расширение области исследований проблемы профессионального (эмоционального) выгорания, оно традиционно рассматривается как результат коммуникативного стресса представителей помогающих профессий,

чья профессиональная деятельность строится на постоянных коммуникативных контактах с другими людьми (Третьякова 2019; Bonkalo et al. 2021b)

Однако работа спортивного тренера сопряжена не только и не столько с коммуникативным стрессом, сколько с другими стрессогенными факторами, обусловленными спецификой их профессиональной деятельности (Полякова 2014; Bonkalo et al. 2021a). Профессиональный стресс, приводящий к возникновению и развитию синдрома эмоционального выгорания спортивных тренеров, связан со спецификой самореализации их личности, зависящей от спортивных достижений воспитанников, с необходимостью реализовывать индивидуальный подход к каждому из них, учитывать не только возрастные, но и индивидуально-психологические особенности личности, мотивировать на физические и умственные сверхнагрузки, создавать условия для раскрытия талантов, стимулировать профессионально-спортивный рост и развитие всех сфер личности воспитанников, оказывать им поддержку и быть наставником в их саморазвитии и самосовершенствовании (Довжик и др. 2021).

Творческий характер труда спортивного тренера, высокая ответственность за жизнь и здоровье юных спортсменов, за их самореализацию в спорте и спортивной деятельности, чувство долга перед Отечеством, с одной стороны, а с другой — видимая монотонность работы и тренировочного процесса создают определенные риски возникновения и развития у спортивных тренеров синдрома профессионального выгорания.

Особую значимость проблема профессионального (эмоционального) выгорания приобретает в отношении тренеров-преподавателей по шахматам, чья профессиональная деятельность теснейшим образом связана с чрезмерными умственными нагрузками.

Исследователи отмечают, что психологические особенности профессиональной деятельности тренера по шахматам заключаются в повышенных требованиях к его аналитическим, прогностическим, метакогнитивным способностям, а также к профессионально важным качествам личности даже не педагога, а психолога (Вершинин, Ильченко 2015). Исследования в области профессиональных компетенций тренера и педагога по шахматам свидетельствуют о том, что к таким компетенциям относят самые разнообразные способности. Так, О. В. Коневских в структуре профессиональной компетентности педагога шахматного образования выделяет

знаниевый, поведенческий компоненты, а также профессиональную позицию и психологические качества, отражающие мотивационную готовность к использованию шахматной игры в качестве эффективного средства развития личности (Коневских 2022). В работе Е. И. Руднянской отмечается, что педагоги шахматного образования должны владеть специальной, методической, социально-психологической, дифференциально-психологической, аутопсихологической компетенциями для достижения целей включения в общее образование шахматной подготовки (Руднянская 2018). Следует также акцентировать внимание на том факте, что, согласно новым профессиональным стандартам, профессия тренера рассматривается как синтез тренера и педагога. Тренер-преподаватель выполняет функции не только по спортивному развитию обучающихся, но и способствует гармоничному развитию их личности, выполняет функции образования, формирования личности, воспитания, оздоровления (Иконникова, Певецына 2021).

Тренер-преподаватель по шахматам, по сути, учит воспитанников самостоятельно мыслить. При этом исследователи отмечают, что эффективность тренировочного процесса достигается только при высоком уровне психического напряжения (Вершинин, Ильченко 2015). Поддержание такого уровня, управление функциональным состоянием спортсмена — одна из сложных задач тренера по шахматам (Иконникова, Певецына 2021).

Помимо этого, в связи с направленностью на шахматный всеобуч в нашей стране, в шахматные клубы и секции принимают всех детей, чьи родители разделяют взгляды на важную роль шахматной игры в общем развитии ребенка. Тренерская работа не только с одаренными, но и с обычными детьми, может значимо влиять на эмоциональные состояния тех тренеров, кто ориентирован на достижение спортивных результатов своих воспитанников, на удовлетворенность своей работой, общую удовлетворенность жизнью и своей самореализацией в ней. В связи с этим своевременное обнаружение у тренеров-преподавателей по шахматам признаков и симптомов эмоционального выгорания приобретает особую актуальность в отношении как к результатам их профессиональной деятельности, так и к профессиональному и ментальному здоровью их личности (Довжик и др. 2021).

Актуальность обозначенной проблемы определила цель эмпирического исследования, которая заключалась в выявлении особенностей эмоциональных проявлений профессионального

выгорания тренеров-преподавателей по шахматам на основе сравнительного анализа обозначенных показателей, зафиксированных как в основной группе, так и в группе учителей, реализующих программы начальной шахматной подготовки школьников.

Материалы и методы исследования

Предполагалось, что эмоциональные проявления профессионального выгорания тренеров по шахматам, чья профессиональная деятельность направлена на подготовку спортсменов-шахматистов и достижение ими высоких спортивных результатов, специфичны и отличаются от симптомов профессионального выгорания учителей общеобразовательных школ, реализующих программы шахматного всеобуча в целях общего развития школьников. В соответствии с целью и основной гипотезой исследования были сформированы две исследовательские выборки, состоящие из 118 тренеров-преподавателей по шахматам (основная группа), чей стаж профессиональной деятельности составил от 3 до 26 лет (средний возраст — 43,4 года) и 118 учителей начальных классов, реализующих программы шахматного образования в школе (группа сравнения) с тем же стажем профессиональной деятельности, что и респонденты основной группы (средний возраст — 43,8). Методическую основу исследования составили: опросник Maslach Burnout Inventory (МБИ), опросник А. Уэссмана и Д. Рикса «Самооценка эмоциональных состояний», методика «Накопление эмоционально-энергетических зарядов, направленных на самого себя» В. В. Бойко (модификация И. П. Ильина), «Определение психического выгорания» (ОПВ) автор В. А. Farber (в адаптации А. А. Рукавишников), «Отношение к деятельности» В. Каппони и Т. Новак, «Методика изучения самооценки профессиональной пригодности и способностей» (стандартизированная процедура расчета ко-

эффициента корреляции между представлением об идеальном тренере-преподавателе и о себе по Спирмену) (Аксенова и др. 2022, 24).

В исследовании также приняли участие родители детей младшего школьного возраста, посещающих секции по шахматам, воспитанников респондентов — тренеров-преподавателей. Всего было изучено мнение 400 родителей о тренере-преподавателе их ребенка с использованием Шкалы «Тренер — спортсмен» Ю. Ханина и А. Стамбулова.

Статистические методы исследования включали в себя процентные распределения респондентов по полученным показателям, расчеты средних арифметических в исследовательских группах, стандартного отклонения, t-критерия Стьюдента (проверка на нормальность распределения выборок осуществлялась с помощью коэффициента Колмогорова — Смирнова, который подтвердил правомерность использования параметрического критерия различий), хи-квадрат (χ^2) критерия.

Результаты и их обсуждение

Выявлено, что эмоциональные проявления профессионального выгорания значимо выше в группе учителей, чем в группе тренеров-преподавателей.

Так, результаты исследования, проведенного с помощью методики МБИ, свидетельствуют, что между двумя исследовательскими группами существуют статистически достоверные различия в показателях каждого структурного компонента профессионального выгорания. При этом, если показатели эмоционального истощения ($t = 2,42$; $p < 0,05$) и деперсонализации ($t = 3,93$; $p < 0,001$) значимо ниже в группе тренеров, чем в группе учителей, то показатели редукции личностных достижений, напротив, значимо выше именно в группе тренеров ($t = 2,02$; $p < 0,05$) (рис. 1).

У многих тренеров по шахматам выявлено снижение самооценки профессиональных

Рис. 1. Результаты исследования профессионального выгорания по методике МБИ

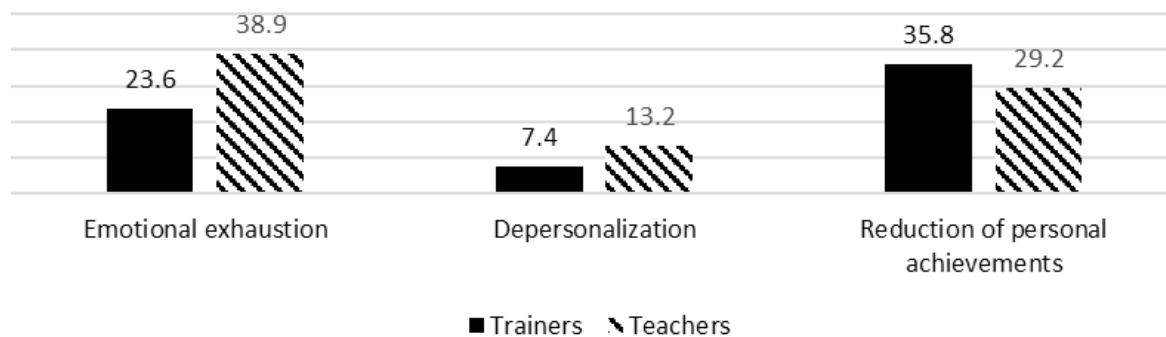

Fig. 1. Results of the study on professional burnout using the Maslach Burnout Inventory

достижений. Негативная оценка своей значимости, снятие с себя ответственности за спортивные неудачи своих учеников могут свидетельствовать о неудовлетворенности профессиональной деятельностью, об эмоциональном напряжении, связанном с нарастанием переживаний по поводу отсутствия спортивных результатов, о развитии убеждения в том, что их профессиональная деятельность «никому не нужна» и в целом бесполезна.

Так или иначе, содержание эмоционального выгорания учителей и тренеров-преподавателей

по шахматам отличается друг от друга. Об этом свидетельствуют результаты дальнейшего исследования.

Так, изучение степени выраженности у респондентов двух исследовательских групп психического выгорания показало, что многие тренеры-преподаватели обладают высоким уровнем профессиональной мотивации ($t = 3,10$; $p < 0,01$) в сочетании, однако, с формирующейся усталостью и эмоциональной отстраненностью от переживаний успехов-неудач в достижении целей профессиональной деятельности (рис. 2).

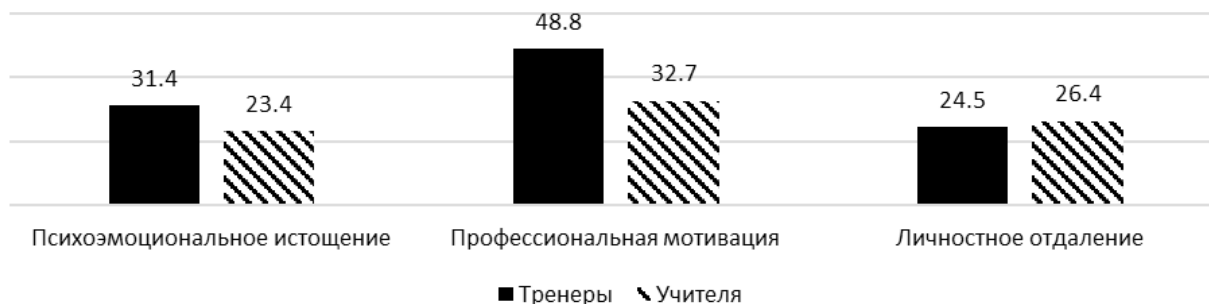

Рис. 2. Результаты исследования психического выгорания по методике ОПВ

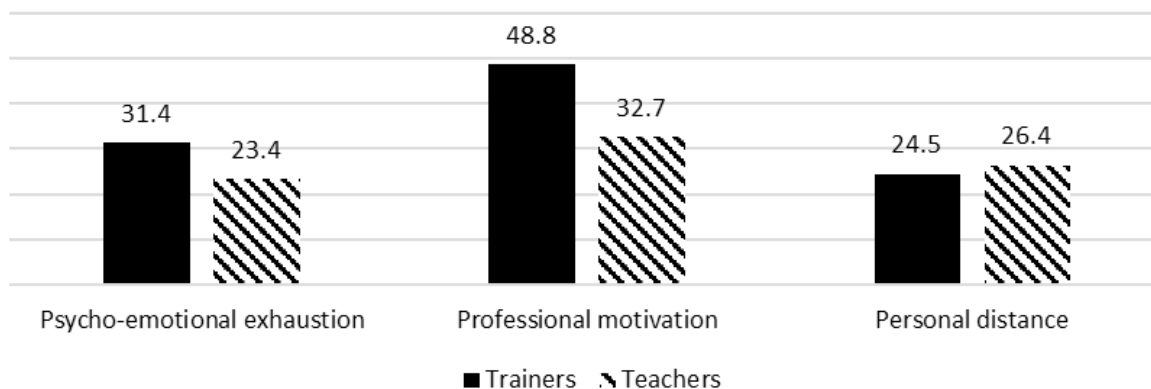

Fig. 2. Results of the study on mental burnout using the Rukavishnikov Burnout Inventory

Выявлено также различие между группами в показателях самооценки своих эмоциональных состояний (рис. 3).

Показатели состояния тревоги ($t = 2,00$; $p < 0,05$), усталости ($t = 4,32$; $p < 0,001$), беспомощности ($t = 2,24$; $p < 0,05$) значимо ниже в группе тренеров-преподавателей по шахматам, чем в группе учителей начальных классов, ре-

ализующих программы шахматного образования.

Исследование самооценки респондентами своей профессиональной пригодности, однако, показало, что среди тренеров-преподавателей по шахматам большинство (53,35%) составляют те, кто очень высоко оценивает свои профессиональные возможности и способности (рис. 4).

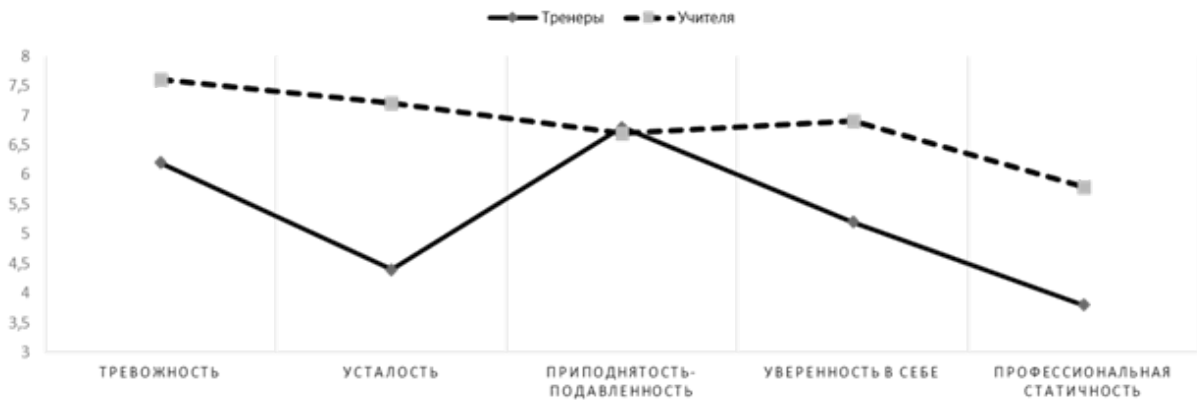

Рис. 3. Результаты исследования самооценки психических состояний (средний балл)

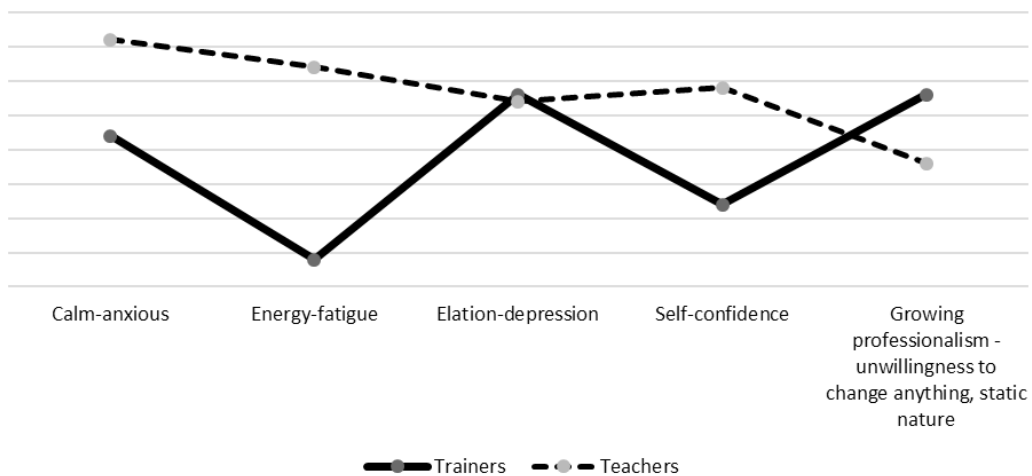

Fig. 3. Results of the study on self-assessment of mental states

Рис. 4. Процентные распределения респондентов двух исследовательских групп по уровню их самооценки профессиональной пригодности и способностей (%)

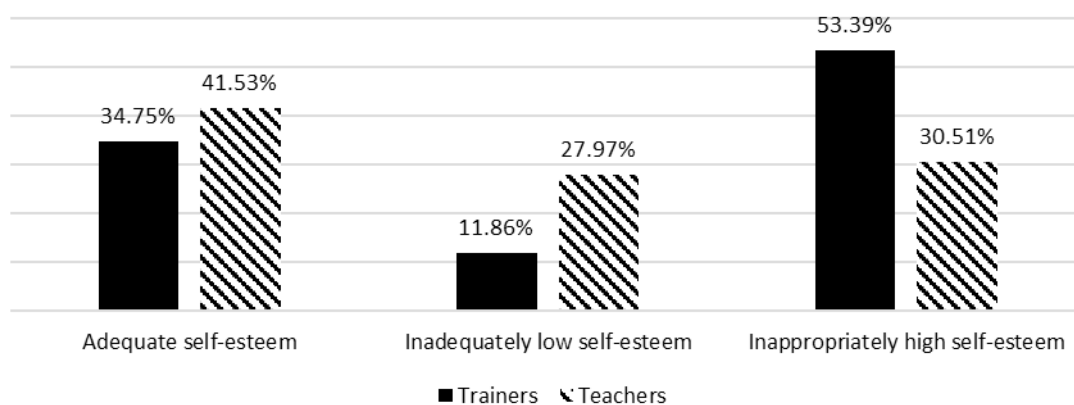

Fig. 4. Percentage distributions of respondents from two research groups based on their self-assessment of professional aptitude and abilities (%)

Результаты сравнительного анализа свидетельствуют о наличии статистически достоверных различий в процентных распределениях тренеров-преподавателей по шахматам и учителей по уровню их самооценки профессиональной пригодности ($\chi^2 = 102,34$; $p < 0,01$).

О нарастании у многих тренеров-преподавателей эмоционального напряжения, способного стать источником возникновения и развития синдрома эмоционального выгорания, свидетельствуют результаты исследования скрытой эмоциональной неудовлетворенности.

Выявлено, что, в отличие от учителей начальных классов, реализующих программы шахматного образования, большинство тренеров-преподавателей по шахматам характеризуются высоким уровнем именно латентного, а не открытого, эмоционального напряжения (рис. 5).

Только у четырех тренеров по шахматам было выявлено отсутствие латентного эмоционального напряжения, что составляет 3,39% от общей выборки. Высокий уровень накопления негативных эмоций, связанных с профессиональной деятельностью, выявлен у более чем трети тренеров-преподавателей (35,50%).

Интересны и результаты корреляционного анализа изученных показателей. Если в группе учителей выявлены ожидаемые корреляционные взаимосвязи между показателями эмоционального истощения, неуверенности в себе, заниженной самооценки, что сочетается с чувствами тревоги, беспомощности, подавленности, то в группе тренеров-преподавателей по шахматам обнаружены взаимосвязи между редукцией личностных достижений и неадекватно завышенной самооценкой своей профессиональной пригодности и способностей ($r = 0,441$; $p < 0,001$). Такие результаты свидетельствуют о наличии особенностей эмоциональных проявлений формирующегося профессионального выгорания у многих тренеров-преподавателей по шахматам.

В процессе исследования мнения родителей юных шахматистов об их тренере были выявлены значимые корреляционные связи между показателями эмоционального ($r = -0,321$; $p < 0,001$) и поведенческого ($r = -0,294$; $p < 0,01$) компонентов отношений в системе «Тренер — ученик» и показателями скрытого эмоционального напряжения тренера-преподавателя

Рис. 5. Процентные распределения респондентов двух групп по уровню скрытого эмоционального напряжения (%)

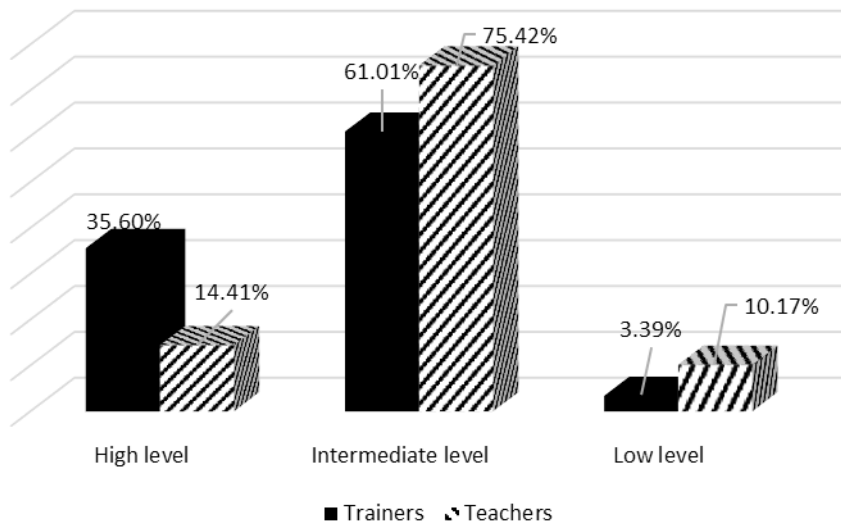

Fig. 5. Percentage distributions of respondents in two groups based on the level of latent emotional stress (%)

по шахматам. При сохранности высокой оценки компетентности тренера-преподавателя в мире шахмат и шахматной игры наблюдается снижение удовлетворенности родителей его отношением к воспитанникам и реальным взаимодействием с ним, что свидетельствует о нарастании напряженности в системе профессионального взаимодействия, с одной стороны, а с другой — о направленности тренеров на спортивный результат, а не на самого юного спортсмена, его развитие.

Выводы

Накопление негативных эмоций, связанных с профессиональной деятельностью в связи с наличием у тренеров-преподавателей по шахматам и высокой профессиональной мотивации, и завышенной оценки себя как профессионала и шахматиста, не находят выхода вовне и становятся источником неудовлетворенности многих из них результатами своей деятельности. У учителей, реализующих программы шахматного образования, выявлен значимо высокий уровень эмоционального выгорания, что связано скорее с их педагогической деятельностью, сниженная профессиональная мотивация, выше среднего уровень эмоционального и психоэмоционального истощения. У тренеров-преподавателей по шахматам выявлены неудовлетворенность результатами своей деятельности, снятие с себя ответственности за такие результаты, обвинение в них внешних обстоятельств и, как следствие, обесценивание тренерской работы, критика себя за излишние переживания по поводу недоста-

точных, в их представлении, спортивных результатов своих учеников.

Выявленная в процессе исследования специфика эмоциональных проявлений профессионального выгорания тренеров-преподавателей по шахматам должна стать основой для разработки действенных программ по предупреждению возникновения и развития симптомов профессионального выгорания, предполагающего наличие высокой степени неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью, по формированию адекватных мотивов их профессионального и карьерного роста.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data is available upon request addressed to the corresponding author.

Литература

- Аксенова, Е. И., Полякова, О. Б., Бонкало, Т. И. (2022) *Профессиональные деформации медицинских работников: сущность, структура, особенности диагностики, профилактики и коррекции*. М.: Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы. [Электронный ресурс]. URL: https://niioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/monografii/professionalnye-deformatsii-meditsinskikh-rabotnikov-sushchnost-struktura-osobennosti-diagnostiki-pr/?sphrase_id=158243 (дата обращения 20.06.2024).
- Бонкало, Т. И. (2023) Модели эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной психологии. В кн.: Е. И. Аксенова (ред.). *Труды научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента. Сборник научных трудов. Вып. 4 (18)*. М.: Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, с. 64–68. EDN: [ZYZYGU](https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120209)
- Булгаков, И. А. (2023) Современные направления изучения феномена эмоционального выгорания. *Современная зарубежная психология*, т. 12, № 2, с. 94–103. <https://www.doi.org/10.17759/jmfp.2023120209>
- Вершинин, М. А., Ильченко, Н. А. (2015) Психолого-педагогические аспекты повышения эффективности тренировочного процесса квалифицированных шахматистов. *Фундаментальные исследования*, № 2 (7), с. 1474–1477. EDN: [TNISAL](https://doi.org/10.17759/cpse.2021100402)
- Довжик, Л. М., Бочавер, К. А., Резниченко, С. И., Бондарев, Д. В. (2021) Выгорание спортивного тренера: угроза профессиональной успешности, ментальному здоровью и благополучию. *Клиническая и специальная психология*, т. 10, № 4, с. 24–47. <https://www.doi.org/10.17759/cpse.2021100402>
- Иконникова, О. Н., Певцына, Л. М. (2021) Научно-методическое сопровождение педагогов по физической культуре и шахматному всеобучу в Ростовской области. *Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров*, № 2 (47), с. 89–101. EDN: [AFEXWU](https://doi.org/10.30853/ped20220013)
- Коневских, О. В. (2022) Профессиональная компетентность педагогов начальной школы, реализующих программы шахматного образования. *Педагогика. Вопросы теории и практики*, т. 7, № 1, с. 125–130. <https://doi.org/10.30853/ped20220013>
- Полякова, Т. А. (2014) Синдром профессионального выгорания в деятельности тренера. *Теория и практика физической культуры*, № 5, с. 9–12. EDN: [SCZKPT](https://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10211)
- Руднянская, Е. И. (2018) Профессиональная компетентность учителя в обучении младших школьников основам шахматной игры. *Учебный год*, № 4 (53), с. 65–67. EDN: [YPFUFV](https://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10211)
- Третьякова, В. С. (2019) Исследование синдрома эмоционального выгорания в педагогической среде. *Профессиональное образование и рынок труда*, № 2, с. 71–85. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10211>
- Bonkalo, T. I., Logachev, N. V., Shmeleva, S. V. (2021a) Formation of a professional and informational culture of future lawyers as a condition for solving the problems of digitalization of legal professions. In: E. G. Popkova, B. S. Sergi (eds.). *Modern global economic system: Evolutional development vs. revolutionary leap. ISC 2019. Lecture notes in networks and systems. Vol. 198*. Cham: Springer Publ., pp. 1318–1327. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_145
- Bonkalo, T. I., Shmeleva, S. V., Nazarenko, V. V. et al. (2021b) Activating model of professional training of persons with disabilities as competitive specialists in higher education establishment. *Laplace em Revista*, vol. 7, no. 3A, pp. 235–244. <https://doi.org/10.24115/s2446-6220202173a1396p.235-244>
- Grover, S., Furnham, A. (2021) Does emotional intelligence and resilience moderate the relationship between the Dark Triad and personal and work burnout? *Personality and Individual Differences*, vol. 169, article 109979. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.109979>
- Lee, E. K., Ji, E. J. (2018) The moderating role of leader–member exchange in the relationships between emotional labor and burnout in clinical nurses. *Asian Nursing Research*, vol. 12, no. 1, pp. 56–61. <https://doi.org/10.1016/j.anr.2018.02.002>
- Lian, V., Guo, V., Wang, Q. et al. (2021) Calling, character strengths, career identity, and job burnout in young Chinese university teachers: A chain-mediating model. *Children and Youth Services Review*, vol. 120, article 105776. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2020.105776>
- Sun, B., Fu, L., Yan, C. (2022) Quality of work life and work engagement among nurses with standardised training: The mediating role of burnout and career identity. *Nurse Education in Practice*, vol. 58, article 103276. <https://doi.org/10.1016/j.nepr.2021.103276>

Yin, H., Huang, S., Chen, G. (2019) The relationships between teachers' emotional labor and their burnout and satisfaction: A meta-analytic review. *Educational Research Review*, vol. 28, article 100283. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2019.100283>

References

- Aksenova, E. I., Polyakova, O. B., Bonkalo, T. I. (2022) *Professional'nye deformatsii meditsinskikh rabotnikov: sushchnost', struktura, osobennosti diagnostiki, profilaktiki i korrektsii* [Professional deformations of medical workers: Essence, structure, features of diagnosis, prevention and correction]. Moscow: Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department Publ. [Online]. Available at: https://niioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/monografii/professionalnye-deformatsii-meditsinskikh-rabotnikov-sushchnost-struktura-osobennosti-diagnostiki-pr/?sphrase_id=158243 (accessed 20.06.2024). (In Russian)
- Bonkalo, T. I. (2023) Modeli emotsional'nogo vygoraniya v otechestvennoj i zarubezhnoj psikhologii [Models of emotional burnout in domestic and foreign psychology]. In: E. I. Aksenova (ed.). *Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta organizatsii zdravookhraneniya i meditsinskogo menedzhmenta. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4(18)* [Proceedings of the Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management. Collection of scientific papers. Iss. 4 (18)]. Moscow: Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department Publ., pp. 64–68. (In Russian)
- Bonkalo, T. I., Logachev, N. V., Shmeleva, S. V. (2021a) Formation of a professional and informational culture of future lawyers as a condition for solving the problems of digitalization of legal professions. In: E. G. Popkova, B. S. Sergi (eds.). *Modern global economic system: Evolutional development vs. revolutionary leap. ISC 2019. Lecture notes in networks and systems. Vol. 198*. Cham: Springer Publ., pp. 1318–1327. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_145 (In English)
- Bonkalo, T. I., Shmeleva, S. V., Nazarenko, V. V. et al. (2021b) Activating model of professional training of persons with disabilities as competitive specialists in higher education establishment. *Laplace em Revista*, vol. 7, no. 3A, pp. 235–244. <https://doi.org/10.24115/s2446-6220202173a1396p.235-244> (In English)
- Bulgakov, I. A. (2023) Sovremennye napravleniya izucheniya fenomena emotsional'nogo vygoraniya [Current trends in the study of emotional burnout phenomenon]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 12, no. 2, pp. 94–103. <https://www.doi.org/10.17759/jmfp.2023120209> (In Russian)
- Dovzhik, L. M., Bochaver, K. A., Reznichenko, S. I., Bondarev, D. V. (2021) Vygoranie sportivnogo trenera: ugroza professional'noj uspešnosti, mental'nomu zdorov'yu i blagopoluchiyu [Sport coaches burnout as a threat to professional success, mental health and well-being]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya — Clinical Psychology and Special Education*, vol. 10, no. 4, pp. 24–47. <https://www.doi.org/10.17759/cpse.2021100402> (In Russian)
- Grover, S., Furnham, A. (2021) Does emotional intelligence and resilience moderate the relationship between the Dark Triad and personal and work burnout? *Personality and Individual Differences*, vol. 169, article 109979. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.109979> (In English)
- Ikonnikova, O. N., Pevitsyna, L. M. (2021) Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie pedagogov po fizicheskoj kul'ture i shakhmatnomu vseobuchu v Rostovskoj oblasti [Scientific and methodological support of physical education teachers and chess teachers in the Rostov region]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*, no. 2 (47), pp. 89–101. (In Russian)
- Konevskikh, O. V. (2022) Professional'naya kompetentnost' pedagogov nachal'noj shkoly, realizuyushchikh programmy shakhmatnogo obrazovaniya [Professional competence of primary school teachers implementing chess education programmes]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki — Pedagogy. Theory & Practice*, vol. 7, no. 1, pp. 125–130. <https://doi.org/10.30853/ped20220013> (In Russian)
- Lee, E. K., Ji, E. J. (2018) The moderating role of leader–member exchange in the relationships between emotional labor and burnout in clinical nurses. *Asian Nursing Research*, vol. 12, no. 1, pp. 56–61. <https://doi.org/10.1016/j.anr.2018.02.002> (In English)
- Lian, V., Guo, V., Wang, Q. et al. (2021) Calling, character strengths, career identity, and job burnout in young Chinese university teachers: A chain-mediating model. *Children and Youth Services Review*, vol. 120, article 105776. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105776> (In English)
- Polyakova, T. A. (2014) Sindrom professional'nogo vygoraniya v deyatel'nosti trenera [Syndrome of professional burnout in trainer's activity]. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury — Theory and Practice of Physical Culture*, no. 5, pp. 9–12. (In Russian)
- Rudnyanskaya, E. I. (2018) Professional'naya kompetentnost' uchitelya v obuchenii mladshikh shkol'nikov osnovam shakhmatnoj igry [Professional competence of a teacher in teaching younger schoolchildren the basics of the chess game]. *Uchebnyj god*, no. 4 (53), pp. 65–67. (In Russian)
- Sun, B., Fu, L., Yan, C. (2022) Quality of work life and work engagement among nurses with standardised training: The mediating role of burnout and career identity. *Nurse Education in Practice*, vol. 58, article 103276. <https://doi.org/10.1016/j.nepr.2021.103276> (In English)

- Tretyakova, V. S. (2019) Issledovanie sindroma emotsional'nogo vygoraniya v pedagogicheskoy srede [The study of emotional burnout syndrome in the educational environment]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda — Vocational Education and Labour Market*, no. 2, pp. 71–85. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10211> (In Russian)
- Vershinin, M. A., Ilchenko, N. A. (2015) Psikhologo-pedagogicheskie aspekty povysheniya effektivnosti trenirovochnogo protsessa kvalifitsirovannykh shakhmatistov [Psycho-pedagogical aspects of improving efficiency of qualified chess players' training process]. *Fundamental'nye issledovaniya — Fundamental Research*, no. 2 (7), pp. 1474–1477. (In Russian)
- Yin, H., Huang, S., Chen, G. (2019) The relationships between teachers' emotional labor and their burnout and satisfaction: A meta-analytic review. *Educational Research Review*, vol. 28, article 100283. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2019.100283> (In English)

Сведения об авторах

Эльвира Энзировна Уманская, академик Международной Академии менеджмента, доктор делового администрирования в менеджменте, профессор образования, мастер ФИДЕ по шахматам, директор, Автономная некоммерческая организация «Центр интеллектуальной культуры и спорта «КАИССА» SPIN-код: 5494-1017, ORCID: 0009-0005-3908-8788, e-mail: 89151479832@mail.ru

Татьяна Ивановна Бонкало, доктор психологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУ «НИИ ОЗММ ДЗМ»); Кубанский государственный университет SPIN-код: 6572-7417, ORCID: 0000-0003-0887-4995, e-mail: 89151479832@mail.ru

Authors

Elvira E. Umanskaya, Academician of the International Academy of Management, Doctor of Business Administration in Management, Professor of Education, FIDE Chess Master, Director, Center for Intellectual Culture and Sports 'KAISSA' SPIN: 5494-1017, ORCID: 0009-0005-3908-8788, e-mail: 89151479832@mail.ru

Tatyana I. Bonkalo, Doctor of Sciences (Psychology), Senior Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (NIOZMM); Kuban State University SPIN: 6572-7417, ORCID: 0000-0003-0887-4995, e-mail: 89151479832@mail.ru

УДК 578.834:159.95:616-06

EDN UDPWYJ

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-109-124>

Научная статья

Отсроченные нейропсихологические и патопсихологические последствия, ассоциированные с COVID-19

Н. А. Беяков¹, В. В. Рассохин¹, Е. В. Боева¹, А. А. Книжникова^{✉1}, А. О. Норка¹,
Н. Б. Халезова², Я. Б. Кушнир², Е. Р. Исаева²

¹ Санкт-Петербургский НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера,
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Мира, д. 14

² Независимый исследователь, Россия, г. Санкт-Петербург

Для цитирования: Беяков, Н. А., Рассохин, В. В., Боева, Е. В., Книжникова, А. А., Норка, А. О., Халезова, Н. Б., Кушнир, Я. Б., Исаева, Е. Р. (2025) Отсроченные нейропсихологические и патопсихологические последствия, ассоциированные с COVID-19. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 109–124. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-109-124> EDN UDPWYJ

Получена 21 июня 2024; прошла рецензирование 23 июля 2024; принята 10 сентября 2024.

Финансирование: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23–45–10017, в рамках российско-белорусского сотрудничества. <https://rscf.ru/project/23-45-10017>

Права: © Н. А. Беяков, В. В. Рассохин, Е. В. Боева, А. А. Книжникова, А. О. Норка, Н. Б. Халезова, Я. Б. Кушнир, Е. Р. Исаева (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Отсроченные последствия, ассоциированные с COVID-19, оказывают значимое влияние на состояние здоровья населения. Лидирующие позиции среди симптомов постковидного периода занимают нарушения со стороны нервной системы (21,7%). При этом данных о психической структуре последствий SARS-CoV-2 на сегодняшний день недостаточно. В связи с этим целью исследования была оценка структуры и характера жалоб на состояние здоровья, а также нейропсихологических и патопсихологических нарушений у людей в постковидный период.

Материалы и методы. В статье приводятся результаты расширенного анкетирования 1200 респондентов, которое было направлено на выявление основных общесоматических, психических и неврологических последствий, развившихся в период от 4 недель до 12 месяцев после перенесенного COVID-19. Другая часть описываемых результатов относится к экспериментально-психологическому обследованию 47 респондентов, случайным образом отобранных из основной группы исследования ($n = 1200$), включающему оценку общего состояния когнитивных функций, памяти, внимания, гнозиса, праксиса, а также выраженности психопатологической симптоматики.

Результаты исследования. С повышением возраста увеличивалась тяжесть протекания как острой фазы, так и отсроченных последствий перенесенной новой коронавирусной инфекции. Было выявлено семь субфенотипов нарушений в постковидном периоде, включающих в себя тревожные и сопряженные подобные явления (1), нервно-мышечные нарушения, сопряженные с болевым синдромом (2), нарушения дыхательной, сердечно-сосудистой и вегетативной систем (3), астенические явления (4), нарушения со стороны когнитивных функций (5), депрессивные явления (6), нарушения со стороны органов чувств (7). В рамках экспериментально-психологического обследования были выявлены следующие психические нарушения: снижение логической и механической долговременной памяти, снижение психической устойчивости, трудности пространственных гностических и практических ориентировок, выраженность тревожных и депрессивных тенденций, склонность к навязчивым явлениям и выраженному дискомфорту от наличных соматических симптомов.

Заключение. Реабилитация лиц после перенесенного COVID-19 требует проведения комплексной программы нейропсихологической коррекции в рамках мультидисциплинарного подхода. Выявленные субфенотипы проявлений постковидного периода, а также нейропсихологические и патопсихологические нарушения могут быть использованы в качестве коррекционных мишеней при ее разработке.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция (НКИ), когнитивные нарушения, COVID-19, постковидный синдром, поражение центральной нервной системы (ЦНС), психические расстройства

Research article

Long-term neuropsychological and pathopsychological consequences associated with COVID-19

N. A. Belyakov¹, V. V. Rassokhin¹, E. V. Boeva¹, A. A. Knizhnikova^{✉1}, A. O. Norka¹,
N. B. Khalezova², Ya. B. Kushnir², E. R. Isaeva²

¹ Saint Petersburg Pasteur Institute, 14 Mira Str., Saint Petersburg 197101, Russia

² Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

For citation: Belyakov, N. A., Rassokhin, V. V., Boeva, E. V., Knizhnikova, A. A., Norka, A. O., Khalezova, N. B., Kushnir, Ya. B., Isaeva, E. R. (2025) Long-term neuropsychological and pathopsychological consequences associated with COVID-19. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 109–124. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-109-124> EDN UDPWYJ

Received 21 June 2024; reviewed 23 July 2024; accepted 10 September 2024.

Funding: The research was carried out with funds from the Russian Science Foundation grant No. 23–45–10017, within the framework of Russian-Belarusian cooperation. <https://rscf.ru/project/23-45-10017>

Copyright: © N. A. Belyakov, V. V. Rassokhin, E. V. Boeva, A. A. Knizhnikova, A. O. Norka, N. B. Khalezova, Ya. B. Kushnir, E. R. Isaeva (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. Long-term consequences associated with COVID-19 have a significant impact on people's health. The most common symptoms observed in the post-COVID period include disorders of the nervous system (21.7%). However, data on the mental structure of the consequences induced by SARS-CoV-2 is still lacking. The purpose of this study was therefore to assess the structure and nature of health complaints as well as neuropsychological and pathopsychological disorders in people in the post-COVID period.

Materials and Methods. This article presents the results of an extensive survey involving 1,200 respondents, which aimed to identify the main general somatic, mental and neurological consequences that developed from four weeks to twelve months after COVID-19 infection. Another part of the described results comes from an experimental psychological examination of 47 respondents randomly selected from the main study group (n = 1,200), which included an assessment of the overall state of cognitive functions, memory, attention, gnosis, praxis and the severity of psychopathological symptoms.

Results. A total of seven subphenotypes of disorders were identified in the post-COVID period, among them anxiety and related phenomena (1), neuromuscular disorders associated with pain syndrome (2), disorders of respiratory, cardiovascular and autonomic systems (3), asthenic phenomena (4), disorders of cognitive functions (5), depressive phenomena (6) and disorders of sensory organs (7). The experimental psychological examination revealed the following mental disorders: a decline in logical and mechanical long-term memory, a decrease in mental stability, difficulties in spatial gnostic and praxic orientations, the severity of anxious and depressive tendencies and a proclivity for obsessive phenomena.

Conclusions. Rehabilitation of persons with a history of COVID-19 infection requires a comprehensive neuropsychological correction program rooted in a multidisciplinary approach. The identified subphenotypes and mental disorders of the post-COVID period can be used as corrective targets in rehabilitation.

Keywords: new coronavirus infection (NCI), cognitive impairment, COVID-19, post-COVID syndrome, central nervous system damage, mental disorders

Введение

На сегодняшний день пандемия SARS-CoV-2 (COVID-19) продолжает оказывать значимое влияние на здоровье населения в виде отсроченных последствий, получивших название «постковидный синдром» (ПКС). По результатам как отечественных, так и зарубежных исследований, это состояние включает в себя большой спектр соматических, неврологических и психических нарушений, картина которых представлена полиморфными и диффузными

поражениями различных систем организма (Беляков и др. 2023; Боголепова и др. 2021; Петрова и др. 2022; Zhang et al. 2023).

Актуальность проведения клинико-психологических исследований постковидного состояния определяется не только малым количеством имеющихся данных о его психологической структуре, но и лидирующими позициями нарушений со стороны нервной системы (21,7%), а также их затяжной длительностью (10–12 месяцев) после перенесенного заболевания (Ярмухамедова, Узакова 2023; Orrù et al. 2021).

Отдельное внимание стоит обратить на наметившуюся тенденцию к мультидисциплинарному и персонализированному подходу в рамках реабилитации лиц в постковидном периоде. Появляются первые протоколы реабилитационных мероприятий для междисциплинарных команд, включающих врачей, клинических психологов, эрготерапевтов, физиотерапевтов и других (Kupferschmitt et al. 2022), реализуются экспериментальные нейропсихологические реабилитационные программы (Harenwall et al. 2021), публикуются результаты клинического опыта сопровождения лиц с постковидным синдромом, указывающие на высокую эффективность профессиональных команд, формирующихся на основе биопсихосоциального подхода (Мальцева, Шмонин 2023).

Ряд исследований (Гутова и др. 2021; Евстифеева и др. 2022; Полиданов и др. 2022; Усов, Юшков 2021; Филиппченкова и др. 2022) указывает на наличие следующих психологических особенностей, ассоциированных с перенесенным COVID-19: выраженность тревожных и депрессивных тенденций, значимое снижение качества жизни, астенические состояния, снижение функций внимания и памяти, неудовлетворенность респондентов состоянием собственного здоровья, наличие взаимосвязи между тяжестью последствий от перенесенного COVID-19 с уровнем стрессоустойчивости, стресс-преодолевающим поведением и выраженностью черт алекситимии. Несмотря на уже проведенную работу, данных о нейропсихологических и патопсихологических нарушениях, которые описывали бы полную структуру отсроченных последствий перенесенного COVID-19, на сегодняшний день недостаточно. В связи с этим определение мишеней и содержания клиничко-психологических программ реабилитации остается в русле актуальных проблем для практикующих специалистов.

Целью исследования стала оценка структуры и характера жалоб на состояние здоровья, а также нейропсихологических и патопсихологических нарушений у людей в постковидном периоде.

Материалы и методы

Сбор материала и обследования участников исследования проводились на клинических базах ФБУН НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера Роспотребнадзора и ФГБОУ ВО «ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова» Минздрава России за счет гранта Российского научного фонда № 23–45–10017 в рамках российско-белорусского сотрудничества.

Данная работа представляет собой попытку углубления описания и интерпретации результатов, полученных на первом этапе системного исследования за счет вышеописанного гранта, проводившегося в течение 2023 г. (Беляков и др. 2023), а также внесения клиничко-психологического компонента в анализ и объяснение жалоб, трудностей, нарушений, ассоциированных с постковидным периодом.

Исследование одобрено к проведению Этическим комитетом ФБУН НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера № 84 от 16 февраля 2023 г. При включении в исследование лиц, перенесших новую коронавирусную инфекцию, было получено добровольное информированное согласие на участие и обработку персональных данных.

Критериями включения в исследование были:

- 1) возраст респондентов от 18 до 60 лет;
- 2) установленный факт перенесенного COVID-19, подтвержденный методом полимеразной цепной реакции SARS-CoV-2 (ПЦР).

Дизайн исследования был представлен двумя основными этапами: первый этап — проведение систематического регионального клиничко-эпидемиологического исследования последствий перенесенной новой коронавирусной инфекции; второй этап — реализация экспериментально-психологического обследования пациентов.

С целью выполнения первого этапа исследования была разработана специализированная анкета, направленная на ретроспективное выяснение следующих аспектов: общие демографические данные участников, информация о перенесенном COVID-19 и вакцинации, сведения о физическом и психическом благополучии как до, так и после перенесенного заболевания с указанием сохранившихся на момент проведения исследования симптомов, осложняющих жизнедеятельность. В анкете описывалось 38 таких симптомов (тревога за здоровье, близких, работу, одышка, головокружение, выпадение волос и другое), которые участникам необходимо было оценить, используя такие ответы, как «не беспокоит», «слабо», «умеренно», «чрезвычайно сильно». В рамках первого этапа исследования было проведено анкетирование 1200 респондентов, перенесших новую коронавирусную инфекцию не более шести месяцев назад.

На втором этапе — реализации экспериментально-психологического обследования пациентов — была произведена случайная выборка 47 пациентов из основной группы исследования

($n = 1200$), перенесших COVID-19 не более шести месяцев назад. В рамках клинико-психологической беседы учитывались жалобы на момент обследования, хронические заболевания и т. д. Основными аспектами изучения стали:

- 1) кратковременная и долговременная механическая память;
- 2) кратковременная и долговременная логическая память;
- 3) психомоторный темп, устойчивость и рываемость внимания;
- 4) динамический, кинестетический и пространственный праксис;
- 5) зрительно-предметный, зрительно-пространственный, слуховой гнозис и ориентировка в схеме тела;
- 6) скрининг выраженности тревожных и депрессивных тенденций, психопатологической симптоматики и степени когнитивных нарушений.

В рамках нейropsychологической и патopsихологической диагностики лиц с постковидным синдромом использовались: методика «10 слов» А. Р. Лурия, методика «Таблицы Шульте», субтест из батареи «Тест памяти Векслера» на логическую память, нейropsychологические пробы для исследования функций праксиса («Кулак — ребро — ладонь», «Проба праксиса позы пальцев», «Проба Хэда»), функций гнозиса («Незаконченные изображения предметов», «Узнавание времени на схематичных часах», слуховые пробы и пробы на ориентировку в схеме тела), Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS), Монреальская шкала оценки когнитивных функций (MoCA), Симптоматический опросник SLR-90.

Статистическая обработка результатов производилась с использованием программ MS Excel 2010 и STATISTICA 10. Методами статистического исследования выступали: определение нормальности распределения по критерию Шапиро — Уилка, корреляционный анализ проводился с использованием коэффициента Спирмена, факторный анализ с использованием метода главных компонент и метода вращения «Варимакс» с нормализацией Кайзера. Также для анализа данных применялись методы описательной статистики. При определении статистической значимости результатов использовалась вероятность случайной ошибки 5 % ($p < 0,05$).

Результаты

В анкетировании приняло участие 1200 респондентов, которые перенесли новую коронавирусную инфекцию в период с 2019 по 2023 г.

Средний возраст выборки составил $40 \pm 11,9$. Распределение по половому признаку — 71,1 % женщины и 28,9 % мужчины. Большая часть респондентов относилась к трудоспособному населению (72,3 %). Также большинство из анкетированных лиц перенесли острую фазу COVID-19 в среднетяжелой форме (76,6 %). В среднем участники исследования перенесли $1,35 \pm 0,6$ случаев подтвержденной новой коронавирусной инфекции. Вакцинопрофилактика заболевания была проведена у 743 пациентов (61,9 %).

В рамках продолжения вышеуказанной работы был проведен корреляционный анализ, включающий выявление взаимосвязи возраста респондентов и характеристик состояния здоровья как до, так и после перенесенного COVID-19 ($n = 1200$). Были получены данные, свидетельствующие об увеличении с возрастом интенсивности таких симптомов острой фазы COVID-19, как снижение сатурации крови (при ее измерении) до 95–94 % ($p < 0,0001$), снижение сатурации крови (при ее измерении) до 93 % и менее ($p < 0,0001$), нарушение сознания ($p < 0,05$). При этом симптомы повышения температуры тела выше 38°C , одышки при физических нагрузках, снижения артериального давления менее 90/60 мм рт. ст. не имеют значимой связи с возрастными характеристиками респондентов, что указывает на неспецифичность данной симптоматики для разных возрастных групп (рис. 1).

Обнаружено, что с возрастом увеличивается вероятность перенесения новой коронавирусной инфекции в более тяжелой форме, требующей госпитализации ($p < 0,0001$), нахождения в палате реанимации и интенсивной терапии ($p < 0,05$), кислородной поддержки ($p < 0,0001$). Также увеличивается частота возникновения пневмонии во время острой фазы заболевания ($p < 0,0001$).

При анализе данных о силе пережитого стресса во время острой фазы COVID-19 было выявлено значимое повышение интенсивности переживаний у респондентов во взаимосвязи с возрастом, а также гораздо большая выраженность силы стресса за последний год до перенесенного COVID-19 ($p < 0,0001$). В целом выраженность жалоб общесоматического, неврологического и психического характера также возрастала по мере увеличения возраста участников исследования.

При проведении факторного анализа, результаты которого представлены в таблице 1, было выделено семь основных факторов, которые определяют наиболее взаимосвязанные между собой жалобы на здоровье респондентов в постковидном периоде. Список из 38 жалоб,

Рис. 1. Корреляционная плеяда взаимосвязей возраста и симптомов острой фазы COVID-19, n = 1200

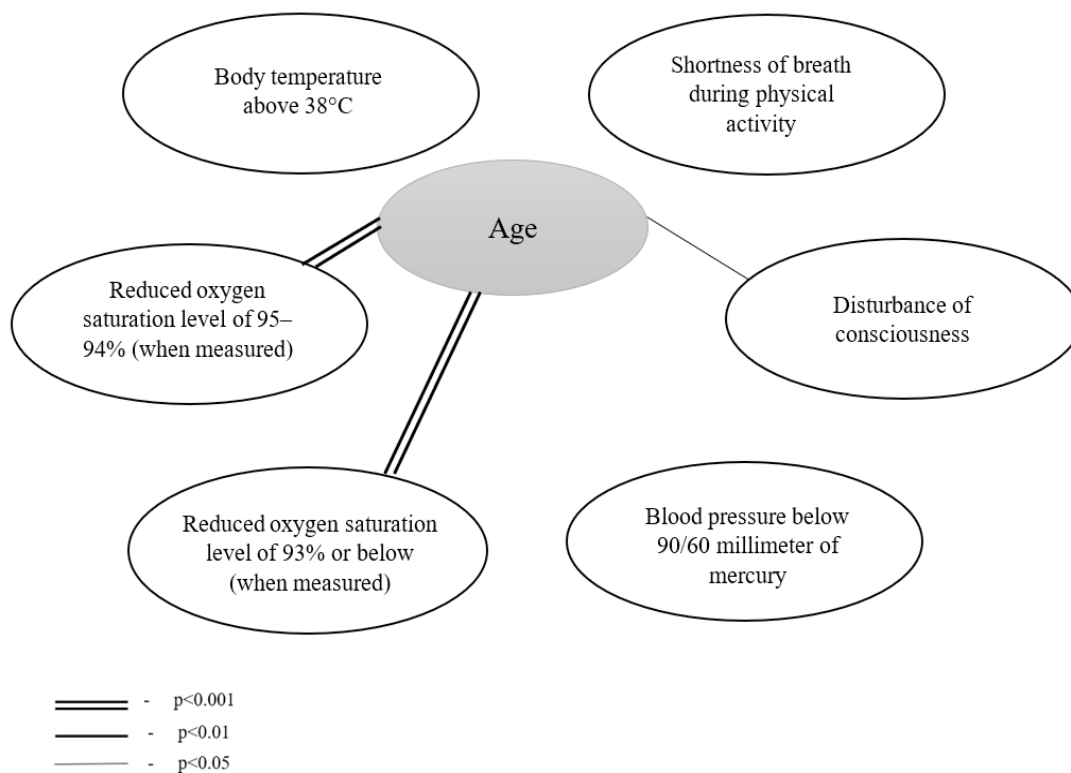

Fig. 1. Correlation galaxy of relationships between age and symptoms in the acute phase of COVID-19, n = 1,200

Табл. 1. Результаты факторного анализа жалоб на здоровье респондентов в постковидном периоде, n = 1200

Факторы	Жалобы на здоровье	Факторная нагрузка на признак	Дисперсионная нагрузка
Фактор 1	Навязчивые мысли / движения / страхи	0,66	4,13
	Тревога за здоровье	0,66	
	Тревога за работу	0,65	
	Панические атаки	0,59	
	Тревога за близких	0,56	
	Ночные кошмары	0,51	
	Бессонница	0,42	
Фактор 2	Ощущение жжения в конечностях	0,69	3,97
	Ощущение онемения конечностей	0,62	
	Нарушения походки	0,61	
	Распространенные мышечные боли	0,60	
	Нарушения мочеиспускания	0,59	
	Снижение материального достатка из-за болезни	0,48	
	Выраженные боли в позвоночнике	0,45	
	Боли в разных отделах живота	0,35	
Фактор 3	Боли в грудной клетке	0,74	3,88
	Чувство тяжести в грудной клетке	0,74	
	Одышка	0,72	
	Перебои в работе сердца	0,64	
	Колебания артериального давления	0,51	
	Головокружения	0,46	
Фактор 4	Быстрая утомляемость	0,66	3,60
	Слабость, бессилие	0,62	
	Общее недомогание	0,57	
	Низкая активность	0,56	
	Чрезмерная мышечная утомляемость	0,52	
	Сонливость днем	0,51	
	Головные боли	0,43	
Фактор 5	Нарушения концентрации внимания	0,77	2,84
	Заторможенность, замедленность мышления	0,76	
	Плохая память	0,75	
Фактор 6	Нежелание следить за своим внешним видом	0,60	2,61
	Выпадение волос	0,58	
	Снижение / усиление аппетита	0,57	
	Неспособность справляться с бытовой нагрузкой	0,48	
	Плохое настроение	0,46	
Фактор 7	Отсутствие / изменение / искажение запахов	0,83	1,97

Table 1. Results of the factor analysis of complaints about respondents' health in the post-COVID period, n = 1,200

Factors	Health complaints	Factor loading on a trait	Dispersion load
Factor 1	Obsessive thoughts / movements / fears	0.66	4.13
	Health anxiety	0.66	
	Work anxiety	0.65	
	Panic attacks	0.59	
	Anxiety for the loved ones	0.56	
	Nightmares	0.51	
	Insomnia	0.42	
Factor 2	Burning sensation in the limbs	0.69	3.97
	Feeling of numbness in the limbs	0.62	
	Gait disorders	0.61	
	Common muscle pain	0.60	
	Urinary disorders	0.59	
	Decrease in material income due to the illness	0.48	
	Severe pain in the spine	0.45	
	Pain in different parts of the abdomen	0.35	
Factor 3	Chest pain	0.74	3.88
	Feeling of heaviness in the chest	0.74	
	Dyspnea	0.72	
	Irregularities in the heartbeat	0.64	
	Fluctuations in blood pressure	0.51	
	Dizziness	0.46	
Factor 4	Fast fatiguability	0.66	3.60
	Weakness, powerlessness	0.62	
	General malaise	0.57	
	Low activity	0.56	
	Excessive muscle fatigue	0.52	
	Daytime sleepiness	0.51	
	Headache	0.43	
Factor 5	Concentration problems	0.77	2.84
	Lethargy, slow thinking	0.76	
	Bad memory	0.75	
Factor 6	Reluctance to take care of one's appearance	0.60	2.61
	Hair loss	0.58	
	Decreased / increased appetite	0.57	
	Inability to cope with household stress	0.48	
	Bad mood	0.46	
Factor 7	Absence / change / distortion of odors	0.83	1.97

использовавшийся в анкетировании, составлялся на основании обсуждения мультидисциплинарной командой симптомов общеметаболического характера, которые в последствии могут представлять интерес для выделения уже специфических групп проявлений, перенесенного COVID-19.

В экспериментально-психологическом исследовании приняло участие 47 респондентов, из которых 40 женщин (85,1 %) и 7 мужчин (14,9 %). Средний возраст выборки составил $37,2 \pm 13,9$. Большинство респондентов занимаются активной трудовой деятельностью — 72,2 %, также в выборке присутствуют студенты (13,9 %), пенсионеры (2,8 %) и неработающие (11,1 %). Значительная часть участников исследования отмечает, что во время острой фазы COVID-19 они перенесли стресс различной интенсивности: незначительный (33,4 %), умеренный (25 %), сильный (22,2 %) и лишь 19,4 % указывают на отсутствие подобных переживаний.

При описании преморбидного фона психоневрологических трудностей, имевших место до заболевания новой коронавирусной инфекцией, участники исследования отмечают следующие аспекты:

- 1) треть респондентов указывает на наличие нарушений сна до COVID-19;
- 2) половина опрошенных отмечает периоды сниженного настроения длительностью более 2 недель, а также нарушения памяти и внимания до COVID-19;
- 3) все обследованные отмечают наличие навязчивых явлений (мыслей, движений, страхов), мешающих жизнедеятельности, еще до перенесенной коронавирусной инфекции.

По результатам исследования мнестических функций, было выявлено, что наибольшие трудности у лиц в постковидном периоде связаны с долговременной механической (снижение выявлено у 31,9 %) и логической памятью. При обследовании последней выявлена значимая слабость построения ассоциаций при запоминании логически-связанного материала: из 24 возможных единиц информации исследуемыми сразу после предъявления воспроизводится лишь $9,6 \pm 3,2$ (кратковременная логическая память), а спустя время $7,7 \pm 3,9$ (долговременная логическая память). Также для трети респондентов характерна недостаточность процесса запоминания, что проявляется в трудностях удержания запоминаемого материала. При этом кратковременная механическая память находится в пределах нормативных значений ($5,9 \pm 1,6$).

В рамках обследования функций внимания обнаружено снижение психической устойчивости у 41,3 % участников, однако остальные показатели по методике «Таблицы Шульце» находятся в пределах нормативных значений: психомоторный темп ($35,7 \pm 6,4$) и степень вработываемости в деятельность ($0,98 \pm 0,14$). Объем активного внимания также в пределах нормы ($5,9 \pm 1,6$). Важно отметить, что для большинства респондентов характерен гиперстенический тип истощаемости внимания (69,5 %), что указывает на легкие формы снижения этой психической функции и, вероятнее всего, на наличие астенических проявлений, которые на момент проведения обследования в ходе беседы отмечало 59,6 % участников исследования.

По результатам оценки состояния гностических функций зафиксированы значимые затруднения в зрительно-пространственной ориентировке при выполнении пробы «Узнавание времени на схематических часах», в которой лишь 6,5 % участников не допустили ни одной ошибки. С пробой на зрительно-предметный гнозис также полностью справилось лишь 15,2 % респондентов. Значимых нарушений при оценке состояния слухового гнозиса выявлено не было, 13 % участников допустило единичные ошибки в узнавании предметных и музыкальных звуков.

Характеристика успешности выполнения проб на оценку состояния функций праксиса лиц в постковидном периоде представлена в таблице 2. Как видно из приведенных данных, наибольшие трудности у респондентов связаны с пространственным праксисом, отвечающим за способность совершать пространственно-ориентированные действия, координировать движения рук и т. п. Нарушений ориентировки в схеме тела при обследовании выявлено не было: с пробой успешно справились 97,8 % респондентов.

При оценке общего состояния когнитивных функций по методике «MoCA» значимые когнитивные нарушения были выявлены у 15,4 % респондентов (сумма баллов составила менее 26). При этом наибольшие трудности в выполнении заданий были обнаружены в субтесте «Отсроченное воспроизведение», который оценивает состояние долговременной механической памяти (табл. 3).

По результатам методики «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (HADS) у половины участников части выборки были выявлены признаки тревожных и депрессивных явлений, выраженных на субклиническом или клиническом уровне (рис. 2).

Табл. 2. Результаты выполнения проб на оценку состояния различных видов праксиса лиц в постковидном периоде, n = 47

Параметры	Успешное выполнение	Единичные ошибки	Множественные ошибки	Проба не выполнена
Динамический праксис (правая рука)	73,9%	17,4%	8,7%	–
Динамический праксис (левая рука)	69,5%	19,6%	10,9%	–
Пространственный праксис	56,7%	32,6%	6,5%	2,2%
Пальцевой праксис (правая рука)	80,4%	19,6%	–	–
Пальцевой праксис (левая рука)	76,1%	21,7%	2,2%	–

Table 2. Results of tests assessing the state of various types of praxis in persons in the post-COVID period, n = 47

Parameters	Successful execution	Single errors	Multiple errors	Sample failed
Dynamic praxis (right hand)	73.9%	17.4%	8.7%	–
Dynamic praxis (left hand)	69.5%	19.6%	10.9%	–
Spatial praxis	56.7%	32.6%	6.5%	2.2%
Finger praxis (right hand)	80.4%	19.6%	–	–
Finger praxis (left hand)	76.1%	21.7%	2.2%	–

Табл. 3. Результаты оценки общего состояния когнитивных функций по методике «МоСА», n = 47

Субтест МоСА	Средние значения (M)	Стандартное отклонение (SD)	Нормативные значения
Зрительно-конструктивные навыки	4,45	0,74	5
Называние	3,00	0,00	3
Внимание	5,91	0,29	6
Речь	2,73	0,46	3
Абстракция	1,86	0,35	2
Отсроченное воспроизведение	3,45	1,01	5
Ориентация	5,95	0,21	6
Общая сумма баллов	27,08	1,96	≥ 26

Table 3. Results of assessing the general state of cognitive functions using the MoCA method, n = 47

MoCA subtest	Mean (M)	Standard deviation (SD)	Normative values
Visual-constructive skills	4.45	0.74	5
Naming	3.00	0.00	3
Attention	5.91	0.29	6
Speech	2.73	0.46	3
Abstraction	1.86	0.35	2
Delayed playback	3.45	1.01	5
Orientation	5.95	0.21	6
Total points	27.08	1.96	≥ 26

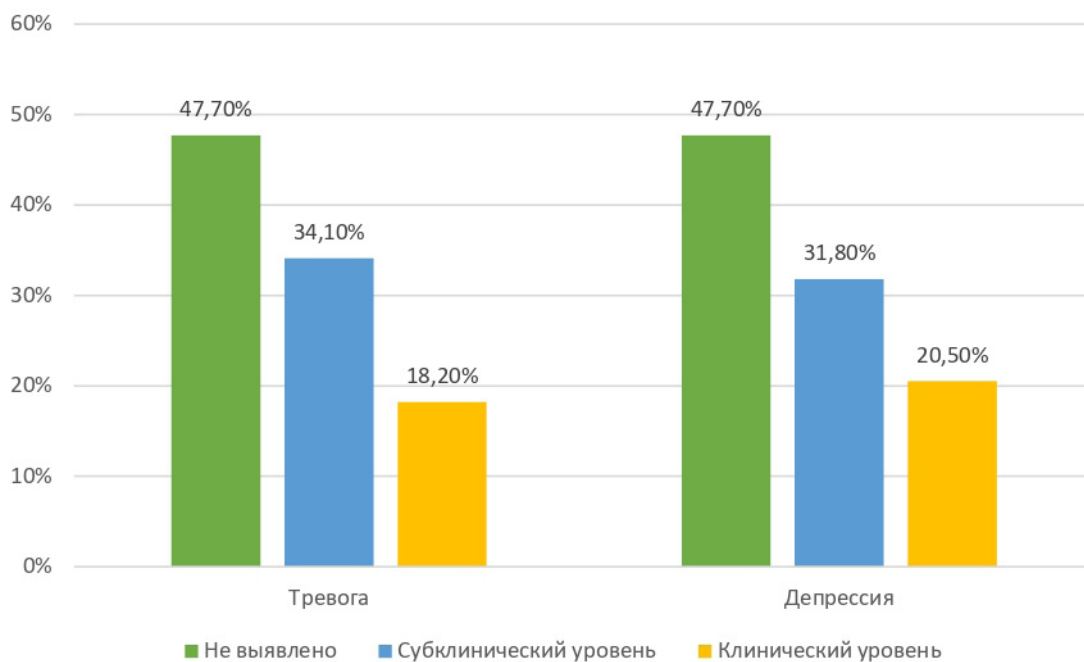

Рис. 2. Результаты оценки выраженности тревожных и депрессивных явлений по методике HADS, n = 47

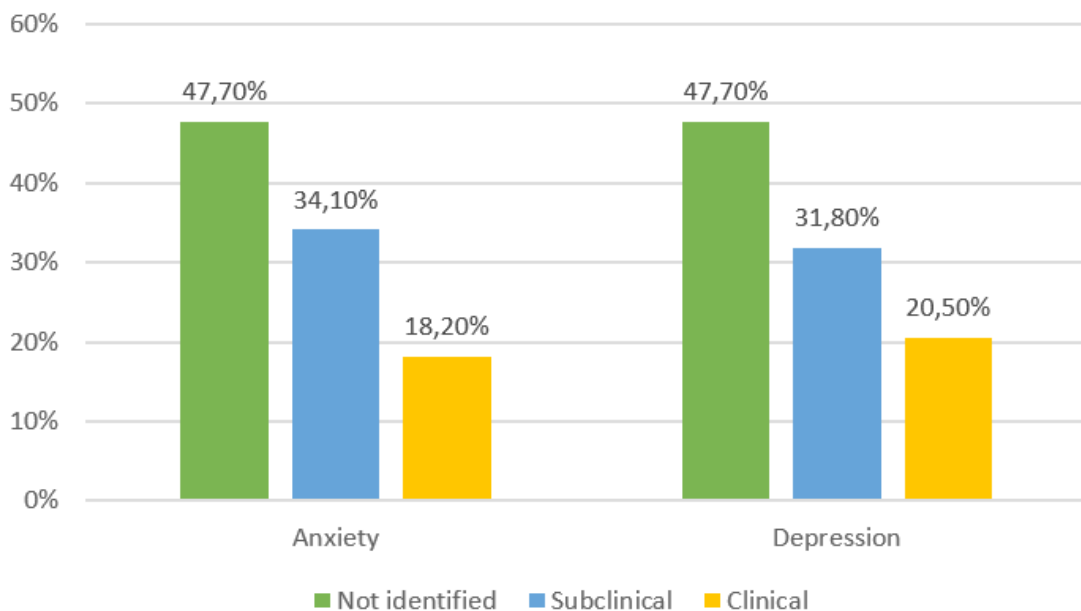

Fig. 2. Results of assessing the severity of anxiety and depressive phenomena using the HADS method, n = 47

В рамках оценки выраженности психопатологической симптоматики в постковидном периоде по методике «Симптоматический опросник SLR-90» обнаружено значимое превышение нормативных показателей по таким шкалам, как «Соматизация» ($1,34 \pm 0,76$) и «Обсессивность-компульсивность» ($1,4 \pm 0,8$). При этом общий индекс тяжести симптомов ($0,92 \pm 0,49$) и индекс наличного симптоматического дистресса ($1,44 \pm 0,76$), отражающие степень тяжести и интенсивность дезадаптирующих проявлений,

не выходят за рамки нормативных значений, хотя и близки к пограничным показателям (табл. 4).

Обсуждение

Выявленная взаимосвязь возраста с увеличением количества факторов, опосредующих тяжелое протекание острой фазы COVID-19, склонность к переживанию более сильного стресса как в течение жизни, так и во время заболевания, обосновывают необходимость

Табл. 4. Результаты оценки выраженности психопатологической симптоматики по методике «SLR-90», n = 47

Шкала SLR-90	Средние значения (M)	Стандартное отклонение (SD)	Нормативные значения
Соматизация	1,34	0,76	≤ 1
Обсессивность-компульсивность	1,40	0,80	≤ 1,3
Межличностная сензитивность	0,84	0,62	≤ 1,6
Депрессия	1,18	0,72	≤ 1,3
Тревожность	0,91	0,59	≤ 1,1
Враждебность	0,63	0,46	≤ 1,4
Фобическая тревожность	0,50	0,60	≤ 0,7
Паранойяльные тенденции	0,56	0,51	≤ 1,3
Психотизм	0,38	0,34	≤ 0,9
Общий индекс тяжести симптомов	0,92	0,49	≤ 1,1
Индекс наличного симптоматического дистресса	1,44	0,76	≤ 1,8

Table 4. Results of assessing the severity of psychopathological symptoms using the SLR-90 method, n = 47

SLR-90 scale	Mean values (M)	Standard deviation (SD)	Standard values
Somatization	1.34	0.76	≤ 1
Obsessive-compulsive	1.40	0.80	≤ 1.3
Interpersonal sensitivity	0.84	0.62	≤ 1.6
Depression	1.18	0.72	≤ 1.3
Anxiety	0.91	0.59	≤ 1.1
Hostility	0.63	0.46	≤ 1.4
Phobic anxiety	0.50	0.60	≤ 0.7
Paranoid tendencies	0.56	0.51	≤ 1.3
Psychoticism	0.38	0.34	≤ 0.9
Overall Symptom Severity Index	0.92	0.49	≤ 1.1
Present Symptom Distress Index	1.44	0.76	≤ 1.8

пристального внимания специалистов к симптомам и проявлениям в постковидном периоде при работе с возрастной группой населения, а также разработку программ медицинской и психологической реабилитации с учетом вышеописанных трудностей.

Данные, полученные в ходе факторного анализа жалоб на здоровье респондентов в постковидном периоде, допускают следующую интерпретацию:

1. *Фактор 1: навязчивые явления, тревога за здоровье, работу и близких, панические атаки, ночные кошмары, бессонница.* Описанные жалобы можно отнести к группе *тревожных и сопряженных подобных явлений*, включающих собственно тревогу, нарушения сна, приступы паники, неконтролируемого страха и т. п.
2. *Фактор 2: ощущение жжения и онемения конечностей, нарушения походки, распро-*

страненные мышечные боли, нарушения мочеиспускания, выраженные боли в позвоночнике, боли в разных отделах живота, снижение материального достатка из-за болезни. Указанные проявления могут быть отнесены к группе *нервно-мышечных нарушений, сопряженных с болевым синдромом*, в различных частях тела человека. Возможно, имеет место поражение не только скелетно-двигательной мускулатуры, но и внутренних мышечных слоев организма, на что указывает взаимосвязь с такими жалобами, как боли в животе и нарушения мочеиспускания. Особенно значима взаимосвязь данных признаков с фактом снижения материального достатка из-за перенесенного COVID-19. Таким образом, именно нарушения двигательных функций, ведущие к снижению активности и работоспособности, связаны с этим

социально-значимым последствием в постковидном периоде. Это указывает на необходимость привлечения к реабилитации лиц с постковидным синдромом специалистов по лечебно-оздоровительной физкультуре, реабилитологов, мануальных терапевтов и т. д.

3. *Фактор 3: боли в грудной клетке, чувство тяжести в грудной клетке, одышка, перебои в работе сердца, колебания артериального давления, головокружения.* Перечисленные жалобы, характерны для *нарушений дыхательной, сердечно-сосудистой и вегетативной систем*, при которых возникновение симптомов в виде сердечных сбоев и головокружений, выступает следствием недостаточной кислородной транспортировки в различные части организма человека.
4. *Фактор 4: быстрая утомляемость, слабость, бессилие, общее недомогание, низкая активность, чрезмерная мышечная утомляемость, сонливость днем, головные боли.* Описанные жалобы могут быть отнесены к *группе астенических явлений*, сопряженных со снижением общего тонуса организма, явлениями «раздражительной слабости», упадком активности и работоспособности.
5. *Фактор 5: нарушения концентрации внимания, заторможенность, замедленность мышления, плохая память.* Трудности в рамках данного фактора можно охарактеризовать как *нарушения со стороны когнитивных функций*, захватывающие три основных познавательных психических процесса — внимание, память и мышление.
6. *Фактор 6: нежелание следить за своим внешним видом, выпадение волос, снижение / усиление аппетита, неспособность справиться с бытовой нагрузкой, плохое настроение.* Указанные жалобы в большей степени характерны для человека при наличии у него *депрессивных явлений*, проявляющихся в симптомах гипотимии, снижения двигательной активности и замедления скорости мыслительных операций. Стоит отметить, что жалоба на выпадение волос связана именно с данной группой признаков, что может обосновывать мультифакторность возникновения этого явления после перенесенной новой коронавирусной инфекции. С одной стороны, депрессивные переживания, сопряженные с общим стрессовым состоянием всего организма и соответствующими иммунными ответами, влияющими на здоровый рост волос, а с другой — особенности влияния SARS-CoV-2 на метаболизм организма человека могут быть в совокупности опосре-

дующими факторами для возникновения проблем с активным выпадением волос в постковидном периоде.

7. *Фактор 7: отсутствие / изменение / искажение запахов и вкуса.* Подобные жалобы могут быть отнесены к *нарушениям со стороны органов чувств*, проявляющихся в различных симптомах изменения вкусовых и обонятельных ощущений.

По результатам экспериментально-психологического исследования особое внимание обращает на себя структура нарушения мнестических функций, при которой основное пораженное звено — механическая и логическая долговременная память. Полученный результат согласовывается с нейрофизиологическими представлениями о влиянии SARS-CoV-2 на структуры головного мозга (Crivelli et al. 2022; Jamilloux et al. 2020), в частности, на активацию процессов воспаления и гибели нейронов около гиппокампа, ответственного за перевод информации из кратковременной в долговременную память.

Отдельного обсуждения заслуживают жалобы и симптомы лиц в постковидном периоде на навязчивые явления: мысли, движения и страхи, мешающие жизнедеятельности. По полученным данным указанные затруднения имели место до заболевания COVID-19 у всех респондентов, учувствовавших в психологическом обследовании. Результаты самого обследования выявляют превышение нормативных показателей по шкале «Обсессивность-компульсивность», что ставит в вопрос о значимости преморбидного фона не только соматических, но и психологических нарушений для оценки рисков и учета описанных особенностей при проведении реабилитационных мероприятий. Уточнение влияния преморбидного состояния здоровья лиц на протекание постковидного периода может стать перспективой дальнейшего исследования.

Важно отметить наличие нейropsychологических нарушений у респондентов, которые носят характер легких когнитивных затруднений, концентрирующихся на снижении способности к пространственной ориентации как в гностической, так и в практической стороне психической деятельности. В совокупности с фактом наличия в выборке респондентов, у которых всё же выявляются значимые нарушения когнитивных функций (15,4%), а также с данными других исследований (Беляков и др. 2023; Lauria et al. 2023; Herrera et al. 2023; Zhang et al. 2023), представляется целесообразным проведение более углубленных научных обследований лиц в постковидном периоде с использованием магнитно-резонансной

томографии головного мозга и иными неврологическими, а также нейропсихологическими диагностическими мероприятиями.

Выводы

С повышением возраста увеличивается тяжесть протекания как острой фазы заболевания, так и отсроченных последствий перенесенной новой коронавирусной инфекции. Выделение этой группы риска обосновывает необходимость пролонгированного медицинского сопровождения во время и после заболевания COVID-19 старшей возрастной категории населения с использованием мультидисциплинарного подхода, ввиду наличия трудностей соматического, неврологического и психического характера.

Полученные данные позволили выявить семь субфенотипов нарушений в постковидном периоде:

- 1) тревожные и сопряженные подобные явления;
- 2) нервно-мышечные нарушения, сопряженные с болевым синдромом;
- 3) нарушения дыхательной, сердечно-сосудистой и вегетативной систем;
- 4) астенические явления;
- 5) нарушения со стороны когнитивных функций;
- 6) депрессивные явления;
- 7) нарушения со стороны органов чувств.

Дальнейшее обсуждение выявленных вариантов протекания постковидных изменений, описание дополнительных критериев для их выделения и объединения, определение направлений реабилитации, восстановления, длительности наблюдения и т. д. рассматриваются в качестве перспективного направления исследований, результатом которых может стать разработка конкретных практических рекомендаций по работе с лицами, имеющими последствия COVID-19.

При проведении нейропсихологического исследования выявлены такие нарушения, как снижение логической и механической долговременной памяти, снижение психической устойчивости, трудности пространственных гностических и практических ориентировок, выраженность тревожных и депрессивных тенденций, склонность к навязчивым явлениям и выраженному дискомфорту от наличных соматических осложнений.

Таким образом, восстановление и реабилитация лиц в постковидном периоде требует проведения комплексной нейропсихологической коррекции в рамках мультидисциплинарного

подхода. Выявленные нарушения могут быть использованы в качестве коррекционных мишеней при ее разработке, а дальнейшие патопсихологические и нейропсихологические исследования в данной области представляются потенциально значимыми для научного сообщества и практикующих специалистов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Программа и протокол исследования одобрены Этическим комитетом ФБУН НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера № 84 от 16 февраля 2023 г.

Ethics Approval

The research programme and its protocol were approved by the Ethics Committee of the Pasteur Research Institute of Epidemiology and Microbiology No. 84 dated February 16, 2023.

Вклад авторов

Вклад в концепцию и план исследования — Н. А. Беляков, В. В. Рассохин. Вклад в сбор данных — Е. В. Боева, А. А. Книжникова, Н. Б. Халезова, Я. Б. Кушнир, А. О. Норка. Вклад в анализ и интерпретацию данных — В. В. Рассохин, Е. Р. Исаева, Е. В. Боева, А. А. Книжникова, Н. Б. Халезова, А. О. Норка. Вклад в подготовку рукописи — Н. А. Беляков, В. В. Рассохин, Е. В. Боева, Е. Р. Исаева, А. А. Книжникова, Н. Б. Халезова, Я. Б. Кушнир, А. О. Норка.

Author Contributions

Contribution to the concept and plan of the study — N. A. Belyakov, V. V. Rassokhin. Contribution to data collection — E. V. Boeva, A. A. Knizhnikova, N. B. Khalezova, Ya. B. Kushnir, A. O. Norka. Contribution to the analysis and interpretation of data — V. V. Rassokhin, E. R. Isaeva, E. V. Boeva, A. A. Knizhnikova, N. B. Khalezova, A. O. Norka. Contribution to the preparation of the manuscript: N. A. Belyakov, V. V. Rassokhin, E. V. Boeva, E. R. Isaeva, A. A. Knizhnikova, N. B. Khalezova, Ya. B. Kushnir, A. O. Norka.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

Data are available upon request to the corresponding author.

Литература

- Беляков, Н. А., Рассохин, В. В., Тотолян, Н. А. и др. (2023) Отсроченные психические, неврологические и соматические расстройства, ассоциированные с COVID-19. *ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии*, т. 15, № 4, с. 53–62. <http://doi.org/10.22328/2077-9828-2023-15-4-53-62>
- Боголепова, А. Н., Осинская, Н. А., Коваленко, Е. А., Махнович, Е. В. (2021) Возможные подходы к терапии астенических и когнитивных нарушений при постковидном синдроме. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, т. 13, № 4, с. 88–93. <http://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-4-88-93>
- Гутова, Т. С., Антипов, И. А., Воробьева, Л. В. (2021) Психологические аспекты постковидного синдрома. *Инновации. Наука. Образование*, № 34, с. 3272–3275. EDN: [DOJKCD](https://doi.org/10.26347/1607-2499202101-02010-017)
- Евстифеева, Е. А., Филиппченкова, С. И., Мурашова, Л. А. и др. (2022) Постковидный синдром в контексте психологических последствий. *Клиническая геронтология*, т. 28, № 1-2, с. 10–17. <https://doi.org/10.26347/1607-2499202101-02010-017>
- Мальцева, М. Н., Шмонин, А. А. (2023) Реабилитация пациента с постковидным синдромом: клинический случай. *Физическая и реабилитационная медицина, медицинская реабилитация*, т. 5, № 2, с. 167–174. <https://doi.org/10.36425/rehab123530>
- Петрова, Н. Н., Кудряшов, А. В., Матвиевская, О. В. и др. (2022) Депрессивные состояния в структуре постковидного синдрома: особенности и терапия. *Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*, т. 56, № 1, с. 16–24. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2022-56-1-16-24>
- Полиданов, М. А., Кондрашкин, И. Е., Блохин, И. С. и др. (2022) Постковидный синдром: психосоматический взгляд на проблему. В кн.: *Инфекционные болезни в современном мире: эволюция, текущие и будущие угрозы. Сборник трудов XIV Ежегодного Всероссийского Конгресса по инфекционным болезням имени академика В. И. Покровского*. М.: Медицинское Маркетинговое Агентство, с. 135–136. EDN: [QGWNEB](https://doi.org/10.31363/2313-7053-2022-56-1-16-24)
- Усов, К. И., Юшков, Г. Г. (2021) Нейropsychологические аспекты постковидного синдрома. *Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета*, т. 1, № 18, с. 231–235. EDN: [UWGFLN](https://doi.org/10.31363/2313-7053-2022-56-1-16-24)
- Филиппченкова, С. И., Евстифеева, Е. А., Мурашова, Л. А. и др. (2022) Оценка качества жизни, связанного со здоровьем у пациентов с постковидным синдромом. *International Journal of Medicine and Psychology*, т. 5, № 5, с. 24–29. EDN: [SHMNWO](https://doi.org/10.31363/2313-7053-2022-56-1-16-24)
- Ярмухамедова, Н. А., Узакова, Г. З. (2023) Оптимизация терапии постковидного синдрома при новой коронавирусной инфекции. *Science and Education*, т. 4, № 3, с. 159–167.
- Crivelli, L., Palmer, K., Calandri, I. et al. (2022) Changes in cognitive functioning after COVID-19: A systematic review and meta-analysis. *Alzheimer's & Dementia*, vol. 18, no. 5, pp. 1047–1066. <https://doi.org/10.1002/alz.12644>
- Harenwall, S., Heywood-Everett, S., Henderson, R. et al. (2021) Post-Covid-19 syndrome: Improvements in health-related quality of life following psychology-led interdisciplinary virtual rehabilitation. *Journal of Primary Care & Community Health*, vol. 12, no. 2, article 215013192110676. <https://doi.org/10.1177/21501319211067674>
- Herrera, E., Pérez-Sánchez, M. d. C., San Miguel-Abella, R. et al. (2023) Cognitive impairment in young adults with post COVID-19 syndrome. *Scientific Reports*, vol. 13, article 6378. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-32939-0>
- Jamilloux, Y., Henry, T., Belot, A. et al. (2020) Should we stimulate or suppress immune responses in COVID-19? Cytokine and anti-cytokine interventions. *Autoimmunity Reviews*, vol. 19, no. 7, article 102567. <https://doi.org/10.1016/j.autrev.2020.102567>
- Kupferschmitt, A., Hinterberger, T., Montanari, I. et al. (2022) Relevance of the post-COVID syndrome within rehabilitation (PoCoRe): Study protocol of a multi-centre study with different specialisations. *BMC Psychology*, vol. 10, no. 1, article 189. <https://doi.org/10.1186/s40359-022-00892-8>
- Lauria, A., Carfi, A., Benvenuto, F. et al. (2023) Neuropsychological measures of post-COVID-19 cognitive status. *Frontiers in Psychology*, vol. 14, article 1136667. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1136667>
- Orrù, G., Bertelloni, D., Diolaiuti, F. et al. (2021) Long-COVID syndrome? A study on the persistence of neurological, psychological and physiological symptoms. *Healthcare*, vol. 9, no. 5, article 575. <https://doi.org/10.3390/healthcare9050575>
- Zhang, H.-P., Sun, Y.-L., Wang, Y.-F. et al. (2023) Recent developments in the immunopathology of COVID-19. *Allergy*, vol. 78, no. 2 pp. 369–388. <https://doi.org/10.1111/all.15593>

References

Belyakov, N. A., Rassokhin, V. V., Totolyan, N. A. et al. (2023) Otsrochennyye psikhicheskie, neurologicheskie i somaticheskie rasstrojstva, assotsiirovannyye s COVID-19 [Delayed mental, neurological and somatic disorders

- associated with COVID-19]. *VICH-infektsiya i immunosupressii — HIV Infection and Immunosuppressive Disorders*, vol. 15, no. 4, pp. 53–62. <http://doi.org/10.22328/2077-9828-2023-15-4-53-62> (In Russian)
- Bogolepova, A. N., Osinovskaya, N. A., Kovalenko, E. A., Makhnovich, E. V. (2021) Vozmozhnye podkhody k terapii astenicheskikh i kognitivnykh narushenij pri postkovidnom syndrome [Fatigue and cognitive impairment in post-COVID syndrome: Possible treatment approaches]. *Nevrologiya, nevropsikhiatriya, psikhosomatika — Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, vol. 13, no. 4, pp. 88–93. <http://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-4-88-93> (In Russian)
- Crivelli, L., Palmer, K., Calandri, I. et al. (2022) Changes in cognitive functioning after COVID-19: A systematic review and meta-analysis. *Alzheimer's & Dementia*, vol. 18, no. 5, pp. 1047–1066. <https://doi.org/10.1002/alz.12644> (In English)
- Evstifeeva, E. A., Filippchenkova, S. I., Murashova, L. A. et al. (2022) Postkovidnyj sindrom v kontekste psikhologicheskikh posledstvij [Post-Covid syndrome in the context of psychological impact]. *Klinicheskaya gerontologiya — Clinical Gerontology*, vol. 28, no. 1-2, pp. 10–17. <https://doi.org/10.26347/1607-2499202101-02010-017> (In Russian)
- Filippchenkova, S. I., Evstifeeva, E. A., Murashova, L. A. et al. (2022) Otsenka kachestva zhizni, svyazannogo so zdorov'em u patsientov s postkovidnym sindromom [Assessment of health-related quality of life in patients with post-Covid syndrome]. *International Journal of Medicine and Psychology*, vol. 5, no. 5, pp. 24–29. (In Russian)
- Gutova, T. S., Antipov, I. A., Vorob'eva, L. V. (2021) Psikhologicheskie aspekty postkovidnogo sindroma [Psychological aspects of post-Covid syndrome]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, no. 34, pp. 3272–3275. (In Russian)
- Harenwall, S., Heywood-Everett, S., Henderson, R. et al. (2021) Post-Covid-19 syndrome: Improvements in health-related quality of life following psychology-led interdisciplinary virtual rehabilitation. *Journal of Primary Care & Community Health*, vol. 12, no. 2, article 215013192110676. <https://doi.org/10.1177/21501319211067674> (In English)
- Herrera, E., Pérez-Sánchez, M. d. C., San Miguel-Abella, R. et al. (2023) Cognitive impairment in young adults with post COVID-19 syndrome. *Scientific Reports*, vol. 13, article 6378. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-32939-0> (In English)
- Jamilloux, Y., Henry, T., Belot, A. et al. (2020) Should we stimulate or suppress immune responses in COVID-19? Cytokine and anti-cytokine interventions. *Autoimmunity Reviews*, vol. 19, no. 7, article 102567. <https://doi.org/10.1016/j.autrev.2020.102567> (In English)
- Kupferschmitt, A., Hinterberger, T., Montanari, I. et al. (2022) Relevance of the post-COVID syndrome within rehabilitation (PoCoRe): Study protocol of a multi-centre study with different specialisations. *BMC Psychology*, vol. 10, no. 1, article 189. <https://doi.org/10.1186/s40359-022-00892-8> (In English)
- Lauria, A., Carfi, A., Benvenuto, F. et al. (2023) Neuropsychological measures of post-COVID-19 cognitive status. *Frontiers in Psychology*, vol. 14, article 1136667. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1136667> (In English)
- Maltseva, M. N., Shmonin, A. A. (2023) Reabilitatsiya patsienta s postkovidnym sindromom: klinicheskij sluchaj [Rehabilitation of a patient with post-Covid syndrome: A clinical case]. *Fizicheskaya i reabilitatsionnaya meditsina, meditsinskaya reabilitatsiya — Physical and Rehabilitation Medicine, Medical Rehabilitation*, vol. 5, no. 2, pp. 167–174. <https://doi.org/10.36425/rehab123530> (In Russian)
- Orrù, G., Bertelloni, D., Diolaiuti, F. et al. (2021) Long-COVID syndrome? A study on the persistence of neurological, psychological and physiological symptoms. *Healthcare*, vol. 9, no. 5, article 575. <https://doi.org/10.3390/healthcare9050575> (In English)
- Petrova, N. N., Kudryashov, A. V., Matvievskaia, O. V. et al. (2022) Depressivnye sostoyaniya v strukture postkovidnogo sindroma: osobennosti i terapiya [Depressive states in the structure of postcovid syndrome: Features and therapy]. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva — V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, vol. 56, no. 1, pp. 16–24. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2022-56-1-16-24> (In Russian)
- Polidanov, M. A., Kondrashkin, I. E., Blokhin, I. S. et al. (2022) Postkovidnyj sindrom: psikhosomaticheskij vzglyad na problemu [Post-Covid syndrome: A psychosomatic view of the problem]. In: *Infektsionnye bolezni v sovremennom mire: evolyutsiya, tekushchie i budushchie ugrozy. Sbornik trudov XIV Ezhegodnogo Vserossijskogo Kongressa po infektsionnym boleznyam imeni akademika V. I. Pokrovskogo [Infectious diseases in the modern world: Evolution, current and future threats. Proceedings of the XIV Annual All-Russian Congress on infectious diseases named after academician V. I. Pokrovsky]*. Moscow: Meditsinskoe Marketingovoe Agentstvo Publ., pp. 135–136. (In Russian)
- Usov, K. I., Yushkov, G. G. (2021) Nevropsikhologicheskie aspekty postkovidnogo sindroma [Neuropsychological aspects of post-Covid syndrome]. *Sbornik nauchnykh trudov Angarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 1, no. 18, pp. 231–235. (In Russian)
- Yarmukhamedova, N. A., Uzakova, G. Z. (2023) Optimizatsiya terapii postkovidnogo sindroma pri novej koronavirusnoj infektsii [Optimization of post-Covid syndrome therapy in new coronavirus infection]. *Science and Education*, vol. 4, no. 3, pp. 159–167. (In Russian)
- Zhang, H.-P., Sun, Y.-L., Wang, Y.-F. et al. (2023) Recent developments in the immunopathology of COVID-19. *Allergy*, vol. 78, no. 2 pp. 369–388. <https://doi.org/10.1111/all.15593> (In English)

Сведения об авторах

Николай Алексеевич Беляков, доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий кафедрой социально значимых инфекций и фтизиопульмонологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, главный научный сотрудник, Институт экспериментальной медицины Российской академии наук, руководитель Северо-Западного окружного центра по профилактике и борьбе со СПИДом, Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени Пастера
SPIN-код: 5974-2630, Scopus AuthorID: 55176023000, e-mail: beliakov.akad.spb@yandex.ru

Вадим Владимирович Рассохин, доктор медицинских наук, профессор кафедры социально значимых инфекций, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, ведущий научный сотрудник отдела экологической физиологии, Институт экспериментальной медицины Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени Пастера
SPIN-код: 3390-9457, Scopus AuthorID: 56785844900, ORCID: 0000-0002-1159-0101, e-mail: ras-doc@mail.ru

Екатерина Валериевна Боева, кандидат медицинских наук, заведующая отделением хронической вирусной инфекции, врач-инфекционист, Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени Пастера, ассистент кафедры социально значимых инфекций и фтизиопульмонологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова
SPIN-код: 5753-0188, Scopus AuthorID: 57202859870, ORCID: 0000-0003-0452-7478, e-mail: kathrine.boeva@gmail.com

Анастасия Александровна Книжникова, медицинский психолог отделения хронической вирусной инфекции, Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени Пастера
SPIN-код: 5816-0529, ORCID: 0009-0005-0049-8448, e-mail: nasya.sur@yandex.ru

Анна Олеговна Норка, кандидат медицинских наук, врач-невролог, Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени Пастера
SPIN-код: 5450-4331, Scopus AuthorID: 57221388875, e-mail: norka-anna@mail.ru

Надежда Борисовна Халезова, кандидат медицинских наук, доцент, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия
SPIN-код: 2727-7075, Scopus AuthorID: 57194030693, ORCID: 0000-0003-3461-1128, e-mail: khalezo@gmail.com

Яна Богдановна Кушнир, врач-невролог, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия
SPIN-код: 7590-0184, Scopus AuthorID: 57215901073, ORCID: 0000-0001-7891-9883, e-mail: kushnir.yana2014@yandex.ru

Елена Рудольфовна Исаева, доктор психологических наук, профессор, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия
SPIN-код: 3322-6935, Scopus AuthorID: 57188750491, ORCID: 0000-0002-7731-7693, e-mail: isajeva@yandex.ru

Authors

Nikolay A. Belyakov, Doctor of Sciences (Medicine), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Socially Significant Infections and Phthiopulmonology, Pavlov University, Chief Researcher of the Institute of Experimental Medicine of the Russian Academy of Sciences, Head of the North-Western District Center for the Prevention and Control of AIDS, Saint Petersburg Pasteur Institute
SPIN: 5974-2630, Scopus AuthorID: 55176023000, e-mail: beliakov.akad.spb@yandex.ru

Vadim V. Rassokhin, Doctor of Sciences (Medicine), Professor, Department of Socially Significant Infections, Pavlov University, Leading Researcher of the Department of Environmental Physiology of the Institute of Experimental Medicine of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Saint Petersburg Pasteur Institute
SPIN: 3390-9457, Scopus AuthorID: 56785844900, ORCID: 0000-0002-1159-0101, e-mail: ras-doc@mail.ru

Ekaterina V. Boeva, Candidate of Sciences (Medicine), Head of the Department of Chronic Viral Infection, Infectious Diseases Physician, Saint Petersburg Pasteur Institute, Assistant at the Department of Socially Significant Infections and Phthiopulmonology, Pavlov University
SPIN: 5753-0188, Scopus AuthorID: 57202859870, ORCID: 0000-0003-0452-7478, e-mail: kathrine.boeva@gmail.com

Anastasia A. Knizhnikova, Medical Psychologist of the Department of Chronic Viral Infection, Saint Petersburg Pasteur Institute
SPIN: 5816-0529, ORCID: 0009-0005-0049-8448, e-mail: nasya.sur@yandex.ru

Anna O. Norka, Candidate of Sciences (Medicine), Neurologist, Saint Petersburg Pasteur Institute
SPIN: 5450-4331, Scopus AuthorID: 57221388875, e-mail: norka-anna@mail.ru

Nadezhda B. Khalezova, Candidate of Sciences (Medicine), Associate Professor, Independent researcher
SPIN: 2727-7075, Scopus AuthorID: 57194030693, ORCID: 0000-0003-3461-1128, e-mail: khalezo@gmail.com

Yana B. Kushnir, Neurologist, Independent researcher
SPIN: 7590-0184, Scopus AuthorID: 57215901073, ORCID: 0000-0001-7891-9883, e-mail: kushnir.yana2014@yandex.ru

Elena R. Isaeva, Doctor of Sciences (Psychology), Independent researcher
SPIN: 3322-6935, Scopus AuthorID: 57188750491, ORCID: 0000-0002-7731-7693, e-mail: isajeva@yandex.ru

Check for updates

Новости научной жизни

УДК 159.91

EDN YDPNCN

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-125-133>

Short communication

A Brief Introduction to Indian Psychology

M. Sirisety ¹, R. S. Datti ¹, R. Sampathirao ²

¹ Department of Applied Psychology, School of Humanities and Social Sciences, GITAM (Deemed to be University), Rushikonda, Visakhapatnam 530045, India

² Department of Education, Dr. B. R. Ambedkar University, Etcherla, Srikakulam, 532410, India

For citation: Sirisety, M., Datti, R. S., Sampathirao, R. (2025) A Brief Introduction to Indian Psychology. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 1, pp. 125–133. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-125-133> EDN YDPNCN

Received 27 November 2024; reviewed 24 January 2025; accepted 24 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. Sirisety, R. S. Datti, R. Sampathirao (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

This paper explores the emergence, development, current state and role of Indian psychology, a field rooted in the rich spiritual and philosophical traditions of the Indian subcontinent. Distinct from Western psychological paradigms that often bring individualism and detachment to the fore, Indian psychology focuses on holistic self-awareness and the interconnectedness of all beings, encapsulated in the Vedic principle of Ātmānam viddhi ('know thyself'). In its evolution, Indian psychology has made a journey from colonial influences to the development of culturally relevant frameworks addressing contemporary mental health challenges. This discipline not only offers profound insights into human behavior but also emphasizes moral and spiritual development and its current global relevance. As we are increasingly facing mental health issues and are in search of a deeper meaning in life, an Indian psychological perspective is becoming essential. By integrating traditional concepts with modern practices, Indian psychology can enhance well-being and promote resilience, making it a vital resource for individuals and communities seeking to navigate the complexities of modern life. Indian psychology has the potential to contribute significantly to global discussions on mental well-being, consciousness, and personal growth, fostering a deeper comprehension of the human psyche, which transcends geographical boundaries and takes into account the cultural dimension. Quite importantly for psychological science, the integration of Indian psychology into global discourse can be instrumental in promoting a more holistic understanding of mental health, the one that respects cultural differences while attending to universal human needs. The article describes the traditions of Indian psychology and the directions taken by Indian psychology researchers in the face of the challenges of today.

Keywords: Indian psychology, spiritual, self-awareness, mental health, cultural context

Краткое введение в индийскую психологию

М. Сирисети ^{✉1}, Р. Ш. Датти¹, Р. Сампатирао²

¹ Университет ГИТАМ, 530045, Индия, г. Вишакхапатнам, Рушиконда

² Университет Андхра, 530003, Индия, г. Вишакхапатнам, Уолтайр Джанкшн

Для цитирования: Сирисети, М., Датти, Р. Ш., Сампатирао, Р. (2025) Краткое введение в индийскую психологию. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 1, с. 125–133. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-1-125-133> EDN YDPNCN

Получена 27 ноября 2024; прошла рецензирование 24 января 2025; принята 24 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М. Сирисети, Р. Ш. Датти, Р. Сампатирао (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

В статье исследуется возникновение, развитие, современное состояние и значение индийской психологии — области научного знания, уходящей корнями в богатые духовные и философские традиции Индийского субконтинента. В отличие от западных психологических парадигм, которые часто подчеркивают индивидуализм и отстраненность, в центре внимания индийской психологии находится целостное самосознание и взаимосвязь всех существ, воплощенных в ведическом принципе Атманам виддхи («познай самого себя»). Эволюция индийской психологии отражает переход от колониального влияния к разработке культурно значимых систем, направленных на решение актуальных современных проблем психического и психологического здоровья. Индийская психология не только дает глубокое представление о поведении человека, но и уделяет особое внимание нравственному и духовному развитию личности, подчеркивая его актуальность в современном глобальном контексте. Поскольку мы сталкиваемся с растущими проблемами психического и психологического здоровья и ищем более глубокий смысл в жизни, потребность в подходе, сложившемся в индийской психологической науке, становится первостепенной для научной психологии. Объединяя традиционные концепции с современными практиками, индийская психология может способствовать улучшению самочувствия и повышению жизнестойкости, что делает ее жизненно важным ресурсом для отдельных людей и сообществ, стремящихся разобраться в сложностях современной жизни. Индийская психология может внести значительный вклад в глобальные дискуссии о психическом и психологическом благополучии, самосознании и личностном росте, способствуя более глубокому пониманию человеческой психики, выходящему за рамки географических границ, с учетом разнообразия культурных контекстов. Интеграция индийской психологии в глобальный научный психологический дискурс может способствовать всеобъемлющему пониманию психического здоровья, при котором уважаются культурные различия и учитываются общечеловеческие потребности, что действительно важно для развития психологической науки. В статье описаны традиции индийской психологии и направления современных исследований индийских психологов, релевантные вызовам сегодняшнего дня.

Ключевые слова: индийская психология, духовность, самосознание, психическое здоровье, культурный контекст

1. History and origin

Indian psychology is a distinctive approach rooted in the spiritual and philosophical traditions developed by India over thousands of years. It embraces indigenous concepts, frameworks, and methods intended to promote psychological transformation rather than limiting itself to a study of the psychological characteristics of the Indian population. The term ‘Indian’ is used not to limit its scope but to honour the origin of the philosophy and knowledge systems underlying this approach (Cornelissen et al. 2011). At its core, Indian psycho-

logy offers a holistic perspective on human nature, with insights applicable across various cultures and capable of contributing to global psychology as a whole. Foundational texts such as the Vedas, Upanishads, and the Bhagavad Gita bring into focus self-realization, liberation, and the understanding of consciousness, shaping the very rudiments of Indian psychological practices.

Central to Indian psychology is the concept of Ātmānam viddhi — ‘know thyself’ — which has served as a guiding principle from Vedic times to the present. It asserts that self-knowledge is key to understanding universal truths, as the individual self

is intrinsically linked to the cosmos. Indian psychology underscores that self-realization is not limited to intellectual understanding but involves transforming one's knowledge into one's behavior and life (Rao, Paranjpe 2016). This deeper understanding fosters lasting happiness and fulfillment, aiming to cultivate authentic, ethical living. Instead of focusing merely on theoretical knowledge, Indian psychology prioritizes experiential practices and inner mastery as a means of bringing about real change in one's consciousness and way of life (Cornelissen et al. 2011).

Formal study of psychology in India began in the early 20th century with efforts to formalize it as a full-fledged academic field. In 1905 B. N. Seal established one of the first psychological laboratories, with the first psychology department at the University of Calcutta following in 1915. Pioneers like Narendra Nath Sengupta and G. Bose sought to integrate Western psychological models with Indian philosophical ideas, developing frameworks that reflected both cultural contexts. Despite this foundation, psychology in Indian universities eventually became dominated by Western paradigms, as many Indian psychologists trained in the U.S. and U.K. imported Western concepts, methods, and research topics, sidelining native insights and methods. This reliance on Western models led to psychology in India often being detached from local traditions and challenges, contributing little to national development.

In recent decades, however, there has been a growing awareness of the limitations inherent in the uncritical adoption of Western psychology in India coupled with a renewed interest in indigenous psychological frameworks. Scholars like H. S. Asthana (Asthana 1988), H. S. R. Kao and D. Sinha (Kao, Sinha 1997), J. Pandey (Pandey 2004), and G. Misra (Misra 2011) have pointed out that Indian psychology is capable of addressing contemporary psychological challenges and making meaningful contributions. G. Misra (Misra 2011), in particular, has observed signs of an emerging 'paradigm shift' as more Indian psychologists set out to explore native theories and methods, striving for a psychology that harmonizes global and local perspectives. This shift holds promise for bridging the gap between 'Indian psychology' and 'psychology in India', fostering a more culturally relevant and impactful field.

The emphasis on consciousness, self-mastery, and transformation in Indian psychology provides a unique alternative to mainstream psychological frameworks. Indian psychology views consciousness as fundamental, transcending time and space, and sees the individual as interconnected with broader

physical and metaphysical realities (Cornelissen et al. 2011). This perspective allows Indian psychology to naturally incorporate non-physical realities and parapsychological phenomena. It suggests that consciousness research and first-person methods for inner exploration could play a central role in future studies within this field. As this paradigm gains momentum, Indian psychology could potentially inspire a new wave of global interest in understanding human potential, inner transformation, and well-being.

2. Indian psychology vs. Western psychology

Indian psychology offers a unique approach which is distinct from Western psychological frameworks and has emerged from an indigenous foundation deeply embedded in Indian culture, spirituality, and values. Table 1 shows that unlike Western psychology, which primarily focuses on observable behaviors and measurable mental processes, Indian psychology stresses subjective experience, consciousness, and spirituality as pathways to self-understanding and growth. Rooted in empirical science, Western psychology often reduces human experience to cognitive and physiological factors. In contrast, Indian psychology regards the mind as a bridge to the divine, with self-realization and inner transformation as central objectives.

While sometimes equated with indigenous psychology, Indian psychology represents a unique theory-loaded framework with a defined conception of human nature built on Indian philosophical and spiritual thought. Indigenous psychology aims to develop culturally relevant concepts and methods by adjusting and adapting while designing psychological studies that align with native sociocultural contexts (Pandey 2004). However, it is often more neutral in theory and adaptable to various Western perspectives like behaviorism or cognitive psychology. Indian psychology, by contrast, stems from an integrated worldview that encompasses its own meta-theoretical base and methods for understanding and transforming human behavior. This sets it apart as a distinct psychological tradition akin to systems like psychoanalysis or behaviorism (Table 1).

The indigenous perspective in Indian psychology prioritizes interconnectedness and unity with all beings rather than the individualistic focus seen in many Western models. It encourages self-realization (atman) as part of a universal consciousness (brahman), underscoring a holistic view where physical, mental, and spiritual well-being are interdependent. This perspective advances moral and ethical development as essential to psychological

Table 1. Difference between Indian psychology and Western psychology

Aspect	Indian psychology	Western psychology
Primary focus	Focuses on the individual and their consciousness	Focuses on the individual's interaction with their environment
Key emphasis	Places a high value on subjective and personal experiences	Prioritizes observable behavior and external, measurable phenomena
Methodological approach	Uses a flexible, inclusive approach, integrating various techniques	Relies heavily on experimental methods
Approach to concept	Holistic and integrated	Focused and breakdown-oriented
View on ego	Views ego as something that needs to be surpassed during the journey to self-realization	Views ego as a necessary part of personality, with a focus on adjustment and adaptation to society
Value system	Psychology is deeply rooted in cultural and ethical values, aiming for moral and spiritual growth	Maintains a value-neutral stance, focusing on scientific objectivity without moral judgment
Role of subjectivity	Considers that subjective experiences are essential in understanding the self	Less emphasis on subjective experiences; favours objectivity
Perspectives	Both first-person (experiential) and third-person (observational) perspectives are considered essential	Primarily emphasizes the third-person (observer) perspective
Practical application	Seeks to promote inner growth, self-awareness, and transformation of the individual's consciousness	Aims to manage or correct behavior, often seeking to restore balance or 'normal' functioning
Mental health focus	Focuses on the positive development of mental well-being, often focusing on prevention and self-improvement	Focuses more on treating dysfunction, resolving issues, and 'fixing' problems

Note. Written with reference from 'Scope, substance, and methods of study' by Rao, K. R., Paranjpe, A. C. (2016). *Psychology in the Indian tradition* (pp. 1–32). Springer Publ., New Delhi. https://doi.org/10.1007/978-81-322-2440-2_1

growth, viewing the mind as both a tool and a barrier in the journey toward self-discovery.

Indian psychology also manifests a pan-human relevance, much akin to psychoanalysis, which originated in Europe but has become applicable worldwide. Although it has its roots in the Indian subcontinent, its principles are designed to deal with universal aspects of human experience. This framework provides systematic models to study human nature, with an emphasis on wisdom, inner peace, and collective harmony over material success and individual achievement. In this sense, Indian psychology extends beyond a mere indigenous approach; it holds the potential to contribute valuable insights to global psychology (Rao, Paranjpe 2016).

In the Indian context, both Indian and indigenous psychologies are complementary to each other. While Indian psychology is well-structured and theoretically grounded in ancient Indian wisdom, the strengths of indigenous psychology lie in its flexibility to focus on particular sociocultural needs and contexts without strict theoretical allegiance. Together, these two perspectives add a deeper understanding of psychological processes by integrating cultural concepts with broader human values and goals that are necessary for a compre-

hensive approach to psychological theory, research, and practice.

3. Modern Indian psychology

Since the colonial times, modern psychology in India has grown into a discipline that combines indigenous knowledge with contemporary scientific practices. It started with early influences from Western psychology during the British colonial period, centring mainly on behaviorism and psychometric approaches. However, it was not until the latter half of the 20th century that Indian psychology began to claim its identity, emphasizing the need to incorporate local cultural values and philosophical traditions.

Several scholars have conducted historical analyses of the evolution of psychology as a discipline. One notable work is D. Sinha's monograph, *Psychology in a Third World Country: An Indian Experience* (Sinha 1986), which distinguishes four different phases in the development of modern psychology in India: (I) the period before independence, (II) the period of growth and development after independence, (III) the period marked by research aimed at resolving specific problems, and (IV) the

phase focused on integrating indigenous perspectives and solutions. This book provides a thorough explanation of the trajectory of psychology in India up until the early 1980s. D. Sinha has also authored a detailed history of social psychology in India (Sinha 1998) and an important chapter on the indigenization of psychology in the Handbook of Cross-Cultural Psychology (Sinha 1997). He has advocated the concept of a psychology that is culturally rooted in India (Sinha 1996) and has contributed importantly to the shaping of modern psychology in the country (Sinha et al. 2015).

Scholars like A. K. Dalal (Dalal 1990; 2011) and A. K. Dalal & G. Misra (Dalal, Misra 2010) have further dissected historical trends in psychology in India, revealing that the rich Indian thought systems had little impact on the formal academic psychology established during the colonial period. This resulted in a continuous enthusiasm for building a science aligned with the positivist mode, often separating academic pursuits from the realities of societal issues. In the postcolonial context, a liberal Indian mindset persisted, albeit marginally improved. It allowed for diverse traditions — something that led to the adoption of three primary streams: ‘experimental psychology, psychoanalysis, and intelligence testing’, all perceived as culture-free. Post-independence, there was a growing awareness of the lack of social relevance in psychological research, prompting a reorientation toward more applied studies. This shift contributed to the crisis of identity within the discipline, triggering a move toward indigenization. In his recent assessment, A. K. Dalal (Dalal 2014) called for a paradigm shift in psychological research, noting that the emerging science of Indian origin required new frameworks.

The volume edited by K. Joshi and M. Cornelissen (Joshi, Cornelissen 2004) examines the Indian tradition of Yoga and consciousness, while G. Misra’s Handbook of Psychology in India (Misra 2011) emphasizes contemporary developments that connect indigenous thought with qualitative methodologies. G. Misra (Misra 2013) further explores contributions in psychology and psychoanalysis from Indian and Western perspectives. S. K. Kiran Kumar (Kumar 2008; 2011) documents the evolution of indigenous concepts, noting a disconnection between personal philosophies and professional values among Indian psychologists. This divide has led some researchers to largely revisit concepts like Anasakyi, Ahamkar, and Santosh in the context of modern issues relating to personality, self, health, emotion, and well-being.

A significant input into the history of psychology in India has come from the Heritage Papers of Early Leading Indian Psychologists, published

by the Asiatic Society (Deb et al. 2017a; 2017b). This two-volume collection offers insights into a body of research spanning the period from 1916 to 1965, illustrating a range of concerns addressed as academic challenges. The thematic analysis puts into relief the growing importance of fields such as social psychology, personality, experimental psychology, and abnormal psychology while noting that psychoanalysis has diminished over time.

Various efforts have documented the historical trajectory of psychology at different times (Mitra, Mukhopadhyay 1958; Pandey 2004; Paranjpe 2024; Rao 1962; Sengupta 1926; Sinha 1963). These publications summarize research trends followed by Indian psychologists, revealing a consistent reliance on Euro-American psychological discourses, with a strong emphasis on attaining and defending scientific status. This pursuit has often led to an academic environment focused on aligning with mainstream psychology, reflecting a psychic unity of humankind, while theoretical constructs and methodologies predominantly derived from Western paradigms.

Research landscape

Research and education in modern India reflect the influence of institutional processes and the academic ethos, with substantial changes in content, themes, and pedagogical practices. Notable trends in Indian psychology can be traced back to Calcutta University, where positivism and empiricism from European psychology were foundational (Mitra 1937). Indian Psychology was introduced as a specialized subject, covering such research areas as psychoanalysis, emotion, and language. Despite the department’s renaming in 1938, the emphasis on experimental psychology persisted, with researchers combining Western theories with indigenous knowledge (Basu 2013).

The fields of psychology evolved into specialized areas such as developmental, clinical, and social psychology, but the focus on applied research overshadowed the explorations of indigenous thought. Psychoanalysis, led by Dr. Girindrasekhar Bose, also emerged as a significant area, incorporating Indian cultural contexts into psychological theories (Bhattacharyya 2004). Over the years, research shifted towards behaviorism and clinical issues, while recent trends have included cognitive and neuropsychological studies, addressing topics like personality disorders and media psychology. This shift is illustrative of a growing acknowledgment of the limitations of previous paradigms and the need for indigenization in psychology (Bhatia 2017).

The current landscape places emphasis on the integration of indigenous concepts with modern psychological frameworks, as seen in a variety of special journal issues focusing on self-identity, spirituality, and positive psychology. Despite progress, challenges still remain, including a lack of supportive intellectual environments and an over-reliance on Western methodologies, which often neglect the cultural contexts of Indian society (Dalal 2014). As a result, addressing societal issues like poverty, mental health, and social justice is essential for the discipline's future development.

Professional bodies

The diversification of psychology in India is evidenced by the emergence of a whole range of professional bodies. These notably include the Indian Psychoanalytic Society (1922), Indian Psychological Association (1926), Indian Academy of Applied Psychology (1962), Indian Association of Clinical Psychology (1968), and many others formed over decades, including the Indian Cyber-Psychology Association (2017) and the Indian Association of Positive Psychology (2019). The National Academy of Psychology (NAOP) represents India in the International Union of Psychological Science (IUPsyS) and takes an active part in the global psychological community.

The registration and licensing of clinical and rehabilitation psychologists are overseen by the Rehabilitation Council of India (RCI). Psychology has been introduced at the higher secondary level, with undergraduate, postgraduate, and Ph.D. courses structured at the university level. The University Grants Commission (UGC) encourages model courses, yet universities retain autonomy in course development. The most recent UGC initiative in 2016 aimed to enhance the curricular framework for undergraduate psychology programs, resulting in considerable variations in course content and organization. Specialized concentrations include organizational psychology, clinical psychology, developmental psychology, and others, reflecting the expanding landscape of psychological education.

4. Concepts in Indian psychology

a. Transcendence

Transcendence in Indian psychology is the process of going beyond the ego to reach higher states of consciousness. This includes self-exploration, self-discipline, and the realization of one's connection with the universal self. Instead of confining itself to self-actualization, Indian psychology is concerned with self-transcendence, where one tries

to connect with the greater reality. This view encourages individuals to look beyond their personal accomplishments and try to achieve universal consciousness.

b. The Yogic paths to higher consciousness

The four main paths of yoga offer several ways for people to embark on their transcendental journey. Each path provides an opportunity to transcend the self and achieve greater states of consciousness while supporting various personality types. These four paths are as follows:

- *Karma Yoga* (The Path of Selfless Action): emphasizes carrying out one's duties without expecting any results, helping practitioners to let go of their ego and recognize that all individuals are interconnected.
- *Bhakti Yoga* (The Path of Devotion): promotes a deep and emotional connection to the divine, encouraging individuals to go beyond their personal desires and surrender to the higher power.
- *Raja Yoga* (The Path of Meditation and Mind Control): utilizes techniques such as meditation, concentration, and ethical disciplines to calm and discipline the mind so that individuals can move towards self-realization.
- *Jnana Yoga* (The Path of Wisdom or Knowledge): centres on self-examination and intellectual understanding so that individuals realize that the individual self (Atman) and universal consciousness (Brahman) are one.

c. The Vedic perspective on consciousness

Indian psychology offers a multi-dimensional understanding of consciousness, comprising various states and layers that are indicative of both human potential and spiritual growth.

Four-fold states of consciousness:

According to Vedic teachings, consciousness can be experienced in four main states:

- Waking (*Jagrat*): an ordinary state where we interact with the physical world.
- Dreaming (*Swapna*): a subtle level of awareness that reflects our subconscious mind.
- Deep Sleep (*Sushupti*): a state where the mind is at rest, but consciousness remains active.
- Transcendental Consciousness (*Turiya* or *Samadhi*): a state of pure awareness and feeling connected to the universal self.

Five Koshas (sheaths):

The five Koshas relate to different layers of being, which include the body, mind, and spiritual aspects of human life. Progressing through these koshas takes one from the physical, through the mental, to the spiritual: it is the discovery of the deeper dimensions of one's self. These Koshas are as follows:

- *Annamaya Kosha* (physical body): the outermost layer, representing the physical body and material existence.
- *Pranamaya Kosha* (energy body): includes life force, or prana, connecting the physical body with the mind.
- *Manomaya Kosha* (mind body): associated with thoughts, emotions, and perceptions, this sheath echoes our mental experiences.
- *Vijnanamaya Kosha* (wisdom body): represents knowledge, intuition, and awareness, helping as a guide to understanding our higher self.
- *Anandamaya Kosha* (bliss body): the innermost sheath, where an individual experiences pure joy and higher state of consciousness.

d. The Ashramas: Stages of life

In Indian tradition, the ashramas, or life stages, are inherent in a systematic approach to societal responsibility and personal development. Each phase contributes to a person's development from individual identity to societal well-being. These phases are designed to lead people to self-realization by helping them live a balanced and purposeful life.

- *Brahmacharya* (student life): a learning, discipline, and character-building period preparing the individual for future responsibilities.
- *Grihastha* (householder life): dominated by family, career, and societal contribution so that individuals are fulfilled with their worldly duties.
- *Vanaprastha* (retirement/forest dweller): encourages gradual detachment from material pursuits, promoting a shift toward spiritual awareness.
- *Sannyasa* (renunciation): the final stage where individuals let go of their worldly ties to seek enlightenment and union with the divine.

e. The Varnas: Social roles and responsibilities

The varnas, or social roles, provide an understanding of individuals' responsibilities based on their natural tendencies and skills. While often misunderstood, in earlier days varnas helped as a flexible social framework supporting individuals' strengths. It promotes harmony in society by highlighting the interdependence of responsibilities and balancing the needs of the community with the capabilities of each individual.

- *Brahmins*: scholars, teachers, and priests who focus on preserving knowledge and spirituality.
- *Kshatriyas*: warriors and leaders responsible for protection, governance, and maintaining justice.

- *Vaishyas*: merchants and tradespeople contributing to economic stability and wealth.
- *Shudras*: artisans and service providers who play a key role in society's functioning.

Indian psychology describes consciousness as something underlining all the existence. Here, the self is not limited to personal identity; it is rather understood as the expression of universal consciousness, which includes a person's identity of self with the values of ethics and resilience. By being conscious of the connection to the cosmos, one builds up a sense of purpose, strength, and morality leading to a balanced and harmonious life. It is an inborn human desire to transcend from one's present state of consciousness. This drive moves human beings toward growth, self-realization, and linking up with higher states of consciousness. Seeking transcendence is seen as a natural process that promotes individuals' resilience, insight, and understanding of their purpose within the universe.

5. Conclusion

Indian psychology, with its deep roots in spiritual and philosophical traditions, provides an alternative approach to understanding the human mind. By emphasizing self-realization, ethical living, and holistic healing, it offers a pathway to mental well-being that complements Western psychological frameworks. The growing recognition of the limitations of adopting Western paradigms uncritically underscores the need for a robust framework that resonates with local values and traditions. Indian psychology has the potential to contribute greatly to global discussions on mental well-being, consciousness, and personal growth, fostering a deeper understanding of the human psyche, which transcends geographical boundaries.

The integration of Indian psychology into global discourse can be instrumental in promoting a more inclusive understanding of mental health, the one that respects cultural differences while addressing universal human needs. As modern practitioners and scholars continue to adapt and expand these indigenous perspectives, Indian psychology may offer valuable solutions to the psychological challenges of the modern world, grounded in wisdom that transcends time and culture. This will ultimately enhance the field's ability to address pressing societal issues, from mental health challenges to the promotion of ethical living, ensuring that psychological research and practice are entrenched in the cultural contexts that shape individuals' lives.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Манила Сирисети — разработка концепции, подготовка черновика рукописи и иллюстративного материала;

Рави Шанкер Датти — разработка концепции, редактирование рукописи, общее руководство;

Реватхи Сампатирао — подбор литературы, сбор и обработка данных, подготовка черновика рукописи.

Author Contributions

Maneela Sirisety: Conceptualization, Writing — Original Draft, Visualization

Ravi Shanker Datti: Conceptualization, Writing — Review & Editing, Supervision

Revathi Sampathirao: Resources, Data curation, Writing — Original Draft

References

- Asthana, H. S. (1988) Personality. In: J. Pandey (ed.). *Psychology in India: The state-of-the-art. Vol. 1. Personality and mental processes*. New Delhi: Sage Publ., pp. 153–189. (In English)
- Basu, A. R. (2013) The birth of psychology in India. The birth of psychology in India. In: G. Misra (ed.). *Psychology & psychoanalysis. History of science, philosophy, and culture in Indian civilization. Vol. 13. Pt. 3*. New Delhi: Centre for Studies in Civilizations Publ., pp. 91–116. (In English)
- Bhatia, S. (2017) *Decolonizing psychology: Globalization, social justice, and Indian youth identities*. Oxford: Oxford University Press, 360 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199964727.001.0001> (In English)
- Bhattacharyya, S. (2004) Girindrasekhar's Gita. *Psychological Research Journal*, vol. 28, no. 1–2, pp. 11–14. (In English)
- Cornelissen, R. M. M., Misra, G., Varma, S. (eds.). (2011) *Foundations of Indian psychology. Vol. 1. Theories and concepts*. New Delhi: Pearson Education India Publ., 556 p. (In English)
- Dalal, A. K. (1990) India. In: G. Shouksmith, E. A. Shouksmith (eds.). *Psychology in Asia and the Pacific: Status reports on teaching and research in eleven countries*. Bangkok: UNESCO Publ., 458 p. (In English)
- Dalal, A. K. (2011) Indigenisation of psychology in India. *Psychology Teaching Review*, vol. 17, no. 2, pp. 29–37. (In English)
- Dalal, A. K. (2014) A journey back to the roots: Psychology in India. In: R. M. M. Cornelissen, G. Misra, S. Verma (eds.). *Foundations and applications of Indian psychology*. 2nd ed. New Delhi: Pearson Education India Publ., pp. 18–39. (In English)
- Dalal, A. K., Misra, G. (2010) The core and context of Indian psychology. *Psychology and Developing Societies*, vol. 22, no. 1, pp. 121–155. <https://doi.org/10.1177/097133360902200105> (In English)
- Deb, M., Mallick, A. K., Bose, U. (eds.). (2017a) *Heritage papers of early leading Indian psychologist: In 2 vols. Vol. 1. (1916–1940)*. Kolkata: The Asiatic Society, 496 p. (In English)
- Deb, M., Mallick, A. K., Bose, U. (eds.). (2017b) *Heritage papers of early leading Indian psychologists: In 2 vols. Vol. 2. (1941–1965)*. Kolkata: The Asiatic Society, 544 p. (In English)
- Joshi, K., Cornelissen, R. M. M. (eds.). (2004) *Consciousness, Indian psychology and yoga*. New Delhi: Centre for Studies in Civilizations Publ., 496 p. (In English)
- Kao, H. S. R., Sinha, D. (eds.). (1997) *Asian perspectives on psychology*. New Delhi: Sage Publ., 396 p. (In English)
- Kumar, S. K. K. (2008) Indian thought and tradition: A psychohistorical perspective. In: K. R. Rao, A. C. Paranjpe, A. K. Dalal (eds.). *Handbook of Indian psychology*. New Delhi: Cambridge University Press Publ., pp. 19–52. (In English)
- Kumar, S. K. K. (2011) Indian indigenous concepts and perspectives: Developments and future possibilities. In: G. Misra (ed.). *Psychology in India. Vol. 4. Theoretical and methodological developments*. Delhi: Pearson Education India Publ., pp. 97–171. (In English)
- Misra, G. (ed.). (2011) *Handbook of psychology in India*. Oxford: Oxford University Press, 350 p. (In English)
- Misra, G. (ed.). (2013) *Psychology & psychoanalysis. History of science, philosophy, and culture in Indian civilization. Vol. 13. Pt 3*. New Delhi: Centre for Studies in Civilizations Publ., 1103 p. (In English)
- Mitra, S. C. (1937) History of the Psychology Department of the University of Calcutta. *Indian Journal of Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 151–162. (In English)
- Mitra, S. C., Mukhopadhyay, P. K. (1958) Development of psychological studies in India from 1916–1950. *Psychologia*, vol. 1, pp. 191–202. (In English)

- Pandey, J. (2004) Psychology in India enters the twenty-first century: Movement toward an indigenous discipline. In: *Psychology in India revisited: Developments in the discipline. Vol. 3. Applied social and organisational psychology*. New Delhi: Sage Publ., pp. 342–370. (In English)
- Paranjpe, A. (2024) Challenges in the pursuit of an indigenous psychology: A self-reflection. *Review of General Psychology*, vol. 28, no. 3, pp. 237–252. <https://doi.org/10.1177/10892680241236192> (In English)
- Rao, K. R., Paranjpe, A. C. (2016) *Psychology in the Indian tradition*. New Delhi: Springer Publ., 387 p. <https://doi.org/10.1007/978-81-322-2440-2> (In English)
- Rao, S. K. R. (1962) *Development of psychological thought in India*. Mysore: Kavyalaya Publ., 225 p. (In English)
- Sengupta, N. N. (1926) Psychology, its present development and outlook. *Indian Journal of Psychology*, vol. 1, pp. 1–25. (In English)
- Sinha, D. (1986) *Psychology in a Third World Country: The Indian experience*. New Delhi: Sage Publ., 160 p. (In English)
- Sinha, D. (1996) Culture as the target and culture as the source: A review of cross-cultural psychology in Asia. *Psychology and Developing Societies*, vol. 8, no. 1, pp. 83–105. <https://doi.org/10.1177/097133369600800105> (In English)
- Sinha, D. (1997) Indigenizing psychology. In: J. W. Berry, Y. H. Poortinga, J. Pandey (eds.). *Handbook of cross-cultural psychology. Vol. 1. Theory and method*. 2nd ed. Boston: Allyn and Bacon Publ., pp. 129–169. (In English)
- Sinha, D. (1998) Changing perspectives in social psychology in India: A journey towards indigenization. *Asian Journal of Social Psychology*, vol. 1, no. 1, pp. 17–31. <https://doi.org/10.1111/1467-839X.00003> (In English)
- Sinha, D., Misra, G., Dalal, A. K. (2015) *Psychology for India*. New Delhi: Sage Publ., 260 p. (In English)
- Sinha, S. (1963) *Fifty years of science in India: Progress of psychology*. Calcutta: Indian Science Congress Association Publ., 48 p. (In English)

Authors

Maneela Sirisety, Department of Applied Psychology, School of Humanities and Social Sciences, GITAM (Deemed to be University)
Scopus AuthorID: 58302585400, ResearcherID: HHN-3132-2022, ORCID: 0000-0003-4567-6947,
e-mail: maneelasirisety@gmail.com

Ravi Shanker Datti, Department of Applied Psychology, School of Humanities and Social Sciences, GITAM (Deemed to be University)
Scopus AuthorID: 58302640900, ResearcherID: KRQ-9214-2024, ORCID: 0000-0002-8353-3384, e-mail: rdatti@gitam.edu

Revathi Sampathirao, Department of Education, Dr. B. R. Ambedkar University
ORCID: 0009-0000-9549-6368, e-mail: revathisampathirao@gmail.com

Сведения об авторах

Манила Сирисети, кафедра прикладной психологии, Школа гуманитарных и социальных наук, Университет ГИТАМ
Scopus AuthorID: 58302585400, ResearcherID: HHN-3132-2022, ORCID: 0000-0003-4567-6947,
e-mail: maneelasirisety@gmail.com

Рави Шанкар Датти, кафедра прикладной психологии, Школа гуманитарных и социальных наук, Университет ГИТАМ
Scopus AuthorID: 58302640900, ResearcherID: KRQ-9214-2024, ORCID: 0000-0002-8353-3384, e-mail: rdatti@gitam.edu

Ревати Сампатирео, кафедра педагогики, Университет Бхимрао Амбедака
ORCID: 0009-0000-9549-6368, e-mail: revathisampathirao@gmail.com